

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 35

Нижний Новгород

2016

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
НГЛУ*

УДК 81'1:008+82(091)+378.14+1(091)

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 35. – Н. Новгород: НГЛУ, 2016. – 174 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор
Б.А. Жигалев

Редакционная коллегия:

М.А. Викулина (*зам. главного редактора*), Е.Г. Ножевникова (*отв. секретарь*), М.К. Бронич, В.М. Бухаров, М.А. Грачев, Е.С. Гриценко, Е.Н. Дмитриева, В.Г. Зусман, В.И. Карасик (Волгоград), З.И. Кирнозе, Л.П. Крысин (Москва), М.М. Лебедева (Москва), Л.А. Львов, М.И. Никола (Москва), О.Г. Оберемко, Е.В. Плисов, Е.Р. Поршнева, Е.П. Савруцкая, Т.Н. Синеокова, В.В. Сдобников, В.М. Строгоцкий, С.В. Устинкин, Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция), У. Реннер-Хенке (Германия), К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2016

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistics University

Issue 35

Nizhny Novgorod

2016

**Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. Issue 35. –
Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University,
2016. – 174 p.**

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

B. Zhigalev

Editorial Board:

M. Vikulina (*Deputy Editor-in-Chief*), E. Nozhevnikova (*Executive Secretary*),
M. Bronich, V. Bukharov, M. Grachev, E. Gritsenko, E. Dmitryeva, V. Zusman,
V. Karasik (Volgograd), Z. Kirnoze, L. Krysin (Moscow), M. Lebedeva
(Moscow), L. Lvov, M. Nikola (Moscow), O. Oberemko, E. Plisov,
E. Porshneva, E. Savrutsкая, T. Sineokova, V. Sdobnikov,
V. Strogetsky, S. Ustinkin,
D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France),
U. Renner-Henke (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

А.М. Горохова (*Нижний Новгород*)

К вопросу о моделировании ядерных и периферийных компонентов британского национального характера (на материале паремиологического фонда английского языка)..... 11

В.В. Дубровская (*Нижний Новгород*)

Особенности периферийных квантификаторов – собирательных имен существительных в современном английском языке..... 24

Е.В. Зуева (*Нижний Новгород*)

Феномен прецедентности в языке..... 32

Ю.В. Кузина (*Екатеринбург*)

Сопоставительное исследование лингвокультурного типажа «английский чужак» в сказочной повести Л.Ф. Баума “The Wonderful Wizard of Oz” и ее русскоязычных аналогах..... 41

Ж.В. Никонова (*Нижний Новгород*)

Иллокутивная семантика речевых актов служебного поручения (на материале немецкого языка)..... 52

Е.Г. Ножевникова (*Нижний Новгород*)

Вербальное выражение насмешки посредством коммуникативного хода сопоставления в британском лингвосоциуме 62

Л.М. Терентий (*Москва*)

Основные подходы к исследованию дискурса в современной лингвистике 74

В.А. Тырыгина (*Нижний Новгород*)

Холистический подход к моделированию жанра..... 81

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

М.Е. Ерышева (*Нижний Новгород*)

Жанровая специфика «Прогулок по Риму»
Стендаля..... 94

С.О. Натарова (*Нижний Новгород*)

Функции имени в романе Джумпы Лахири
«Тёзка»..... 102

Н. Станкович Шошо (*Сербия*)

«Подозрительная личность» Бранислава Нушича..... 114

А.А. Яшина (*Москва*)

Танатология Н.А. Некрасова: опыт мотивного
тезауруса..... 122

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Е.П. Глумова (*Нижний Новгород*)

Цели иноязычной подготовки будущих бакалавров-
лингвистов к межкультурной коммуникации на региональном
уровне..... 130

М.В. Золотова, Е.В. Ганюшкина (*Нижний Новгород*)

Формирование навыков автономного студента на занятиях
по английскому языку в процессе проектной
деятельности..... 138

О.С. Присмотрова (*Нижний Новгород*)

Система упражнений для формирования профессионально
ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции
магистрантов нелингвистического вуза..... 146

Е.Г. Соколова (*Нижний Новгород*)

Межкультурный компонент в содержании иноязычной
подготовки студентов юридического профиля..... 155

РЕЦЕНЗИИ

А.Г. Пастухов (*Орел*)

Новая «культурная журналистика»: жанровые форматы vs. медийные предложения. Рецензия на книгу: *Lüddemann S. Kulturjournalismus: Medien, Themen, Praktiken. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2015. 147 S.*..... 163

ХРОНИКА

Юбилейные заседания Нижегородского представительства общества немецкого языка в НГЛУ..... 171

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

Anna Gorokhova (*Nizhny Novgorod*)

Towards Modeling Nuclear and Peripheral Components of the British National Character (Based on the Analysis of the English Language Paremiological Fund)..... 11

Veronica Dubrovskaya (*Nizhny Novgorod*)

Peculiarities of Peripheral Quantifiers – Collective Nouns in Modern English..... 24

Evgeniya Zueva (*Nizhny Novgorod*)

The Phenomenon of Precedence in Language..... 32

Yulia Kuzina (*Yekaterinburg*)

Comparative Research of the Linguocultural Type “Weirdo” in L.F. Baum’s Fairy Story “The Wonderful Wizard of Oz” and its Russian Analogues..... 41

Zhanna Nikonova (*Nizhny Novgorod*)

Illocutionary Semantics of the Office Assignment Speech Acts in Modern German..... 52

Elena Nozhevnikova (*Nizhny Novgorod*)

Verbal Representation of Mockery by Means of Juxtaposition in British Lingvosociety..... 62

Liviu Terentiy (*Moscow*)

The Main Approaches to Discourse Research in Contemporary Linguistics..... 74

Valentina Tyryguina (*Nizhny Novgorod*)

A Holistic Approach to Genre Modelling..... 81

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE

Maria Erysheva (<i>Nizhny Novgorod</i>)	
Genre Identification of “Walks in Rome” by Stendhal.....	94
Sofya Natarova (<i>Nizhny Novgorod</i>)	
Functioning of a Name in “The Namesake”, a Novel by Jhumpa Lahiri.....	102
Natasha Stankovich Shosho (<i>Serbia</i>)	
The “Suspicious Person” of Branislav Nusic	114
Anna Yashina (<i>Moscow</i>)	
N.A. Nekrasov’s Thanatology: A Motif Thesaurus.....	122

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION

Elena Glumova (<i>Nizhny Novgorod</i>)	
Goals of Foreign Language Acquisition in Training Future Linguists for Intercultural Communication on the Regional Level.....	130
Marina Zolotova, Elena Ganjushkina (<i>Nizhny Novgorod</i>)	
Developing Learner Autonomy through Project Work in the ESL / EFL Classroom	138
Oxana Prismotrova (<i>Nizhny Novgorod</i>)	
A System of Exercises for Developing Professional Communicative Competence in English for Non-Language Majors in Master’s Degree Programs	146
Elena Sokolova (<i>Nizhny Novgorod</i>)	
The Cross-Cultural Component in Foreign Language Training for Law Students.....	155

REVIEWS

A.G. Pastukhov (*Oryol*)

The New “Cultural Journalism”: Genre Formats and Media Offers.
A Review of the Book: Lüddemann S. Kulturjournalismus:
Medien, Themen, Praktiken. Wiesbaden: Verlag für
Sozialwissenschaften, 2015. 147 S. 163

CHRONICLE

LUNN Hosts Commemorative Meetings of the Nizhny Novgorod
Chapter of the German Language Society 171

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.111'37

К ВОПРОСУ О МОДЕЛИРОВАНИИ ЯДЕРНЫХ И ПЕРИФЕРИЙНЫХ КОМПОНЕНТОВ БРИТАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

А.М. Горохова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена дифференциации ядерных и периферийных компонентов британской национальной идентичности, выделенных на основе их количественной репрезентации и ассоциативного картирования в контексте паремиологического фонда современного английского языка.

Ключевые слова: британский национальный характер, ядерные и периферийные компоненты национальной идентичности, паремиологический фонд, паремио-семантическое поле, метод ментального картирования.

Towards Modeling Nuclear and Peripheral Components of the British National Character (Based on the Analysis of the English Language Paremiological Fund) Anna Gorokhova

The article seeks to differentiate among nuclear and peripheral components of the British national identity, which are singled out on the basis of their quantitative representation and associative mapping within the framework of the English language paremiological fund.

Key words: British national character, nuclear and peripheral national identity components, paremiological fund, paremio-semantic field, mind-mapping.

Проблема осмысления феномена национального характера находилась в фокусе научных исследований в исторической ретроспективе. Изучение этнической идентичности в контексте глобальных реалий XXI века актуализировано процессами повсеместной ассимиляции межкультурных аксиологических доминант и необходимостью научной фиксации внутриэтнических трансформаций с выделением и оппозицией самобытных национальных кодов и надэтнических универсалий.

К дискуссионным полям в области изучения национального характера справедливо отнести принятие и опровержение его существования. С одной стороны, национальный характер понимается как фундаментальная категория, обеспечивающая функционирование социума на индивидуальном, групповом и национальном уровнях: «Национальный человек больше, а не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуально-национальные» [1. С. 96]; как неотъемлемая, сформированная инстинктивно данность некой социальной общности, которая «вырабатывается исторически, в борьбе с природой, в создании единой духовной культуры... Каждый народ призван к тому, чтобы принять свою народную и историческую “данность” и духовно проработать ее, одолеть ее, одухотворить ее по-своему...» [2. С. 232–233]. С другой стороны, по мере интенсификации глобальных культурных процессов национальная идентичность интегрирует чужеродные элементы, привнесенные извне и адаптируемые под конкретные условия жизнедеятельности народности [3. Р. 29; 4], что ставит под сомнение уникальность национального характера и оправдывает возникновение и вживание в национальные системы кросс-культурных универсалий [5; 6].

Не существует единства мнений и по вопросу статики / динамики системы «национальный характер» [7; 8], генетической преемственности и ретрансляции его компонентов [9. С. 78; 10. С. 105].

Все перечисленные выше проблемные аспекты могут быть спроецированы и на узконаправленные исследования в области британского национального характера. Учеными предпринимались многочисленные попытки классификации и систематизации краеугольных компонентов «английскости» [8; 11. Р. 57; 12; 13; 14; 15; 16], которые были представлены в форме молекулярных и планетарных моделей британской идентичности [17], позволяющих проследить сочинительный или подчинительный характер связи между включенными в их состав элементами. Однако до настоящего момента соотношение ядра и периферии системы «британский национальный характер» не было выявлено.

Целью исследования, представленного в данной статье, является определение ядерных и периферийных конститuentов «английскости» на основе анализа паремиологического фонда

современного английского языка. Эмпирическую базу исследования составили 903 единицы, полученные методом сплошной выборки из аутентичных словарей пословичных изречений (*The Oxford Dictionary of English Proverbs, The Oxford Dictionary of Proverbs Online*). Критерием отбора послужило соответствие паремий общепризнанным компонентам британской национальной идентичности [8; 11. Р. 57; 12; 13; 14; 15; 16]. Исследование проводилось на основе интерпретативного и дефиниционного методов анализа, а также инновационного, с точки зрения этнопсихологического преломления, метода ментального картирования [18; 19].

Аксиологические и поведенческие коды нации находят наиболее эксплицитное выражение в продуктах культурно-эстетического и интеллектуального творчества народа. Язык структурирует и консолидирует национальную самобытность, «в языке запечатлен весь национальный характер, а также в нем как в средстве общения данного народа исчезают индивидуальности, с тем чтобы проявилось всеобщее» [20. С. 303]. Язык созидателен по своей сути, он заключает абстрактную этноспецифику в конкретные, доступные микроформулы, к которым можно отнести пословицы. «Ни в каком употреблении речи столько не обнаруживаются характер и образ мыслей народа или, лучше сказать, весь народ, как в своих пословицах» [21. С. 153].

В отличие от смежных языковых явлений, таких как афоризм и поговорка, пословица обладает целостной структурой и семантикой, представляет собой общенародную, а не авторскую мудрость [22; 23; 24; 25; 26], являя актуальный слой для фиксации этноспецифических констант в статическом ключе.

Анализ паремиологического фонда английского языка с целью фиксации ядра и периферии «английскости» проводился в несколько этапов.

На первичной стадии исследования полученные в результате интерпретации пословичных изречений компоненты британского национального характера в количестве 19 тематических единств – паремии-семантических полей – не были дифференцированы по принципу отнесенности к ядерным или периферийным фронтам системы *Britishness*, однако подверглись иерархизации на основе количественного индекса их употребительности в словарных статьях:

сдержанность (умеренность) – 154 единицы паремиологического фонда (18 %), прагматичность (эмпиризм) – 139 единиц (16 %), классовость – 100 единиц (12 %), энергичность – 85 единиц (10 %), честность – 83 единицы (10 %), джентльменство (цивилизованность) – 62 единицы (7 %), традиционализм – 52 единицы (6 %), домовитость – 49 единиц (6 %), состоятельность – 45 единиц (5 %), приватность (обособленность) – 28 единиц (3 %), упорядоченность – 28 единиц (3 %), эксцентричность – 25 единиц (3 %), противоречивость – 10 единиц (1 %), фатализм – 10 единиц (1 %), развитое чувство юмора – 9 единиц (1 %), свободолюбие – 7 единиц (1 %), гордость – 5 единиц (1 %), духовность – 4 единицы (0,44 %), толерантность – 3 единицы (0,33 %)

На втором этапе методом ментального картирования, заключающимся в объединении близких по семантическому и аксиологическому наполнению конструкторов, полученные 19 паремио-семантических единств были ассоциативно сгруппированы до 10. В состав конструктора «Сдержанность, умеренность» был включен *фатализм* – готовность сдержанно-безропотного приятия рока судьбы; *обособленность* была дополнена *домовитостью* – стремлением к приватности и «отграниченности» от внешнего мира; *свободолюбие* – чувством юмора, *эксцентричностью*, *толерантностью* и *противоречивостью* – своеобразными формами протеста против общепринятого регламента и маркерами независимости индивида; *джентльменство* – *состоятельностью*, *гордостью* и *духовностью*. *Прагматизм*, *классовость*, *энергичность*, *честность*, *упорядоченность* и *традиционализм* остались самостоятельными чертами. Каждое из 10 глобальных единств было далее сегментировано по ассоциативному принципу. Рассмотрим ассоциативные объемы данных конструкторов более подробно.

I. Сдержанность, умеренность

1. Умеренность вербальных и поведенческих проявлений: *To talk without thinking is to shoot without aiming* (Говорить необдуманно – все равно что стрелять без прицела); *A still tongue makes a wise head* (Неболтливый язык дает начало мудрой голове); *Be swift to hear, slow to speak* (Шибко слушай, да не шибко говори).

2. Стоицизм: *Adversity is a good discipline* (Несчастье служит хорошим уроком); *What can't be cured must be endured* (Что нельзя вылечить, должно быть выстрадано); *Life isn't all beer and skittles*

(Жизнь – нелегкая штука); *Sussex won't be druv* (Сассекс не покорится).

3. Фатализм: *Every bullet has its billet* (Пуля виновного отыщет); *Marriage and hanging go by destiny* (Повешение и бракосочетание предначертаны судьбой); *There is a remedy for everything except death* (Имеется панацея от всех бед, кроме смерти).

4. Самоконтроль: *The best doctors are Dr Diet, Dr Quiet and Dr Merryman* (Лучшие лекари – доктор Диета, доктор Спокойствие и доктор Оптимизм); *Better are small fish than an empty dish* (Лучше мала рыбка, чем пустая тарелка); *Be careful what you pray for, you might get it* (Будь осторожен в своих прошениях – они могут осуществиться); *Moderation in all things* (Умеренность всюду).

5. Терпение: *Patience is a virtue* (Терпение – золото); *Slow and steady wins the race* (Тише едешь, дальше будешь); *Don't put the cart before the horse* (Не ставь телегу впереди лошади: всему свое время).

6. Неприятие суеты: *Hasty climbers have sudden falls* (Взлетел высоко, да сел низко; дословно: торопливые скалолазы внезапно срываются вниз); *Nothing should be done in haste but gripping a flea* (В спешке следует лишь только ловить блоху); *Haste trips over its own hills* (Суматоха спотыкается о собственные пятки / Скоро пойдешь – ногу зашибешь).

II. Эмпиризм, прагматизм, здравый смысл

1. Логика, рационализм: *Coming events cast their shadows before* (Грядущие события отбрасывают тени); *You cannot have your cake and eat it* (Один пирог два раза не съешь: невозможность совмещения несовместимого); *A stitch in time saves nine* (Один стежок, сделанный вовремя, стоит девяти: то, что делается вовремя, экономит много труда впоследствии).

2. Осторожность, наблюдательность: *Beauty is but skin-deep* (Красота обманчива); *Believe nothing of what you hear, and only half of what you see* (Не верь ничему из того, что слышишь, и лишь половине того, что видишь); *Never choose your woman or your linen by candlelight* (Никогда не выбирай женщину и белье при свечах).

3. Последовательность: *If you play with fire, you get burnt* (Коли играешь с огнем, погоришь); *As you brew, so must you drink* (Что заварил, то и расхлебывай); *A good beginning makes a good ending* (Хорошее начало – залог благоприятной развязки).

4. Расчетливость: *God sends meat but the devil sends cooks* (Бог посылает мясо, а дьявол – поваров); *You can't make an omelette without breaking eggs* (Не приготовить омлета, не разбив яиц: успешному исходу зачастую предшествуют трудности); *One man's loss is another man's gain* (Кто-то теряет, кто-то находит).

5. Ориентация на практические доводы: *An ounce of practice is worth a pound of precept* (День практики стоит года теории); *The proof of the pudding is in its eating* (Чтобы судить о пудинге, надо его отведать); *Every picture tells a story* (У каждого события своя предыстория).

6. Хитрость: *If you can't beat them, join them* (Не можешь победить их, присоединяйся: не можешь бороться – возглавь).

III. Классовость

1. Важность социального происхождения: *An ape's an ape, a varlet's a varlet, though they be clad in silk or scarlet* (Как свинью в кафтан ни ряди, она свиньей и останется); *Dogs look up to you, cats look down on you, pigs is equal* (Собаки превозносят, коты принижают, а свиньи равны).

2. Равенство: *When the blind lead the blind, both shall fall into the ditch* (Если слепой ведет слепца, оба свалятся в канаву); *Hawks will not pick out hawks' eyes* (Ворон ворону глаз не выклюет); *Set a thief to catch a thief* (Чтобы поймать вора, нужен вор).

3. Неравенство: *Beggars can't be choosers* (Беднякам не приходится выбирать); *Fools build houses and wise men live in them* (Простаки возводят дома, а богачи живут в них); *The rich man has his ice in the summer and the poor man gets his in the winter* (Богач наслаждается прохладой летом, а бедняк – зимой).

4. Кооперативность: *Birds of a feather flock together* (Птицы одного оперения держатся вместе / Рыбак рыбака видит издалека); *Providence is always on the side of the big battalions* (Провиденье всегда на стороне многочисленных батальонов); *United we stand, divided we fall* (Вместе мы выстоим, по отдельности падём).

IV. Энергичность

1. Трудолюбие, целеустремленность: *The busiest people have the most leisure* (Самый занятой человек находит больше всего досуга); *He that would eat the fruit must climb the tree* (Тот, кто хочет отведать плод, должен взобраться на дерево); *Genius is an infinite*

capacity for taking pains (Гениальность – бесконечная награда за старания).

2. Перфекционизм, амбициозность: *The good is the enemy of the best* (Хорошее – враг лучшего); *You never know what you can do till you try* (Никогда не знаешь, на что способен, пока не попробуешь); *If a thing's worth doing, it's worth doing well* (Если берешься за дело, нужно делать его хорошо).

3. Оппортунизм: *Opportunity never knocks twice at any man's door* (Возможность никогда не стучит в дверь дважды); *While two dogs are fighting for a bone, a third runs away with it* (Пока две собаки дерутся из-за косточки, третья с ней убегает); *Use it or lose it* (Действуй – или потеряешь шанс).

4. Доведение дела до конца: *The nearer the bone, the sweeter the meat* (Чем ближе кость, тем слаще мясо / Остатки сладки); *It is idle to swallow the cow and choke on the tail* (Проглотить корову и подавиться хвостом: нельзя останавливаться на полпути); *He who wills the end, wills the means* (Тот, кто идет к конечной цели, считается и со средствами).

5. Избегание отсрочек: *The sooner begun, the sooner done* (Скорее начато – скорее закончено); *Time and tide wait for no man* (Время и прилив не ждут никого); *Don't put off till tomorrow what you can do today* (Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня).

V. Честная игра

1. Честное, открытое поведение: *A bad penny always turns up* (Дурное всегда проявится); *A clean conscience is a good pillow* (У кого совесть чиста, у того и подушка под головой не вертится); *A fault confessed is half redressed* (Признание вины – половина наказания).

2. Принцип воздаяния: *A civil question deserves a civil answer* (Вежливый вопрос заслуживает вежливого ответа); *Curses like chickens come home to roost* (Проклятия, подобно цыплятам, возвращаются на свой насест); *Do as you would be done by* (Поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой).

VI. Упорядоченность, законопослушность

1. Соблюдение общепринятых правил и норм: *Hard cases make bad law* (Трудные дела – шаткая основа для закона); *Ignorance of the law is no excuse for breaking it* (Незнание закона не оправдывает его

нарушение); *The first duty of a soldier is obedience* (Первая обязанность солдата – повиновение).

2. Структуризация бытия: *A place for everything and everything in its place* (Место для всего – и все на своем месте); *Every man to his trade* (Каждому свое ремесло).

VII. Джентльменство

1. Воспитанность: *An Englishman's word is his bond* (Слово англичанина – его обязательство); *It takes three generations to make a gentleman* (Джентльмен рождается через три поколения); *Manners maketh man* (О человеке судят по манерам).

2. Опрятность внешнего вида: *Nine tailors make a man* (Девять портных создают джентльмена); *The style is the man* (Стиль – это личность).

3. Безупречность репутации: *Give a dog a bad name and hang him* (Дай собаке дурную кличку – и повесь ее); *Evil communications corrupt good manners* (Дурные связи портят манеры).

4. Образованность: *A little knowledge is a dangerous thing* (Невежество опасно); *Where ignorance is bliss, 'tis folly to be wise* (Где невежество как благодать, безрассудна мудрость); *The pen is mightier than the sword* (Перо сильнее меча: использование слова для победы над противником).

5. Гордость: *Better die standing than live kneeling* (Лучше умереть стоя, чем жить на коленях); *Better go to bed supperless than rise in debt* (Лучше ложиться спать, не поужинав, чем просыпаться в долгу); *Better be alone than in bad company* (Лучше быть одному, чем в дурной компании).

6. Состоятельность (как положительное и отрицательное явление): *A golden key can open any door* (Золотой ключик способен отворить любую дверь); *Poverty is no disgrace but it is a great inconvenience* (Бедность не порок, но существенное неудобство); *It is better to be born lucky than rich* (Лучше родиться счастливым, нежели богатым).

VIII. Традиционализм

1. Почитание традиций и обычаев: *England is the paradise of women, the hell of horses, and the purgatory of servants* (Англия – рай женщин, пропасть лошадей и чистилище слуг); *Old habits die hard* (От старой привычки трудно избавиться); *Yorkshire born and Yorkshire*

bred strong in the arm and weak in the head (Рожденный и воспитанный в Йоркшире силен на руку, но слаб на голову).

2. Патриотизм: *One Englishman can beat three Frenchmen* (Один англичанин победит троих французов); *He has no home whose home is everywhere* (Нет дома у того, чей дом повсюду).

3. Консерватизм: *A creaking door hangs longest* (Скрипучая дверь дольше висит на петлях); *What is new cannot be true* (То, что ново, не может быть истинно); *You can't teach an old dog new tricks* (Старую собаку не обучить новым трюкам).

4. Уважение истории: *History repeats itself* (История циклична); *What Manchester says today, the rest of England says tomorrow* (О чем Манчестер говорит сегодня, завтра заговорит вся Англия).

IX. Этноцентризм

1. Домовитость: *Good fences make good neighbours* (За хорошим забором – и соседи хороши); *Every tub must stand on its own bottom* (Всякая кадушка должна стоять на собственном дне: каждый должен заботиться о себе сам); *Keep your own fish-guts for your own sea-maws* (Думай о себе и о своей выгоде / Помогай своим, а не чужим).

2. Семейственность: *Birds in their little nests agree* (Пташки в своих гнездышках договариваются); *An Englishman's house is his castle* (Дом англичанина – его крепость); *Every Jack has his Jill* (Всякому Джеку суждена его Джил).

3. Любовь к порядку и комфорту: *It's an ill bird that fouls its own nest* (Глупа та птица, коей свое гнездо нелюбо); *Cleanliness is next to godliness* (Чистоплотность сродни праведности).

X. Свободолюбие

1. Независимость, любовь к свободе: *A bean in liberty is better than a comfit in prison* (Боб на свободе лучше деликатесов в темнице); *Lean liberty is better than fat slavery* (Чахлая свобода лучше процветающего рабства).

2. Эксцентричность: *Wanton kittens make sober cats* (Распутство в молодости – умеренность (трезвость ума) в старости); *Variety is the spice of life* (Перемены придают остроту жизни).

3. Толерантность: *Live and let live* (Сам живи и другим жить не мешай); *A good horse cannot be of bad colour* (Хорошая лошадь не может быть плохой масти).

4. Двуличие и противоречивость: *England's difficulty is Ireland's opportunity* (То, что для Англии – сложность, для Ирландии – возможность); *Young saint, old devil* (Святоша в молодости – греховодник в старости).

5. Шутливость, развитое чувство юмора: *It's a poor heart that never rejoices* (Несчастливо то сердце, что не знает радости); *Many a true word is spoken in jest* (В любой шутке есть доля правды).

В ходе третьей, заключительной стадии исследования было произведено окончательное ментальное картирование 10 паремио-семантических полей, после чего число глобальных системообразующих доминант «английскости» сократилось до следующей триады радиальных, вбирающих в себя ассоциативные карты остальных элементов: *Сдержанность – Джентльменство – Упорядоченность*.

В ассоциативный объем конструкта «Сдержанность» (154 единицы паремиологического фонда) были включены: «Обособленность» (77 единиц), сопряженная с уважением персонального пространства, ограничением и контролем поведенческих проявлений индивида, отказом от социальных ролей в приватном пространстве дома, стремлением к умеренности в выражении убеждений, невмешательством в частную жизнь; «Эмпиризм» (139 единиц), соотносимый с продуманностью, практичностью и умеренностью поведенческой и вербальной составляющих, их четкой регламентированностью и ситуативной обусловленностью; «Фатализм» (10 единиц), выраженный в беспрекословной подчиненности року судьбы. Суммарный количественный показатель репрезентированности конструкта «Сдержанность» в паремиологическом фонде английского языка, таким образом, составил **380 единиц**. Структура данного глобального паремио-семантического поля отличается, кроме того, сильным ассоциативным ветвлением, что свидетельствует о многогранности его проявлений в контексте британского лингвосоциума.

В ассоциативный объем конструкта «Джентльменство» (197 единиц паремиологического фонда) были интегрированы: «Традиционализм» (61 единица), который отражается в традиционных ценностях образования, воспитания и патриотизма; «Свободолюбие» (54 единицы) как прямое следствие состоятельности и статусности индивида, который в таком случае чувствует свою

независимость и может противостоять традиционному ценностному комплексу, выражая собственную индивидуальность. Общий индекс частотности употребления паремий, связанных с указанным полем «английскости», составил **312 единиц**.

Замыкающий триаду конструкт «Упорядоченность» представлен собственно «Упорядоченностью» (28 единиц), «Классовостью» (100 единиц), которая также предопределяет наличие четко очерченной социальной или иной иерархии, и «Честной игрой» (83 единицы), детерминирующей социальный порядок и открытость межличностных взаимоотношений. Суммарный квантитативный индекс составил **211 единиц**.

Числовая корреляция указанных конструктов и высокая степень их ассоциативного ветвления позволяет сделать вывод о главенствующей (ядерной, радиальной) роли, которой наделяются «Сдержанность», «Джентльменство» и «Упорядоченность» в контексте британской лингвокультуры. Периферийными по отношению к ним выступают конструкты, отличающиеся меньшим квантитативным индексом употребляемости в словарных статьях, но обладающие высоким аксиологическим потенциалом: «Состоятельность» (45 единиц), «Эксцентричность» (25 единиц), «Фатализм» (10 единиц), «Гордость» (5 единиц), «Духовность» (4 единицы), «Толерантность» (3 единицы) и другие.

Предпринятое исследование продемонстрировало возможность моделирования ядерных и периферийных компонентов британского национального характера на основе комплексного анализа языковой составляющей нации, выраженной в пословично-поговорочном минимуме. Квантитативное соотношение выделенных паремийо-семантических полей свидетельствует о существенном количественном превосходстве одних над другими и позволяет разграничить их и представить в форме многоступенчатой иерархии ценностей и черт. Следует признать, что полученная модель, фундамент которой составляет триада «Сдержанность – Джентльменство – Упорядоченность» склонна к трансформации и реорганизации, так как язык представляет собой подвижное образование, реагирующее на изменения уклада общества и отражающее актуальную ценностную среду. Интерес для дальнейших исследований может представлять перераспределение ядерных и

периферийных компонентов «английскости» в диахронической и синхронической проекциях.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Международные отношения, 1990. 336 с.
2. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Путь к очевидности. М., 1993. С.134–289.
3. Edensor T. National Identity, Popular Culture and Everyday Life. Oxford – N.Y.: Berg, 2002. 224 p.
4. Fulbrook M. German National Identity after the Holocaust. Cambridge: Polity Press, 1999. 255 p.
5. Murdock G.P. The Common Denominator of Culture // The Science of Man in the World Crisis / Ed. Ralph Linton. N.Y.: Columbia University Press, 1945. P. 123–142.
6. Brown D. Human Universals. N.Y.: McGraw Hill, 1991. 220 p.
7. Mandler P. The English National Character: The History of an Idea from Edmund Burke to Tony Blair. New Haven, CT: Yale University Press, 2006. 320 p.
8. Hewitt K. Understanding Britain Today. Oxford: Perspective Publications Ltd., 2009. 307 p.
9. Сикевич З.В. Русские: «образ» народа (социологический очерк). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. 152 с.
10. Смирнов П.И. Социология личности: Уч. пос. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 380 с.
11. O'Driscoll J. Britain: The Country and Its People. L.: Oxford University Press, 2000. 224 p.
12. Barnes J. England, England. L.: Jonathan Cape, 1998. 266 p.
13. Miall A, Milsted D. The Xenophobe's Guide to the English. Updated and Revised. L.: Oval Books, 2002. 64 p.
14. Langford P. Englishness Identified. Manners and Character. L.: Oxford University Press, 2000. 389 p.
15. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. L.: Hodder and Stoughton, 2004. 424 p.
16. Цветкова М.В. Английское // Межкультурная коммуникация: Уч. пос. Н. Новгород, 2001. С. 158–183.
17. Gorokhova A.M. The Molecular and Planetary Models of British National Character // International Scientific-Practical Conference “Innovations

in Science, Technology and the Integration of Knowledge". 27–28 February 2014, L.: Berforts Information Press Ltd, United Kingdom, 2014. P. 156–167.

18. Buzan T., Griffiths C., Harrison J. Modern Mind Mapping for Smarter Thinking. Cardiff: Proactive Press. 2012. 181 p.

19. Buzan T. The Ultimate Book of Mind Maps. L.: Harper Thorsons, 2006. 256 p.

20. Гумбольдт В. фон. Лаций и Эллада // Избранные труды по языкознанию / Пер. с немецкого языка под ред. и с предисл. д-ра филол. наук, проф. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 400 с.

21. Фелицына В.П. Названия русских кушаний в пословицах и поговорках // Словари и лингвострановедение: Сборник статей / Под ред. Е.М. Верещагина. М.: Русский язык., 1982. С. 153–156.

22. Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. М., 1995. 527 с.

23. Ляцкий Е.А. Материалы для изучения творчества и быта белорусов // Пословицы, поговорки, загадки. М.: Университетская типография, 1998. 63 с.

24. Фелицына В.П. О пословицах и поговорках как материале для фразеологического словаря // Проблемы фразеологии. М.–Л., 1964. С. 200–205.

25. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. 2-е изд. М.: Высшая школа, Дубна:Феникс, 1996. 381 с.

26. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Лабиринт, 2001. 624 с.

Сведения об авторе

Горохова Анна Михайловна
ассистент кафедры основ английского языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: gorokhova@lunn.ru

УДК 811.111'367.622.21

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРИФЕРИЙНЫХ КВАНТИФИКАТОРОВ –
СОБИРАТЕЛЬНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В
СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

В.В. Дубровская

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются особенности периферийного подразряда квантификаторов – собирательных имен существительных, являющихся в большинстве случаев окказиональными единицами, образованными для выражения неопределенного количества. Кроме того, определяется статус собирательных существительных в структуре класса квантификаторов и анализируется их этимология.

Ключевые слова: периферийные квантификаторы, собирательные имена существительные, прототипические признаки, окказионализмы.

**Peculiarities of Peripheral Quantifiers – Collective Nouns in Modern English
Veronica Dubrovskaya**

The article looks at the peculiarities of the peripheral subtype of quantifiers – collective or group nouns, that in most cases prove to be occasionalisms, created for the purpose of expressing indefinite quantity. The author also defines the status of collective nouns in the structure of the category of quantifiers and analyzes their etymology.

Key words: peripheral quantifiers, collective nouns, prototypic characteristics, occasionalisms.

Настоящая статья посвящена одному из периферийных подразрядов квантификаторов – собирательным существительным. Актуальность исследования квантификаторов в современной лингвистике обусловлена необходимостью систематизации особенностей концептуализации количества в английском языке, в частности в изучении тех подразрядов квантификаторов, которым не было уделено достаточное внимание ранее в силу того, что они занимают периферийное положение в структуре данного класса слов. Собирательные существительные являются неотъемлемой частью разговорной речи и постоянно пополняемым подразрядом, отражающим изменения экстралингвистического характера, происходящие в жизни людей.

Квантификаторы – это выражения, обозначающие количество, например, *many, all, three, a large amount of, etc.* [1. С. 51–62]. В соответствии с постулатами когнитивной лингвистики, категория

квантификаторов устроена по прототипическому принципу: существуют ее «лучшие» и «худшие» примеры – *центр* и *периферия* категории.

Многочисленные психологические эксперименты показали, что «центральные члены категории чаще встречаются в повседневной жизни, раньше усваиваются в детстве, быстрее распознаются и служат для представления всей категории в целом» [2. С. 93]. Асимметрия между центром и периферией категории получила название *прототипического эффекта* (Э. Рош).

Единица, проявляющая в наиболее чистом виде и в наибольшей степени свойства, общие с другими единицами категории, представляет собой *прототип* данной категории.

Отнесение той или иной единицы к ядру или периферии возможно на основе наличия у нее характерных признаков рассматриваемой категории. Обобщая многочисленные наблюдения исследователей, занимавшихся проблемами категории количества (прим. 1), необходимо прежде всего перечислить общие свойства квантификаторов. Среди них можно выделить следующие: 1) абстрактно-количественное значение, 2) обозначение порядка при счете, 3) употребление в качестве определения существительного, 4) выполнение роли подлежащего в предложении, 5) отсутствие категории грамматического числа, 6) модификация числового имени с помощью аппроксиматоров, 7) нехарактерность использования в самостоятельной предикативной позиции, 8) возможность согласования с глаголом как во множественном, так и в единственном числе, 9) употребление как с детерминативами, так и без них.

В английском языке ядро класса квантификаторов представлено количественными числительными, в том числе их подразрядами: мультипликативными, дистрибутивными, множественными, порядковыми, дробными; при этом количественные числительные являются прототипом рассматриваемой категории. Ближнюю периферию составляют существительные, являющиеся несистемными квантификаторами, неопределенные местоимения, партитивные, собирательные существительные и псевдочислительные. Дальняя периферия представлена следующими единицами, выражающими количество: прилагательными, наречиями, глаголами, предлогами – так как эти единицы обладают меньшим количеством прототипических признаков.

Количественные отношения объективного мира отображаются как точно, так и приблизительно. Соответственно этому языковые обозначения количественных отношений могут быть определенными и неопределенными.

Общими вопросами неопределенности в языке (*vagueness, indeterminacy, imprecision*) занимались многие исследователи: Дж. Лакофф, Дж. Чаннелл, Дж. Тарныкова [13. Р. 71]. Под *неопределенностью* понимается использование единиц, лексическое значение которых имеет размытые границы (*fuzzy boundaries*).

Неопределенное количество в английском языке выражают следующие лексические единицы: *партитивные существительные, неопределенные местоимения, псевдочислительные, собирательные существительные* [14. С. 51–57].

Непосредственный объект настоящего исследования – **собирательные имена существительные (*collective nouns or group nouns*)** – традиционно определяются как существительные, обозначающие группу предметов или живых существ (*band, committee, flock, herd, bundle, stack*).

Собирательные существительные обладают следующими прототипическими признаками:

- 1) выражают неопределенное количество;
- 2) не используются в самостоятельной предикативной позиции;
- 3) согласуются с глаголом как во множественном, так и в единственном числе.

Следует отметить, что в американском варианте современного английского языка прослеживается тенденция использовать глагол в единственном числе, так как, несмотря на лексическое значение рассматриваемых единиц, с точки зрения грамматики подлежащее выражено существительным в единственном числе и согласуется со сказуемым. Исключением является слово *police*, которое всегда согласуется с глаголом во множественном числе.

Таким образом, собирательные имена существительные следует отнести к периферии класса квантификаторов.

В книге “The Book of St. Albans”, содержащей сведения об охоте, геральдике и фольклоре и напечатанной в 1486 г., приведен список из двухсот собирательных существительных. Некоторые из примеров представляют собой традиционные наименования групп животных или птиц: *a herd of cows, cranes, wrens, deer, swans, etc.*;

a swarm of bees. Многие из них являются окказиональными выражениями: *a muster of peacocks, an unkindness of ravens, a watch of nightingales, a charm of goldfinches* и др. Кроме того, отдельные выражения употребляются для наименования групп людей: *a diligence of messengers, a superfluity of nuns, a doctrine of doctors, a sentence of judges, a prudence of vicars, a non-patience of wives*. Как указывается в лингвистической литературе, английский лингвосоциум открыт для создания подобных окказиональных номинаций: *an absence of waiters, a rash of dermatologists, a shoulder of agony aunts, a clutch of car mechanics, a vat of chancellors, a bout of estimates, a lot of auctioneers, a mass of priests, a depression of weather forecasters, an excess of apostrophes, a crash of software, an annoyance of mobile phones, a bond of British secret agents* [15. Р. 113–114].

Существует легенда, что большинство собирательных существительных для наименования животных были созданы женщиной (возможно, настоятельницей монастыря Сопвелл, находившегося недалеко от Сент-Олбанс) по имени Джулиана Бернерс (*Dame Juliana Berners*), которая происходила из богатой семьи и с детства увлекалась охотой. Именно поэтому ей удалось придумать такие названия групп животных, которые, несмотря на их причудливый характер, кажутся весьма подходящими и отражающими взаимоотношения и поведение животных. Список подобных наименований был найден в “*Voke of Huntynge*” – книге, написанной этой таинственной женщиной [16].

Пример языковой игры, основанной на привлечении в качестве собирательного существительного – окказионального наименования – лексемы, являющейся основным ассоциатом для лексических единиц, составляющих группу, встречается в популярном британском сериале «Аббатство Даунтон»: “What is the group noun for suitors?” / “What do you think... a desire?” / “A *desire of suitors*. Very good.” [Downton Abbey, season 4, episode 8].

Ассоциации, лежащие в основе подобных окказиональных наименований, могут быть связаны с:

1) **формой предмета**: *a rectangulation of ipads* (при этом существительное *rectangulation* также является окказионализмом, в *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English* зафиксированы единицы: *rectangle, rectangular* [17. Р. 1149]);

2) **качеством** (характеристики людей, животных и предметов): *a smug of mac users, a corruption of politicians, a drunkship of cobblers, an eloquence of lawyers, an impatience of wives, a distraction of iphones, a shrewdness of apes, a business of ferrets, a labour of moles, an ostentation of peacocks*;

3) **выполняемой функцией**: *a fusillade of bullets, a sentence of judges, a damning of jurors*;

4) **современными реалиями, интернет-технологиями и социальными сетями**: *a groove of DJs, a torrent of pirates* (*pirate bay* – один из самых популярных сайтов, на котором можно скачать торрент-файлы с фильмами), *a timeline of comments* (*facebook*);

5) **суевериями**: *a murder of crows* – “If a Crow fly but over the House and Croak thrice, how do they fear, they, or someone else in the Family shall die?” [18. P. 111], *an unkindness of ravens* (существует легенда, что вороны выталкивают птенцов из гнезда, чтобы выжить самим) [18. P. 324].

При образовании собирательных существительных могут быть использованы также некоторые стилистические приемы:

1) **аллитерация**: *a zeal of zebras, a leap of leopards, a doctrine of doctors*;

2) **игра слов**: *a heard of homonyms* (*a herd*), *a collective of nouns, a block of writers* (*writer's block* – творческий кризис), *a stack of librarians* (“the stacks – the part of a library, sometimes not open to the public, where books that are not often needed are stored” [17. P. 1499]);

3) **метафора**: *a gaggle of gossip, a gaggle of women* (по сходству с другим собирательным существительным, образованным с помощью звукоподражания – *a gaggle of geese*) – “In the end I did neither, but concealed myself some tables away from her in the general reading room, where she sat behind her dark glasses and *a fortress of literature* she'd gathered at the desk” [19. P. 55].

В британском сериале «Виктория» премьер-министр лорд Мельбурн рассказывает молодой королеве Виктории о наименовании стаи грачей и сравнивает их с английским парламентом:

Victoria: ‘The butler said you would be here.’

Lord Melbourne: ‘I come here for the rooks. They're sociable animals. The gathering like this is called *the parliament*. Altogether more civilized than their human equivalent.’ [Victoria, ITV, 2016, episode 3].

Вероятно, подобное сравнение появилось по причине того, что грачи собираются шумными группами на верхушках деревьев и напоминают английских депутатов.

Несмотря на то, что собирательные существительные очень популярны в современном английском языке (существует игра, в которой нужно придумывать новые выражения – *The Game of Venery*, названная так, потому что первоначально для обозначения групп животных использовались *terms of venery* – собирательные названия группы животных определенного вида) и многие из них были созданы еще в XV в., большинство из них не включены в современные словари и используются в основном в разговорной речи и художественной литературе: “It seemed a dance, Berman performing some fancy footwork to prevent his rivals cutting in. He lost her to a *quadrille of partners* who gobbled up her stammered jokes like popcorn tossed to pigeons” [19. P. 44]. Редакторы Оксфордского словаря (*Oxford Online Dictionary*) объясняют это тем, что большинство лексем являются окказиональными авторскими единицами (*fanciful*) и в корпусах (например, *Oxford English Corpus*) не подтверждается их частотное употребление: “Collective nouns are treated no differently from any other word,” explains Catherine Soanes, head of online dictionaries at Oxford University Press. “We would need evidence of genuine use in our databases before we would consider adding them to one of our dictionaries. This is why there aren’t dictionary entries for the majority of the nouns, like a murder of crows. There’s no genuine evidence of use. They are just linguistic curiosities” [20].

Анализ фактического материала показал, что большинство рассматриваемых собирательных существительных является окказионализмами. Это подтверждает то, что класс квантификаторов является открытым классом слов, постоянно пополняемым новыми лексическими единицами. Корпус таких единиц увеличивается либо за счет вторичной номинации, в частности метафорического переноса, либо при помощи продуктивных моделей словообразования (суффиксации, словосложения, телескопии). Употребление лексических единиц, выражающих неопределенное количество, является неотъемлемой частью повседневного, неформального общения.

Примечания

1. См. подробнее С.А. Жаботинская (1992) [3], F. Mengden (2010) [4], T. Shopen (2007) [5], А. Вежбицкая (1996) [6], Дж. Гринберг (1999) [7], К. Меннингер (2011) [8], Я.Г. Биренбаум, И.А. Кузнецов (1966–69), Р.М. Иксанова (2002) [9], Б.А. Ильиш (1948), Р. Лангакер (2008) [10], И.И. Мещанинов (1945), Н.В. Нечипоренко (1997–99) [11], С.Ю. Павлина (2003) [12], М.И. Стеблин-Каменский (1974), И.И. Туранский (1991), З.Я. Тураева (1985).

Библиографический список

1. Дубровская В.В. Класс квантификаторов в когнитивной лингвистике // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2013. Вып. 22. С. 51–62.
2. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
3. Жаботинская С.А. Когнитивные и номинативные аспекты класса числительных М.: ИЯ РАН, 1992. 216 с.
4. Mengden F. Cardinal Numerals. Old English from a Cross-Linguistic Perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. 344 p.
5. Shopen T. Language Typology and Syntactic Description. 2nd Ed. Volume I: Clause Structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 499 p.
6. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. I–XII, 780 с.
7. Гринберг Дж. Меморандум о языковых универсалиях / Дж. Гринберг, Ч. Осгуд, Дж. Дженкинс // Зарубежная лингвистика II, «Новое в лингвистике», «Новое в зарубежной лингвистике», избранное. М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. С. 118–132.
8. Меннингер К. История цифр. Числа, символы, слова / Пер. с англ. Е.В. Ломановой. М.: Центрполиграф, 2011. 543 с.
9. Иксанова Р.М. Проявление категории количественности в пословицах английского и немецкого языков: Автореф. дис. ... канд. филол. Наук. Уфа: Башкирск. гос. пед. ин-т, 2002. 22 с.
10. Langacker R. Cognitive Grammar. A Basic Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008. 562 p.

11. Нечипоренко Н.В. Лексико-семантические особенности класса квантификаторов в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород: Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 1999. 18 с.
12. Павлина С.Ю. Существительные-квантификаторы в английском языке // Лингвистические основы межкультурной коммуникации. Ч. 2. Н. Новгород, 2003. С. 35–36.
13. Tarnyikova J. Bags of Talent, a Touch of Panic, and a Bit of Luck: The Case of Non-Numerical Vague Quantifiers / *Linguista Pragmensia*. 2010. № 2. P. 71–85.
14. Дубровская В.В. Средства выражения неопределенного количества в английском языке // Вестник Челябинского государственного университета: Научный журнал. Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 85. № 35 (326). С. 51–57.
15. Crystal D. *The Story of English in 100 Words*. L.: PROFILE BOOKS LTD, 2011. 279 p.
16. Quinion M. Precision of Lexicographers // Электронный ресурс Интернет: <http://www.worldwidewords.org/articles/collectives.htm>.
17. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 2010. 1796 p.
18. Oxford Dictionary of Superstitions. Oxford: Oxford University Press, 2005. 494 p.
19. Capote T. *Breakfast at Tiffany's*. L.: Penguin Classics, 2008. 157 p.
20. Gale L. An Omission of Collective Nouns // Электронный ресурс Интернет: <https://www.theguardian.com/media/mind-your-language/2011/jun/06/mind-your-language-collective-nouns>.

Сведения об авторе

Дубровская Вероника Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры основ английского языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: veronicadubrovskaya@gmail.com

УДК 81'37

ФЕНОМЕН ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В ЯЗЫКЕ

Е.В. Зуева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена описанию феномена прецедентности в языке как универсального явления, которое проявляется на разных уровнях языка — лексическом, грамматическом, словообразовательном и в стилистике. Статья отражает результаты исследования, выполненного в рамках когнитивной лингвистики, в частности теории прецедентности, на материале разных языков.

Ключевые слова: феномен, прецедент, прецедентная единица, прецедентное отношение, прецедентность, протопрецедентность.

The Phenomenon of Precedence in Language

Evgeniya Zueva

The article describes the precedent phenomenon in language as a universal phenomenon that manifests itself at different levels of language: lexical, grammatical, word-formation, and stylistics, reflecting the results of a study performed within the framework of cognitive linguistics, and, in particular, the theory of precedence, in the Russian and German languages.

Key words: phenomenon, precedent, precedent unite, precedent relation, precedence, protoprecedence.

Задачей настоящей статьи является рассмотрение феномена прецедентности, отмечающегося на разных уровнях языка, в системном и когнитивно-дискурсивном ракурсах на конкретных лексемах немецкого, русского и английского языков.

Предметом когнитивной лингвистики является когниция как динамическое состояние нашей мысли, в котором отражается движение информации, а также его результат. Этот процесс обеспечивается вербально как за счет новых лексем, грамматических средств и форм, так и за счет их дериватов. Деривация всегда предполагает в языковой единице воспроизведение уже существующего (прецедентного) семантического ядра, напр.: *trotzen* (глагол) ← *trotz* (предлог), *grauen* (глагол) ← *grau* (прилагательное). Такое производство слов обогащает и развивает любой язык.

Целесообразность настоящей статьи состоит в рассмотрении на материале разных языков производных единиц, в терминологии

Н.А. Голубевой – «прецедентных единиц» [1].

Феномен понимается традиционно как редкое, необычное, исключительное явление. В филологии понятие «феномен прецедентности» долгое время связывалось с понятием «прецедентный феномен». Сущность последнего состоит в исключительности онтологических свойств, качеств и характера явлений и предметов окружающего нас мира, которые являются хорошо узнаваемыми и воспроизводимыми среди членов определенного сообщества (Л.И. Гришаева, М.Я. Дымарский, И.В. Захаренко, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, Г.Г. Слышкин и др.).

И феномен прецедентности, и прецедентный феномен восходят к понятию «прецедент». Прецедентный феномен, как правило, ассоциируется с прецедентными именами, прецедентными текстами, прецедентными ситуациями и т. д. [2; 3], в то время как феномен прецедентности понимается шире [1; 4; 5; 6]. В нашей интерпретации *феномен прецедентности – когнитивное понятие, раскрывающее способность номинативных (лексических и грамматических) единиц производить и быть производными на уровне системы языка или дискурса.*

Первым, кто ввел термин «прецедент» в языкознание, по мнению Н.А. Голубевой, был французский ученый Жан Фуркье [7]. Он предложил термин «прецедентное отношение», под которым понимал связь одной грамматической формы с другой – той, от которой она произведена. В частности, таким отношением, утверждал ученый, связаны структура повествовательного предложения в современном немецком языке, в котором предикат находится на втором месте, и структура предложения более ранних периодов развития языка, где предикат стоял на последнем месте [8]. То есть порядок слов современного повествовательного предложения в синхронии есть производная от синтаксической структуры в диахронии. Теорию «прецедентного отношения» развил позже на лексико-грамматическом уровне немецкий лингвист Зигфрид Каннгисер [9].

Прецедентное отношение, или отношение отсылочности, является когнитивной проекцией, тип которой определяется онтологически или дискурсивно [7. С. 4]. С позиций когнитивной семантики такая терминологическая синонимия вполне оправдана,

так как прецедентное отношение возникает при помощи когнитивного механизма «отсылка». Его можно отнести к механизмам ментального реконструирования, когда осмысление знания об одной сущности происходит при соотнесении знания о другой [1. С. 53].

В.Н. Телия понимает прецедент как определённый ассоциативный комплекс, значимый для определенного социума и регулярно актуализирующийся в речи его представителей [10]. В этой связи *прецедентное отношение интерпретируется нами расширительно за счет включения в него ассоциативных связей между производящим и производным языковыми знаками.*

Существование прецедентного отношения между производящим и производным знаками выводит нас на содержание задач этимологии, которая занимается происхождением лексических и грамматических единиц. Например, слово «стол» произошло от «стелить» – раньше люди для приема пищи стелили на землю полотно. «Стол» означало «постилка» [11. С. 391], поэтому слова «стелить» и «стол» связаны прецедентным отношением на лексическом уровне.

Анализ этимологических связей между словами позволяет объяснить также многозначность некоторых лексических и грамматических единиц. Например, союз *alldieweil* имеет значения «так как» (каузальное) и «в то время как» (уступительное). Каузальный союз *weil* произошел от существительного *Weile* («мгновение»), которое в средневерхненемецком выглядело как *wil(e)*, а в дневноверхненемецком – *(h)wila* [12. С. 920]. (Сравним с современным украинским *хвиля* – «минута, мгновение»).

В позднем верхненемецком возник темпоральный союз *weil* (= *während*), из которого только в XVIII веке развился известный нам каузальный союз [12]. Существительное *Weile* имеет прямое влияние на одно из значений союза *alldieweil* («в то время как»). Каузальный союз *alldieweil* («так как») восходит соответственно к каузальному *weil*, возникшему в XVIII веке, то есть эти две лексемы связаны прецедентным отношением. Таким образом, словопроизводство может быть вертикальным, что отчетливо прослеживается в истории развития языка, как в примере со словом «стол» или же с немецким союзом *weil / alldieweil*.

Словопроизводство может иметь также горизонтальный вектор, который имеет место при словосложении, напр., *Einzelgängermerkmale* («признаки человека-одиночки»), *Ersatzledermeister* («мастер по работе с искусственной кожей») и др.

Кроме того, допускается словосложение со словами из других языков: например, в романе Йоханнеса Вилльмса “*Napoleon: eine Biographie*” упоминается *Mitrailleuse-Feuer* («пулеметный огонь») – от фр. *mitrailleuse* («пулемет») и нем. *Feuer* («огонь») [13. С. 87]. Таким образом, семантика прецедентной лексемы передает новую информацию путем сложения слов из разных языков.

Как известно, лексический состав языка претерпевает изменения в процессе исторического развития. Это не означает, что каждое слово непременно должно менять свое значение, иначе язык изменился бы до неузнаваемости. Например, в справочной литературе мы находим слова, которые мы употребляем по сей день с тем же лексическим и грамматическим значением. Имеются слова, которые частично или полностью утратили прежнее лексическое значение. Например, слово «вещь» утратило одно из своих значений, раньше оно означало также «состояние» [14. С. 343]. Произошло сужение значения слова «быть» (древнерусское «быти»). Оно имело не только значения *являться, находиться, случаться* (происходить), как в наши дни, но и другие. С предлогом *отъ* оно означало «исходить из кого-то, чего-то, происходить, появляться, возникать». Сравним: «вся благодать от Бога есть» [14].

На грамматическом уровне реализацию феномена прецедентности можно проследить в употреблении безличной формы 3-го лица глагола «быти» в сочетании с инфинитивом. Эта конструкция выражала внутреннюю модальность: «и бяше видети дело стыдно и велми страшно» (*и можно было видеть дело стыдное и очень страшное*) [14] («бяше» – имперфект глагола «быти», 2-е лицо и 3-е лицо) [15. С. 62]. Похожее мы видим в современных германских языках, когда глагол «быть» в сочетании с инфинитивом также выражает внутреннюю модальность: англ. *It is to notice* (это следует заметить); нем. *dieses Buch ist zu lesen* (эту книгу нужно / можно прочитать). Глагол «быть» («быти») употреблялся и как глагол-связка, аналогично употреблению его в романских и германских языках на современном этапе:

Ты князь еси моудръ и смыслень (Ты, князь, мудр и разумен). [15. С. 27].

Сравним в немецком:

Ich war müde, meine Glieder schmerzten mich, und es war kein Sessel mehr, mich hinzusetzen... [16. С. 80].

Таким образом, связочный глагол «быть» (*sein*) и этот же глагол с модальным (производным) значением связаны прецедентным отношением на грамматическом уровне.

Это сходство грамматических конструкций может объясняться тем, что мышление, в отличие от языков, едино и не исключает сходства способов выражения языкового значения, в данном случае грамматического.

Прецедентные отношения существуют не только на уровне этимологических связей, но и на логико-семантическом уровне в целом, например на уровне гипо-гиперонимических и других видов семантических отношений. Так, гипонимы «предицируют гиперонимы и тоже могут рассматриваться как прецедентные феномены», так как они имеют ассоциативные связи, выявленные в психолингвистических ассоциативных экспериментах: на предложенный стимул-гипоним испытуемые давали в качестве реакции его гипероним, и наоборот: «цветок (гипероним) – роза (гипоним), животное (гипероним) – корова (гипоним) и т. д.» [5. С. 115]. Признаком прецедентности на ассоциативном уровне наделены не только гипо-гиперонимические, но и антонимические (*горячий – холодный*) и синонимические (*крутой – обрывистый*) отношения между словами [17].

Феномен прецедентности имеет свою «онтологию», которая маркируется таким когнитивно-семантическим признаком, как *протопрецедентность*. Под этим следует понимать признак дальнейшего развития смысла, дальнейшей когнитивной трансформации прецедентных единиц. Например, согласно этимологическому словарю [18. С. 11], союз *allerdings* свое уступительное значение приобрел в XIX веке. В XVII веке он означал *gänzlich, völlig* («полностью») [18]. Из наречия *allerdings* превратилось в союзное слово. Однако лексическую и грамматическую прецедентность мы видим уже значительно раньше при анализе его непосредственных составляющих (*aller + dings*).

Дальнейший этимологический анализ подтверждает гипотезу о протопреcedентности этой языковой единицы. Слово *all* возникло из индогерманского корня *al-*, пришло из общегерманского в древневерхненемецкий и имело форму *al* [12. С. 112]. Есть предположение, что *all* (*al*) возникло от индоевропейского глагола *al-*, *ar-* (резать, рвать) [19. С. 23]. Существительное *Ding* в древневерхненемецком языке имело значение «собрание свободных людей, суд», а в средневерхненемецком – «дело, вещь [12. С. 223]. В XVI–XVII вв. возникло наречие *allerdinge* (*in jeder Hinsicht gänzlich*), из словосочетания *aller dinge* (*zwar, freilich*), а из него в XIX веке развилось *allerdings* в современном лексическом и грамматическом значении [12. С. 112]:

al- / ar – aller + dinge – allerdinge – allerdings.

Таким образом, *протопреcedентность* понимается как когнитивно-семантический признак языковой единицы, сигнализирующий о начальной стадии ее языковой трансформации (грамматикализации или лексикализации).

Как уже замечено выше, феномен прецедентности затрагивает разные сферы языка. Он прослеживается и в грамматике, и в лексике, и в словообразовании рассматриваемых языков и претендует на языковую универсальность. Он порождается посредством когнитивных механизмов, среди которых ведущим является механизм отсылки, и представляет собой последовательный переход одних языковых форм в другие и перерождение их грамматических и лексических значений. Рассмотрим возникновение и функционирование лексической метафоры [20].

Это явление можно заметить и в стилистике – при появлении новых языковых возможностей выражения стилистических значений. У С.А. Есенина можно найти феноменальный способ выражения любви к объекту – природе родного края, к рязанской земле. Поэт употребляет вместо предложного дополнения прямое, когда предлагает Шаганэ «рассказать поле» [21. С. 239]. В словосочетании «рассказать поле» нарушена грамматическая связь между переходным глаголом и дополнением с целью достижения высокого стилистического эффекта. Таким образом, пшеничное поле в представлении разных людей имеет разные концепты. В данном примере грамматическая прецедентность реализуется в перерождении грамматического значения глагола «рассказать», когда непереходный

глагол превращается в переходный, а стилистический прием позволяет в творческой – идеальной – реальности и «рассказать поле», и «петь» человека.

В художественном дискурсе прецедентные единицы, как мы видим, могут выполнять экспрессивную функцию и генеративную функцию (порождение новых конструкций, в целом необычных для грамматической нормы и повседневного общения).

Прецедентность как когнитивно-семантический признак представляет интерес для науки в целом с точки зрения моделирования знания. Любое знание можно форматировать как концепт, образ, ассоциативный комплекс, фрейм и др. Так, языковое знание о производности языкового знака можно смоделировать как концепт «прецедент», состоящий из двух субконцептов: *иметь прецедент* (найти в прошлом сходный случай) и *создать прецедент* (дать повод для подобных случаев в будущем). В каждом из субконцептов проецируются «основные принципы бытия» и «форма познания действительности» в ракурсе модусов «ретро» и «про» [1. С. 24].

Языковые единицы как носители прецедентности являются прецедентными. К ним относятся как единицы ментального лексикона, так и грамматические единицы. Как свойство языкового знака прецедентность проявляется при реализации его следующих функций: гносеологической (познавательной), генеративной (образование новых единиц), концептообразующей (категоризация объектов действительности, создание когнитивных моделей), аналитической (посредством когнитивных механизмов), дискурсообразующей.

Библиографический список

1. Голубева Н.А. Грамматические прецедентные единицы в современном немецком языке: Монография. Н. Новгород: Типография «Поволжье», 2010. 318 с.
2. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
3. Дымарский М.Я. Прецедентность и художественность // Феномен прецедентности и преемственность культур. Воронеж: ВГУ, 2004. С. 51–62.

4. Борисова Д.А. Экспрессия как языковой механизм репрезентации грамматического вида прецедентности (на материале немецкого языка): Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2014. 160 с.
5. Гольдберг В.Б. Гиперонимы и гипонимы как прецедентные феномены // Феномен прецедентности и преемственность культур. Воронеж: ВГУ, 2004. С. 114–119.
6. Степанова А.В. Интертекстуальная природа образа и образности (на материале образных сравнительных конструкций английской и американской литературы XIX и XX вв.): Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 212 с.
7. Голубева Н.А. Прецедентное отношение как когнитивная проекция // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXI. С. 47–52.
8. Fourquet Je. Genetische Betrachtungen über den deutschen Satzbau // W. Besch et al. (Hrsg.): Studien zur deutschen Literatur und Sprache des Mittelalters. Festschrift für Hugo Moser zum 65. Geburtstag. Berlin: E. Schmidt, 1974. S. 314–323.
9. Kanngießer S. Alternativräume der Sprachdynamik: Versuch über die Determination der grammatischen Kontingenz. Osnabrück: V&R unipress in Göttingen, 2006. 368 S.
10. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в языковой картине мира // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1988. С. 173–203.
11. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка: в 3 т. Т. 2. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. 419 с.
12. Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. 5. Aufl., B. 7. Berlin: Bibliographisches Institut (Dudenverlag), 2014. 955 S.
13. Willms J. Napoleon: eine Biographie. München: C.H. Beck Verlag, 2009. 839 S.
14. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т.: Т. I / АН СССР. Ин-т рус. яз. / Гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Русский язык, 1988. 526 с.
15. Кудряшова Р. И. Историческая грамматика русского языка: Учебно-методическое пособие. Волгоград: Перемена, 1996. 69 с.
16. Zweig S. Novellen. Leipzig: Insel-Verlag, 1976. 156 S.
17. Голубева Н.А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы: Монография. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. 401 с.
18. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Straßburg: K.F. Trübner, 1899. 534 S.

19. Маковский М.М. Этимологический словарь современного немецкого языка. Слово в зеркале человеческой культуры. М.: Азбуковник, 2004. 630 с.

20. Нуждина А.В. Метафорическая номинация как прецедентная единица // Когнитивные исследования языка. 2013. Вып. XIV. С. 992–995.

21. Есенин С. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2011. 304 с.

Сведения об авторе

Зуева Евгения Викторовна
аспирант кафедры теории и практики немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: lenskaja.wind.ru@rambler.ru

УДК 811.111'37:811.161.1'37

**СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «АНГЛИЙСКИЙ ЧУДАК» В
СКАЗОЧНОЙ ПОВЕСТИ Л.Ф. БАУМА “THE WONDERFUL
WIZARD OF OZ” И ЕЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ АНАЛОГАХ**

Ю.В. Кузина

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург

Статья основана на сопоставительном лингвокультурологическом исследовании сказочной повести Л.Ф. Баума “The Wonderful Wizard of Oz” и посвящена сопоставительному рассмотрению лингвокультурного типажа «английский чужак», воплощенного в одном из персонажей данного произведения.

Ключевые слова: персонаж художественного произведения, концепт, лингвокультурный типаж, репрезентация, дефиниционный анализ.

**Comparative Research of the Linguocultural Type “Weirdo” in L.F. Baum’s
Fairy Story “The Wonderful Wizard of Oz” and its Russian Analogues**

Yulia Kuzina

The article presents the results of a comparative linguocultural study of the fairy story by L.F. Baum “The Wonderful Wizard of Oz” with a special focus on the linguocultural type “Weirdo”, represented in one of its literary characters.

Key words: literary character, concept, linguocultural type, representation, definitional analysis.

Исследование, на основе которого написана данная статья, выполнено в русле лингвокультурологии и во многом базируется на достижениях теории лингвокультурных типажей. В.И. Карасик, внесший наибольший вклад в формирование и развитие данной теории, определяет лингвокультурный типаж как типизируемую личность, представителя определенной этносоциальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации [1. С. 49].

О.А. Дмитриевой был разработан алгоритм моделирования лингвокультурного типажа, в основе которого лежит концептуальный анализ, поскольку лингвокультурный типаж является особого рода концептом со своими ценностными, понятийными и образными характеристиками. Выявить их – значит описать лингвокультурный типаж. На первом этапе происходит описание понятийной стороны

лингвокультурного типажа, которое состоит в анализе словарных дефиниций. В разделе перцептивно-образного представления лингвокультурного типажа рассматривается языковая фиксация таких пунктов, как внешний облик, гендерная принадлежность, происхождение, место жительства, сфера деятельности, досуг, семейное положение, окружение, речевые особенности. При исследовании ценностных характеристик лингвокультурного типажа выделяются ключевые ценностные предпочтения [2. С. 18].

Поскольку лингвокультурный типаж, как и любой лингвокультурный концепт, является квантом знаний о культуре того или иного народа, на данный момент описан целый ряд лингвокультурных типов.

К таковым относятся, например, «звезда Голливуда» (Селиверстова, 2007), «американский адвокат» (Гуляева, 2009), «британский премьер-министр» (Васильева, 2010), «английский пират» (Асадуллаева, 2011), «американский первопроходец» (Валяйбоб, 2012), «английский викарий» (Бровикова, 2013).

Необходимо отметить, что материалом для выявления лингвокультурных типов уже традиционно выступают словарные базы, либо данные, полученные путем анкетирования, а исследования такого плана на основе художественного текста не столь распространены.

В то же время В.И. Карасик в качестве одной из основных характеристик лингвокультурного типажа называет его способность воплощаться в персонаже художественного произведения. Наше исследование посвящено выявлению и описанию лингвокультурных типов в персонажах сказочной повести Л.Ф. Баума "The Wonderful Wizard of Oz", ее переводе на русский язык С. Белова и русскоязычной литературной интерпретации А.М. Волкова. На основе методики описания лингвокультурных типов В.И. Карасика нами была разработана собственная методика выявления репрезентаций лингвокультурных типов в персонажах литературного произведения. Сопоставительное описание персонажей в оригинале произведения и его русскоязычных аналогах через призму теории лингвокультурных типов позволяет выявить общее и различное в сопоставляемых лингвокультурах.

В рамках данной статьи будут рассмотрены отдельные характеристики персонажа *the Scarecrow* (Страшила в русскоязычных

аналогах сказочной повести). С нашей точки зрения, данный персонаж выступает репрезентацией лингвокультурного типажа «чудак», описанного Е.А. Ярмаховой. Согласно выводам, сделанным Е.А. Ярмаховой, лингвокультурный типаж «английский чудак» является актуальным смысловым образованием в сознании как англичан, так и иностранцев, в той или иной мере знакомых с английской культурой, и представляет собой обобщенный образ человека, ведущего себя странным образом. Конститутивными понятийными признаками рассматриваемого концепта являются следующие: человек (1), вызывающий недоумение и удивление (2), своей необычностью (странностью) (3), неопасный (4), получающий оценку (5) [3. С. 7].

Следуя методике выявления и описания лингвокультурных типажей, мы обратились к толковым и этимологическим словарям американского варианта английского языка и проанализировали имя, данное автором персонажу.

Согласно этимологии данной лексики, изначально она обозначала человека, нанятого, чтобы отпугивать птиц от посевов.

scarecrow

• 1550s, earliest reference is to a person employed to scare birds. Stick-figure sense is implied by 1580s [4].

Чуть позже данная лексема приобрела актуальное до наших дней значение – объект, воссоздающий человеческий облик, размещенный на поле с той же целью:

scarecrow

• anything set up in a field to scare birds away from crops, usually a figure of a man made with sticks, old clothes, etc. [5];

• an object made to look like a person, that is put in a field to frighten birds away [6];

• an object usually suggesting a human figure that is set up to frighten birds away from crops [7].

Признак «человек», характерный для лингвокультурного типажа «чудак», отражен и в лексеме *man* – автор называет Страшила «набитым (соломой) человеком»:

*“...Dorothy was puzzled... to hear **a stuffed man** speak, and to see him bow and walk along beside her...”*

*“...He smelled around **the stuffed man** as if he suspected there might be a nest of rats in the straw...”* [8]

Существенной характеристикой чудака является признак «неопасный», который и определяет юмористическую тональность отношения к нему [3. С. 10]. Согласно следующим словарным дефинициям, этот признак присущ и рассматриваемому нами персонажу:

scarecrow

- anything that frightens one but is actually not harmful [5];
- something frightening but harmless [7];
- anything frightening but not really dangerous [9].

Общей для приведенных дефиниций является характеристика неопасности вопреки пугающему внешнему виду. Таким образом, персонаж может быть охарактеризован как неопасный человек, что соответствует характеристикам лингвокультурного типажа «чудак».

Рассмотрим соответствующую лексему, фигурирующую в русскоязычных аналогах сказочной повести. Здесь персонаж носит имя Страшила. Толковые словари русского языка отсылают нас к лексеме *страшило*.

страшило

- *простореч.* то же, что страшилище [10];
- *прост.* то же, что страшилище [11];
- тот, кто устрашает, пугает своим видом, размерами и т. п.; 2) тот, кто вызывает страх [12];
- *страши́лище* [13];
- то же, что страшилище [14];
- то же, что страшилище [15].

страшилище

- 1) тот, кто (или то, что) устрашает, пугает своим видом, размерами и т. п.; чудовище; 2) тот, кто (или то, что) вызывает в ком-либо страх [10];
- 1) тот, кто (или то, что) пугает своим безобразным, уродливым видом, громадными размерами и т. п.; 2) тот, кто (или то, что) вызывает в ком-либо страх [11];
- 1) то, что устрашает, пугает своим видом, размерами и т. п.; чудовище; 2) то, что вызывает страх в ком-л. [12];
- 1) тот, кто (то, что) пугает своим безобразным, уродливым видом, громадными размерами и т. п.; 2) тот, кто (то, что) вызывает в ком-л. страх [13];

- 1) то, что наводит страх, ужас (*устар.*) [14];
- 1) то, что наводит страх, чудовище, пугало [15].

Также мы считаем необходимым подробно рассмотреть лексемы *чучело* и *пугало*, которые встречаются в русскоязычных вариантах повести.

*«...Дороти увидела **чучело** на шесте, посаженное, чтобы отпугивать птиц...»*

*«...Дороти стала разглядывать **пугало**...» [16]*

*«...Около изгороди стоял длинный шест, на нем торчало соломенное **чучело** – отгонять птиц...»*

*«...– С этими управиться – мое дело! Ведь не даром же я воронье **пугало**!...» [17]*

В свете проводимого исследования интерес представляют следующие дефиниции лексем *чучело* и *пугало*:

чучело

- 1) подобие человека, сделанное из глины или набитой чем-нибудь одежды человека; 2) пугало для птиц, выставленное на огороде, сделанное из старой одежды, распяленной на крестообразной палке [10];

- 1) подобие человека, сделанное из соломы, глины и т. п., служащее для тренировки в рубке, стрельбе и т. п.; 2) подобие человеческой фигуры, выставленное на полях, огородах для отпугивания птиц; пугало [11];

- 1) подобие человека в виде куклы, сделанной из старой одежды и распяленной на крестообразной палке, которое выставлено на огороде для отпугивания птиц; пугало [12];

- 1) подобие человека, сделанное из соломы, старой одежды, глины и т. п., служащее для отпугивания птиц на огородах, а также для тренировки в рубке, стрельбе и т. п. [13];

- 1) в саду, в огороде: фигура наподобие человеческой для отпугивания птиц [14];

- 1) подобие человека, кукла, пугало для птиц на посевах [15].

пугало

- 1) чучело, выставленное для отпугивания птиц; 2) перен. о ком-, чем-либо, вселяющем страх, пугающем [10];

- 1) чучело, выставленное в садах и огородах для отпугивания птиц; 2) *перен.* то, что пугает, внушает страх [11];
- 1) чучело, выставленное для отпугивания птиц; 2) *перен.* кто-л., что-л., вселяющие страх, пугающие [12];
- 1) то же, что чучело [14];
- чучело, выставленное среди посевов в огороде, в плодовом саду для того, чтобы пугать и отгонять птиц [15].

Рассмотренные дефиниции содержат признак «человек», а Страшила именуется человеком в обоих русскоязычных вариантах сказочной повести:

*«...Нет другого города на земле, – говорили они, – где правителем был бы **набитый соломой и отрубями человек**...»* [16]

*«...я дам тебе столько мозгов... что ты станешь **мудрейшим человеком** в стране Гудвина...»* [17]

Несмотря на то, что согласно дефинициям лексем *страшило* и *страшилище* персонаж должен вызывать страх, этого не происходит. Так, Страшила предназначен пугать ворон, но на самом деле он не опасен, не выполняет свою главную функцию и не способен причинить реальный вред:

*«... – Неужели фермер вздумал нас провести таким неуклюжим образом? Любая нормальная ворона сразу поймет, что это не человек, а **обыкновенное соломенное пугало-страшила**. – С этими словами она (ворона) преспокойно слетела на землю и принялась клевать кукурузу...»* [16]

*«...Очень скучно торчать здесь день и ночь и пугать противных ворон, которые, кстати сказать **совсем меня не боятся!**...»* [17]

Таким образом, характеристики «человек» и «неопасность» присущи персонажу в обеих лингвокультурах.

Подобным образом был проанализированы лексемы, описывающие и другие признаки лингвокультурного типажа, воплощенного в персонаже сказочной повести и ее русскоязычных аналогах – странность, вызываемое чудачком удивление и получаемая им оценка. Здесь необходимо отметить, что Е.А. Ярмахова указывает странность как отклонение от нормы в качестве интегрального признака, а способ отклонения от нормы – в качестве признака дистинктивного [3. С. 8]. В результате несовпадения объема лексического значения способ отклонения от нормы разнится в сопоставляемых лингвокультурах.

К таким лексемам относятся, например, *corn* – «кукуруза» и *straw* – «солома».

Девочка встречает Страшилу на кукурузном поле:

*“...There was a great **cornfield** beyond the fence, and not far away she saw a Scarecrow, placed high on a pole to keep the birds from the ripe **corn**...”* [8]

Рассмотрим метафорическое значение лексемы *corn*:

corn

- (US, informal) ideas, humor, music, etc. regarded as old-fashioned, trite, banal, or sentimental [5];
- mawkishly old-fashioned: tiresomely simple and sentimental [7];
- (informal) old-fashioned, trite, or mawkishly sentimental material, as a joke, a story, or music [9].

Таким образом, мы можем утверждать, что Страшила странен в своей сентиментальной старомодности. Русскоязычная лексема *кукуруза* фигурирует в русскоязычных аналогах сказочной повести, но подобного смысла в себе не несет.

Аналогичная ситуация имеет место в случае с лексемой *straw* – «солома», которая описывает неотъемлемые свойства рассматриваемого персонажа.

Рассмотрим метафорическое значение лексемы *straw* – «нечто маловажное, пустяк, ерунда»:

- something of little or no value; worthless trifle [5];
- something of small worth or significance [7];
- the negligible value of one such stalk; trifle; least bit [9].

Опираясь на приведенные дефиниции, мы приходим к выводу, что отношение окружающих к старомодному и сентиментальному Страшиле можно охарактеризовать как снисходительно-пренебрежительное. Аналогично случаю, описанному нами выше, русскоязычная лексема «солома» такой смысловой нагрузки не несет.

Как известно, Волшебник страны Оз в ответ на просьбу Страшилы наделить его мозгами наполнил его голову отрубями вперемешку с иголками и булавками.

“...Then he (the Wizard) entered the back room and took up a measure of bran, which he mixed with a great many pins and needles... he filled the top of the Scarecrow's head with the mixture...” [8]

Одно из значений англоязычной лексики *pin* – «нечто малозначительное, ерунда, пустяк»:

pin

- something worthless or insignificant; trifle [5];
- little, trifle [7];
- a very small amount; a trifle [9].

Таким образом, можно сказать, что голова Страшила забита ерундой, пустяками.

trifle

- something of little value or importance; trivial thing, idea, etc.; paltry matter [5];
- something that has little value or importance [6];
- something of little value, substance, or importance [7];
- a matter, affair, or circumstance of trivial importance or significance [9].

Лексемы *булавка* и *иголка* в русском языке сохраняют значение «пустяк, мелочь», что отражено в следующих идиоматических выражениях:

деньги на булавки

- о деньгах на мелкие расходы у женщин дворянско-буржуазного общества (*устар.*) [10];
- на мелкие расходы (о деньгах) [11];
- на мелкие расходы (о деньгах) [13];
- карманные деньги на мелкие туалетные расходы у женщин [15].

это не булавка

- не мелкий предмет (найдется, не потеряется или дорого стоит) [10].

с булавочную головку, не больше булавочной головки

- очень маленький, крохотный [11];
- очень маленькое, крохотное [13];
- о чем-н. очень маленьком [14];
- крохотный [15].

булавочные уколы (*перен.*)

- о мелких язвительных замечаниях, злых намеках, мелких неприятностях [10];

- о мелких язвительных замечаниях, намеках, придирках [13];
- мелкие придирки, обиды [14].

Лексема *иголка* тоже имеет значение «пустяк, мелочь», что отражено в следующих идиоматических выражениях:

до иголки

- до последней мелочи [10];
- до последней мелочи [11];
- до мелочей [15].

на иголки

- на мелкие расходы [10].

не иголка (в знач. сказ.)

• а) не мелочь, не пустяк; б) о том, что трудно потерять, что не пропадет [10];

• о том, кого (или что) трудно потерять; о том, кого (или что) нельзя не найти, не обнаружить [11];

• о том, кого (что) трудно потерять; о том, кого (что) нельзя не найти, не обнаружить [13];

- не пропадет, найдется (разг.) [14].

как (будто, словно) иголка в стогу сена (исчезнуть, затеряться)

- о ком-, чем-л., кого (или что) невозможно найти [11];
- о ком-, чем-л., кого (что) невозможно найти [13].

Особое внимание в данном случае стоит обратить на идиоматическое выражение **булавка в голове** (прост.):

- немного пьян [10].

Такого значения в англоязычных толковых словарях американского варианта английского языка нами обнаружено не было. Тем не менее такое сугубо русскоязычное значение данной лексемы позволяет нам отметить некоторую странность или даже вызванную опьянением неадекватность Страшилы, у которого, судя по тексту сказочной повести, полная голова булавок.

Е.А. Ярмахова в ходе определения границ понятия «чудак» выделяет несколько типов дураков:

1) **патологический дурак**, тупица, который не способен понять то, что должны понимать все; ему противопоставлен умный;

2) **психованный дурак**, который не контролирует себя и опасен окружающим; ему противопоставлен вменяемый человек;

3) **человек, который дурачится себе на потеху**, ведет себя нерационально, но в интеллектуальном отношении вполне состоятелен (фигляр, паяц), в определенных сообществах такая роль кристаллизуется как роль шута, которому позволено говорить правду только под видом дурачества; ему противопоставлен серьезный;

4) **фольклорный дурак**, над которым смеются умники – те, кто считает себя гораздо выше его по интеллекту, но в действительности они уступают ему; фольклорному дураку помогают волшебные существа, на его стороне удача; ему противопоставлен самонадеянный умник;

5) **дурак как жертва обмана**, как тот, кого легко провести; ему противопоставлен преступник, мошенник;

6) **дурак как чудака**, человек со странностями; ему противопоставлен обычный человек [3. С. 7].

Рассмотренные нами дефиниции позволяют определить, что в оригинале сказочной повести Страшила ближе к образу дурака-чудака, странного в своей сентиментальности и старомодности, вызывающего снисходительное отношение окружающих. В русскоязычных же аналогах повести данный персонаж трактуется скорее как персонаж, который неадекватен в силу опьянения и потому вызывает настороженное отношение.

Библиографический список

1. Карасик В.И. Коммуникативный типаж: аспекты изучения // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы. Волгоград: Волгоградский университет, 2004. С. 48–50.
2. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажии России и Франции XIX века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 40 с.
3. Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудака»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 19 с.
4. Online Etymology Dictionary // Электронный ресурс Интернет: <http://www.etymonline.com>.
5. Collins American English Dictionary Online // Электронный ресурс Интернет: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/american>.
6. Longman Dictionary of American English Online // Электронный ресурс Интернет: <http://www.longmandictionariesusa.com>.
7. Merriam Webster's Dictionary online // Электронный ресурс Интернет: <http://www.merriam-webster.com>.

8. Baum L. F. The Wonderful Wizard of Oz // Электронный ресурс Интернет: http://lib.aldebaran.ru/author/baum_1/baum_1_the_wonderful_wizard_of_oz.
9. Random House Dictionary // Электронный ресурс Интернет: <http://dictionary.reference.com>.
10. Большой академический словарь современного русского литературного языка 1950–1957 // Электронный ресурс Интернет: <http://www.twirpx.com/files/languages/rus/dictionaries/explanatory/bas/>.
11. Малый академический словарь / Гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Институт русского языка Академии наук СССР 1957–1984 // Электронный ресурс Интернет: <http://enc-dic.com/academic/>.
12. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка онлайн // Электронный ресурс Интернет: <http://enc-dic.com/efremova/>.
13. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка // Электронный ресурс Интернет: <http://enc-dic.com/kuzhecov/>.
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка // Электронный ресурс Интернет: <http://enc-dic.com/ozhegov/>.
15. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка // Электронный ресурс Интернет: <http://enc-dic.com/ushakov/>.
16. Баум Л.Ф. Удивительный Волшебник страны Оз / Пер. с англ. С. Белова // Электронный ресурс Интернет: <http://lib.ru/BAUM/oz.txt>.
17. Волков А.М. Волшебник Изумрудного города // Электронный ресурс Интернет: <http://bookz.ru/authors/baum-lf/oz/1-oz.html>.

Сведения об авторе

Кузина Юлия Викторовна
аспирант кафедры английского языка,
методики и переводоведения
Института иностранных языков ФГБОУ ВО «УрГПУ»
E-mail: kuzina85@mail.ru

УДК 811.112.2'37

**ИЛЛОКУТИВНАЯ СЕМАНТИКА РЕЧЕВЫХ АКТОВ
СЛУЖЕБНОГО ПОРУЧЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Ж.В. Никонова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается специфика вербального выражения иллокутивной семантики речевых актов служебного поручения, функционирующих в сфере деловой коммуникации. На основе анализа примеров из современной немецкоязычной художественной литературы доказывается, что детерминация иллокуции осуществляется в речевых актах служебного поручения с опорой на коммуникативный контекст, выступающий средством выражения социальной идентичности говорящего.

Ключевые слова: речевой акт, иллокутивная семантика, служебное поручение.

**Illocutionary Semantics of the Office Assignment Speech Acts in Modern German
Zhanna Nikonova**

The article analyzes the peculiarities of speech acts that express office assignments in the sphere of business communication and, on the basis of examples from modern German language fiction, proves that illocutionary semantics of business work assignments is predetermined by the communicative context, which functions as a means of expressing the communicants' social identity.

Key words: speech act, illocutionary semantics, office assignment.

Деловое общение, в рамках которого функционируют рассматриваемые в настоящей работе речевые акты служебного поручения, представляет собой особую форму коммуникативной предметно-целевой и по преимуществу профессиональной деятельности в сфере социально-правовых и экономических отношений [1] и осуществляется в условиях институционального дискурса, характеризуемого в лингвистической литературе как общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений [2].

Главной целью делового общения является реализация стремления индивида или группы индивидов, принадлежащих к одному социальному институту, изменить в определённую ими сторону ситуацию, данную в событийном аспекте, а также установить качественно новые отношения между участниками данного общения [3].

Деловое общение имеет несколько подвидов, оно включает взаимодействие и наемных работников, и собственников-работодателей, которое происходит не только в организациях, но и на различных деловых приемах, семинарах, выставках и так далее [4]. Одним из самых распространенных видов деловой коммуникации является служебное (корпоративное) общение, определяемое как взаимодействие людей, находящихся на службе. Оно осуществляется в рабочее время в стенах предприятия, фирмы, магазина и других служебных помещений [5].

В современной лингвистической литературе представлено множество классификаций форм служебного общения. Большинство исследователей предлагает таксономии в соответствии со сферой профессиональной деятельности адресанта – общение в юридической сфере, общение сотрудников правоохранительных органов и пр. Выделяются такие формы служебного общения, как прием посетителей, посещение граждан по месту жительства, участие в совещаниях, заседаниях, общение руководителя и подчиненных, коммуникация между коллегами, общение по телефону, деловая переписка, выступления по радио, телевидению и т. п. Указываются также беседы, встречи, переговоры, посещение организаций, учреждений, деловые контакты с иностранными гражданами [6. С. 104–105]; спор, дискуссия, полемика [7. С. 77].

Данные формы служебной коммуникации конституируются речевыми актами с различными иллокутивными функциями, но наиболее характерными для сферы корпоративного общения являются речевые акты служебного поручения.

Исследование плана содержания и плана выражения иллокутивной семантики речевых актов указанного типа отвечает потребностям не только теории коммуникации и теории речевых актов, но и современной науки о языке в целом, поскольку, заполняя множество лакун в изучении способов и средств выражения типов иллокуций в различных типах дискурса, оно позволяет в том числе увидеть тесную взаимосвязь иллокутивной и социальной функции речевого акта и основополагающую роль антропоцентрического фактора в формировании и актуализации высказывания / дискурса, выступающего вербальным коррелятом речевого акта.

Семантический объем понятия служебного поручения как дела, порученного кому-нибудь для выполнения, задания [8] в сфере

служебного (корпоративного) общения, предполагает участие в речевом акте служебного поручения как минимум двух коммуникантов, находящихся в служебных отношениях и относящихся к одному институту или одной организации. Это является одной из конститутивных черт служебного поручения, его отличием, например, от такого директивного речевого акта, как заказ, в котором адресант является представителем определенной организации, а адресат – внешним лицом.

Анализ языковых фактов позволяет говорить о том, что речевые акты служебного поручения являются ярким средством выражения социальной идентичности коммуникантов. Онтологическая природа речевого акта служебного поручения предполагает иерархические социально-ролевые отношения участников акта коммуникации, которыми выступают:

- начальник и его прямой подчиненный;
- начальник и лицо, нижестоящее по должности, но не являющееся прямым подчиненным;
- специалисты и их ассистенты.

Характер общения – нисходящий, имеющий ярко выраженную конвенциональную основу: говорящий обладает полномочиями предъявлять адресату какое-либо требование. Это требование заключается в поручении выполнения какого-либо действия (например, связаться с третьим лицом, принести кофе, перенести встречу и т. п.). Данное действие может носить как социальный (позвонить, связаться с кем-либо, напомнить о чем-либо, доложить о чем-либо, выяснить что-либо, убедиться в чем-либо и т. д.), так и физический (забрать или принести что-либо, сходить куда-либо, написать или напечатать что-либо, совершить какое-либо иное физическое действие) характер.

Речевые акты служебного поручения имеют преимущественно устную форму, поэтому для исследования были использованы примеры из произведений современной немецкоязычной художественной литературы. Художественные тексты как письменный источник фрагментов разговорной речи, моделированной авторами художественных произведений – носителями немецкого языка с учетом закономерностей речевого общения, дают возможность объективно интерпретировать текстовые

фрагменты благодаря наличию экспликаторов иллокутивной функции речевых актов в словах автора и словах самих героев произведения.

В свете таксономии побудительных речевых актов Е.И. Филатовой [9. С. 101] сформулируем социальные и прагматические характеристики речевого акта служебного поручения:

- фактор свободы у адресата: категоричный речевой акт, выполнение каузируемого действия облигаторно;
- фактор интереса: действие существенно в интересах говорящего;
- фактор статуса: статус адресанта выше статуса адресата; речевой акт социально обусловлен;
- фактор исполнителя: действие исполняется адресатом;
- фактор нормативности: говорящий опирается на служебное положение и личный авторитет;
- фактор среды несуществен, так как речевой акт может употребляться как в официальной обстановке, так и в приватной беседе коммуникантов;
- фактор обусловленности: инициативный речевой акт.

По совокупности данных признаков речевой акт служебного поручения соотносится с речевыми актами прескриптивного типа в таксономии Г. Морриса [10. Р. 202]: он характеризуется облигаторностью выполнения действия для адресата, приоритетностью позиции говорящего. Исполнителем каузируемого действия является адресат. Источником побуждения выступает отдельное лицо, занимающее определенную социальную позицию (позицию авторитета). Адресат находится в неприоритетной позиции и не обладает правом решать вопрос о выполнении / невыполнении действия, более того, невыполнение действия наказуемо, влечет санкции. Часто реализации иллокутивной семантики речевого акта служебного поручения сопутствует экспликация причин, побуждающих говорящего предпринимать попытку каузировать действия адресата или изложение следствий каузируемого действия.

В соответствии с правилами успешности речевого акта Дж. Серля [11. С. 162–168] таковыми для речевого акта служебного поручения являются следующие:

- адресат физически может выполнить каузируемое действие;

- адресант уверен в том, что адресат способен достичь желаемого результата;
- каузируемое действие направлено на будущее, еще никем не выполнено;
- адресант желает, чтобы действие было выполнено;
- адресант наделен полномочиями, позволяющими моделировать поведение адресата;
- речевой акт осознается адресатом как директив, то есть слушающий принимает на себя обязанность выполнения каузируемого действия.

Таким образом, для осуществления речевого акта служебного поручения необходимо наличие у адресанта желания выполнения каузируемого действия, его уверенность в возможности выполнения этого действия адресатом; правомерность требования; наличие у адресата физической возможности выполнения и его согласие с правомерностью поручения.

Говоря о детерминации иллокутивной семантики речевого акта служебного поручения в дискурсе, отметим, что в поверхностной структуре речевого акта перформативный глагол, эксплицирующий его иллокутивную семантику в немецком языке, не функционирует.

В перформативном употреблении используются в основном семантические эквиваленты перформативного глагола *beauftragen* в прямой речи персонажей. В частности, существительные *der Auftrag* и *die Aufgabe*, в сочетании с местоимениями *mein* и *Ihre* соответственно, указывают в различных контекстах на реализацию речевого акта служебного поручения, например:

*Das kann durchaus ein Vorteil sein. Verstehen Sie, **Ihre Aufgabe** wäre es, uns nach Möglichkeit auf dem Laufenden zu halten. Um im Fall der Fälle rasch reagieren zu können [12. S. 34].*

*Nein! Der liebe Herr, der jetzt so verzweifelt ist, weil er eigentlich gar nichts dafür kann, hat mir alles erzählt. Vielleicht fragen Sie ihn, wie es ja eigentlich **Ihre Aufgabe** ist [13. S. 72].*

Анализ языковых фактов показал, что реализация иллокутивной семантики речевого акта служебного поручения осуществляется в основном с помощью косвенных речевых стратегий, декодирование которых осуществляется адресатом исходя из коммуникативного контекста. В этих случаях в поверхностной структуре косвенного

речевого акта служебного поручения не присутствует языковых средств, выступающих семантическим эквивалентом перформативного глагола, номинирующего тип речевого акта, или указывающих прямо, как в первом случае, на конститутивные признаки речевого акта анализируемого иллокутивного типа. В результате проведенного исследования выявлены следующие способы выражения иллокутивной семантики речевых актов служебного поручения в немецком языке.

1. Речевой акт служебного поручения вводится в прямой речи посредством катафорических речевых актов констатации, предшествующих речевому акту служебного поручения и указывающих на иерархические должностные взаимоотношения коммуникантов, например:

*Sie sind **meine Assistentin**, Sie sind diejenige, die ich mit der Organisation für Paris betraut habe, Sie sollten mich über dergleichen auf dem Laufenden halten* [14. S. 830].

*Und selbst wenn es so wäre, wie Sie sagen, liebe Kollegin, es ist – ich sage es nun zum letzten Mal – **nicht Ihr Job**, das herauszufinden. Sie sind nicht beim Geheimdienst. Sie sind Beamtin im Polizeidienst... Überlassen sie das Spekulieren um wirtschaftliche oder politische Spielereien anderen* [15. S. 61].

В приведенных примерах речевые акты констатации с использованием экспликаторов служебных взаимоотношений коммуникантов (выделены полужирным шрифтом: *meine Assistentin, Ihr Job, nicht Ihr Job*) предвосхищают появление поручения (выделено подчеркиванием: сообщать о подобном, доставить домой, оставить догадки об экономических и политических махинациях другим лицам).

2. Указание на иерархические должностные взаимоотношения коммуникантов в словах автора:

*„Finden Sie mir diese Spinner“, hatte **unser neuer Chefredakteur**, Adam Birnbaum, gesagt. „Bringen Sie mir glückliche Paare, die sich beim Chat kennen gelernt haben, erzählen Sie mir herzugreifende Geschichten über den Kick bei Klick“* [16. S. 39].

*Fast wäre ich ein bisschen stolz gewesen..., hätte **mein Chef** diesen Auftrag nicht mit folgenden Worten übergeben: „Das ist quasi dein Bewerbungsschreiben. Wenn du es gut anpackst, bist du im Team. Wenn nicht, studierst wohl besser zu Ende“* [17. S. 26].

В данных примерах упоминание одного из коммуникантов (выделено жирным шрифтом: *unser neuer Chefredakteur, unser Chefarzt, mein Chef*) подготавливают адресанта к восприятию последующего текста как служебного поручения. Средством его осуществления выступают побудительные и повествовательные предложения, грамматическая форма которых имеет значение направленности на адресата, требующей от него выполнения определенного действия. Указания на иерархические должностные взаимоотношения коммуникантов входят в состав слов автора.

3. Указание на сферу служебных взаимоотношений при реализации акта коммуникации в словах автора и прямой речи адресанта:

„Okay, was haben wir?“ fragte Richard Finch in der **Konferenz**... „Und jetzt sieh zu, dass du in die Gänge kommst, Bridget. Hol mir die Leute her. Ruf im Büro von der Harman an und bestell sie für morgen ins Studio, dann dasselbe bei Blair. Alles klar?“ [18. S. 162].

So haben wir es zumindest jahrelang gemacht, bis unser amerika-affiner Chefarzt eines Morgens aufgeregt zu uns ins Schwesterzimmer stürmte und eine große **Besprechung** anberaumte. „Ich möchte alle Schwestern und Pfleger im **Besprechungsraum** sehen! Jedenfalls alle, die gerade frei sind-sofort!“ [19. S. 133].

Bevor Sie wieder ins **Büro** kommen, müssen Sie noch Madelaine abholen und in die Wohnung bringen. Klick. Gespräch beendet [14. S. 14].

В приведенных примерах текст поручения включает лексемы, указывающие на служебный характер коммуникации (выделено жирным шрифтом: *Konferenz, Besprechung, Besprechungsraum, Büro*). Это позволяет идентифицировать иллокутивную семантику данного речевого акта как служебное поручение.

Экспликаторами иллокутивной семантики служебного поручения выступают, как показывает исследование, следующие языковые средства.

- Основной глагол в форме императива в прямой речи коммуникантов:

Und sehen Sie zu, dass Sie mit der Ablage nachkommen, das sieht ja schlimm hier aus. Die arme Frau Meister wird Zustände bekommen, wenn sie wiederkommt [16. S. 106].

Emily, ich bin in zehn Minuten da. Sorgen Sie dafür, dass mein Frühstück auf dem Tisch steht [14. S. 363].

Dann rufen Sie in der Horace Mann an, und vergewissern Sie sich, dass die Mädchen pünktlich zur Schule gekommen sind [14. S. 820].

Aan-dreh-aa. Verlegen Sie meinen Friseur und Make-up-Termin vor und sagen Sie den Leuten von Ungaro Bescheid, dass ich heute Abend verhindert bin. Ich gehe stattdessen auf eine kleine Cocktailparty, und Sie kommen mit. Halten Sie sich in einer Stunde bereit [14. S. 854].

Детерминантом иллокутивной семантики в приведенных примерах являются глаголы в повелительном наклонении (выделено подчеркиванием: смотрите, позаботьтесь, позвоните, убедитесь, перенесите, сообщите, будьте готовы). Благодаря их форме, выражающей значение побуждения, и общему коммуникативному контексту анализируемые высказывания рассматриваются как речевые акты служебного поручения.

- Модальный глагол с инфинитивом:

*Gleich. Ich muss mal schnell aufs Klo. Ich habe nur auf dich gewartet. **Kannst** du einen Augenblick das Telefon **hüten**?* [14. S. 135]

*Ich **möchte** heute Abend das BUCH **sehen**, Emily* [14. S. 289].

*Ich rufe Sie an, um Ihnen zu sagen, dass ich mein Essen **will**. Das lässt nicht viel Interpretationsspielraum, Emily! Ich. Will. Mein. Essen. Sofort!* [14. S. 405].

Каждый из модальных глаголов (выделены жирным шрифтом) несет в себе определенный оттенок модальности служебного поручения. *Können* выражает мягкую просьбу и используется чаще всего в побуждении в форме вопросительного высказывания. *Mögen* выражает желание говорящего подвигнуть оппонента на действие путем озвучивания желаемого результата. *Müssen* используется для выражения долженствования слушающего. Адресат говорит в этом случае об обязанностях адресанта. *Wollen* выражает служебное поручение наиболее категорично, его иллокутивная сила подкрепляется контекстом.

- Глагол *brauchen*, выражающий потребность адресанта в чем либо, например:

*„Hallo, Allison? Sind Sie das?“ fragte eine eisige, aber königliche Stimme. „Ich **brauche** einen Rock.“* [14. S. 121]

*Ich **brauche** Telefonnummer und Adresse des Antiquitätengeschäfts zwischen der 70. Und der 80. Straße, wo ich die Kommode gesehen habe* [14. S. 121].

*Bis ich zurückkomme, **brauche** ich ein paar Schals und einen neuen Koch* [14. S. 353].

Смысловым центром данных примеров является глагол *brauchen* (выделено жирным шрифтом) и объект, который необходим адресанту. Удовлетворение потребности говорящего становится служебным заданием адресата, его профессиональной обязанностью (что следует из контекста). Однако чаще всего поручение, выраженное в служебной сфере таким образом, относится к личной сфере адресата, на что указывают лексемы, обозначающие каузируемый объект (выделено подчеркиванием: *Rock, Telefonnummer und Adresse des Antiquitätengeschäfts, ein paar Schals und ein Koch, Harry Potter Buch*). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что речевые акты служебного поручения выходят за сферу предназначенного для них общения. Происходит трансформация говорящим своей социальной идентичности, что находит непосредственное отражение в языке, в частности в реализации им речевого акта поручения, относящегося к его личной сфере, по отношению к лицу, с которым его связывают не личные, а служебные отношения.

Обобщая вышесказанное, можно с уверенностью говорить о том, что речевые акты служебного поручения являются средством выражения говорящим его социальной идентичности. Это становится возможным благодаря онтологической природе речевых актов данного иллокутивного типа.

Библиографический список

1. Колтунова М.В. Деловое общение: нормы, педагогическая риторика, этикет: Уч. пос. для вузов. 2-е изд., доп. М.: Логос, 2005. 312 с.
2. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
3. Пономаренко В.А. Фразеологические единицы в деловом дискурсе (на материале английского и русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 23 с.
4. Рева В.Е. Деловое общение: Уч. пос. Пенза: Пенз. гос. ун-т, 2003. 240 с.
5. Сокольская М.В. Коммуникативная культура: конспект лекций. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2003. 109 с.

6. Саранчин Ю.К. Профессиональная этика сотрудников органов внутренних дел: курс лекций. Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2001. 174 с.
7. Скаженик Е.Н. Практикум по деловому общению. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2005. 126 с.
8. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»: ОГИЗ: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.
9. Филатова Е.А. Побудительные высказывания как речевые акты в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Москва: МГУ, 1997. 253 с.
10. Morris H. Imperatives and Orders // *Theoria*. 1960. Vol. 26. № 3. P. 183–209.
11. Серль Дж. Что такое речевой акт? // НЗЛ. Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.
12. Imbsweiler M. Schlussakt. Max Kollers zweiter Fal. Meßkirch: Gmeiner Verlag, 2008. 467 S.
13. Bauer H. Karambolage. Ein Wiener Kaffeehauskrimi. Meßkirch: Gmeiner Verlag, 2009. 277 S.
14. Weisberger L. Der Teufel trägt Prada. Kindle Edition. München: Goldmann, 2004. 979 S.
15. Pundt H. Deichbruch. Meßkirch: Gmeiner Verlag, 2008. 326 S.
16. Gier K. Lügen, die vom Herzen kommen. Köln: Lübbe Digital, 2010. 289 S.
17. Stahl S. Das lautlose Abtauchen des Florian Grünenberger. Frankfurt: Amicus-Verlag, 2006. 180 S.
18. Fielding H. Bridget Jones: Am Rande des Wahnsinns. München: Goldmann Verlag, 2002. 448 S.
19. Tarnecke A. Spritzenmäßig: Kurioses, Krasses und Komisches aus der Notaufnahme. Köln: Bastei Lübbe Taschenbuch, 2013. 240 S.

Сведения об авторе

Никонова Жанна Викторовна
кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры теории и практики немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: nikonova@lunn.ru

УДК 811.111'38:811.111'373

**ВЕРБАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ НАСМЕШКИ ПОСРЕДСТВОМ
КОММУНИКАТИВНОГО ХОДА СОПОСТАВЛЕНИЯ
В БРИТАНСКОМ ЛИНГВОСОЦИУМЕ**

Е.Г. Ножевникова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Насмешка как составляющая комического подтекста является важным элементом коммуникации между представителями британского лингвосоциума, реализует целый ряд функций и может быть выражена различными языковыми средствами. В настоящей статье рассматривается один из способов вербализации осмеяния – коммуникативный ход сопоставления. В ходе анализа с позиций коммуникативно-стратегического подхода выявлены функции, которые выраженная данным способом насмешка может выполнять в зависимости от определенного сочетания прагматических факторов.

Ключевые слова: комическое, коммуникативный ход, коммуникативная стратегия, насмешка, осмеяние.

**Verbal Representation of Mockery by Means of Juxtaposition in British Lingvosociety
Elena Nozhevnikova**

Mockery is an essential element of humorous implication, typical for British communication; it fulfills various functions and can be expressed by different linguistic means. The article looks at juxtaposition as one of the ways of expressing mockery in speech and, utilizing the strategic-communicative approach, defines some of its functions, relating them to specific sets of pragmatic factors in communication.

Key words: humor, communicative move, communicative strategy, mockery, laughter.

Осмеяние – ситуация, с которой непременно сталкивается любой человек: в позиции инициатора или реципиента, непроизвольно (оказавшись в положении объекта насмешки вследствие неудачного стечения обстоятельств) или преднамеренно (целенаправленно выбрав подобную стратегию поведения для достижения своих целей), в частном общении или в присутствии аудитории. Склонность к такого рода поведению у человека обуславливается как физиологическими факторами – способность смеяться как реакция на физический стимул или комическое замечание является одной из характеристик биологической природы человека [1; 2], – так и социальными: смех в результате публичного

осмеяния может являться средством социального воздействия (исправления недостатков индивида и общества, наказания, разрешения конфликта и т. д.) [3; 4]. В каждой культуре отмечаются специфические особенности, ограничивающие возможную тематику, регулирующие допустимые пределы осмеяния в зависимости от ситуации. Результатом этого является большое количество способов выражения осмеяния, изучение которых в контексте культурной специфики представляется перспективным для гармонизации межкультурной коммуникации.

Вербальное осмеяние собеседника является одним из видов языковой игры и может реализовываться в форме острот, каламбуров, словесных дуэлей, насмешек, шуток и т. д. [5]. В настоящей статье отражены результаты исследования насмешки как специфического средства реализации стратегии осмеяния в коммуникации представителей британского лингвосоциума.

Рассмотрение насмешки с позиций коммуникативно-стратегического подхода позволяет системно проанализировать специфику выбора способа ее речевой реализации в зависимости от моральных и этических установок коммуникантов, их конкретных целей и прагматических факторов общения [6]. Все множество способов языкового выражения насмешки «на основании выделения интеграционных смысловых признаков» может быть представлено в форме ограниченного списка коммуникативных ходов, для каждого из которых описываются условия его эффективного использования в коммуникации [7]. Ограничение рамками одной статьи не позволяет детально рассмотреть все выделенные коммуникативные ходы, вследствие чего в настоящей статье представлены результаты исследования только одного из них.

Одним из наиболее очевидных коммуникативных ходов в стратегии осмеяния является непосредственное сопоставление объекта осмеяния с комическим эквивалентом. Реализация концептуального признака комического подразумевает, что приписываемая в ходе такого сопоставления характеристика должна быть экзогенной (не характерной для объекта в привычной ситуации), противоположной его эндогенной (как правило, проявляющейся в нейтральной ситуации) характеристике и умеренно негативной [8]. При соблюдении данных критериев высказывание должно быть воспринято как насмешливое, а не оскорбительное (если

приписываемая характеристика чрезмерно негативна) или провокационное / вводящее в заблуждение (констатация существующей, эндогенной характеристики).

В следующем фрагменте (1) один из поклонников привлекает внимание девушки к тому, что фамилия его более удачливого соперника скорее напоминает школьное прозвище. Последние, как правило, отличаются негативной коннотацией, а тот факт, что фамилия на самом деле не является прозвищем, реализует критерий экзогенности.

(1) He was suddenly swamped by a wave of jealousy which he was ashamed to reveal, and asked a trivial question instead.

“Where did he get that **ridiculously tautologous name**, as a matter of interest?”

“There was an ancestor, an Irishman called White, who emigrated to Spain in the eighteenth century and changed his name to Blanco, but River's great-grandfather, Joseph Blanco, left Spain around 1810 to settle in England and called himself Blanco White.”

“**It sounds like a schoolboy's nickname**,” he *sneered*. “‘Rivers’ is pretty odd too, for that matter.” [9. P. 314–315]

В анализируемом фрагменте эксплицитно указано, что фамилия обсуждаемого человека считается заслуживающей осмеяния (“that **ridiculously tautologous name**”), и высказывание, иллюстрирующее данную точку зрения – “It sounds like a schoolboy's nickname” – маркировано в авторской речи как насмешливое (“he *sneered*” – “Sneer – to talk about something or someone in an **unkind mocking** way that shows you **do not respect or approve** of them” [10]).

Однако выбранный в данном случае эквивалент для сопоставления не приводит к желаемому результату – девушка игнорирует замечание, что можно рассматривать как коммуникативную неудачу. Одной из причин этого становится недостаточная противоречивость между объектом насмешки и комическим эквивалентом: сопоставление фамилии и прозвища представляется вполне логичным. В то время как более неожиданное сравнение достигает цели привлечения внимания, поскольку чем сильнее контраст, тем ярче проявляется комический признак.

В публичном выступлении (2) Г. Уэллс высмеивает принципы ведения политики в социалистическом обществе посредством сравнения её с торговкой на рынке.

(2) He *mocked* the rambling, inconsequential information distributed to members, and deplored the failure to actively recruit new ones. “We don’t advertise, thank you: it’s not our style. **We cry socialism as the reduced gentlewoman cried ‘oranges’**: *‘I do hope nobody hears me.’*” (More laughter) [9. P. 193–194].

Принадлежность выбранного для сопоставления эквивалента к семантическому плану, не имеющему никакого отношения к объекту осмеяния, становится основой для комического эффекта, провоцирующего смеховую реакцию аудитории.

С позиции языкового оформления высказывания коммуникативный ход сопоставления чаще всего реализуется посредством приема сравнения: с помощью союзов “like”, “as”, “as if / though” и т. д. Кроме того, способом вербализации насмешки в рамках коммуникативного хода сопоставления может служить прием квазитождества (3).

(3) “You look different,” Kate says fondly.

“I feel different. Sore,” I confess.

“Sore?”

“A little.” I flush.

“Me too. Men,” she says in *mock disgust*. “**They’re animals.**” We both *laugh* [11. P. 109].

Отсутствие у объектов осмеяния утонченности подвергается осуждению посредством приравнивания их манер к поведению животных. В лингвистическом аспекте насмешливое высказывание построено по традиционной модели квазитождества “A is B”. В то же время наблюдаются и случаи отклонения от привычной модели.

В следующем фрагменте (4) при характеристике героини утверждается, что она обладает нравом дворовой кошки: “She has the temper of a stable cat”. Подобное языковое оформление нельзя в полной мере считать примером квазитождества в его привычной форме “A is B”. Однако имплицативное сравнение двух объектов достаточно очевидно и прямолинейно, что позволяет включить подобные высказывания в подмножество, составляющее коммуникативный ход сопоставления.

(4) We were watching Anne at the archery butts on the terrace above the river. She was a skilful archer, she looked as if she might take the prize. Only one other lady, Lady Elizabeth Ferrers, looked as if she might outshoot my sister.

“It’s a pleasant change,” my uncle said sourly. **“She has the temper of a stable cat, your daughter.”**

My father *chuckled* comfortably [12. P. 162].

В ходе анализа фактического материала был выявлен еще один вариант построения сопоставительного насмешливого высказывания, который, возможно, не является самым распространенным (в составленном корпусе примеров из 100 высказываний, реализующих коммуникативный ход сопоставления, только 7 были построены по данному принципу), но должен быть включен в перечень, чтобы отразить весь комплекс возможных вариантов реализации рассматриваемого коммуникативного хода. Насмешка в данной ситуации представляет собой реакцию на высказывание собеседника, для вербализации которой используется конструкция “so is / are ...” (5).

(5) “Well,” said Matt, “you know the Manoush are Goddess-worshippers? Fabrizio di Chimici...”

“I saw him at the funeral,” Laura interrupted. “He’s very good-looking.”

Nick *snorted*. **“So are tigers,”** he said [13. P. 41].

Следующим шагом после выявления комплекса возможных способов реализации насмешки посредством сопоставления становится установление мотивации коммуникантов при выборе данного коммуникативного хода. Определяется наличие закономерностей между использованием такого типа насмешливых высказываний для достижения заданной цели в ситуациях с различным сочетанием прагматических факторов.

Мотивационная основа высказывания может быть объяснена с опорой на существующие теории происхождения комического, разновидностью которого является насмешка. Актуальными для вербализованной в рамках коммуникативного хода сопоставления насмешки являются теория превосходства и несоответствия ожидаемого реальному результату.

Теория превосходства восходит к трудам античных ученых (Платон, Аристотель, Квинтиллиан) и представляется наиболее значимой при описании насмешки [14], поскольку позиция адресата насмешливого высказывания характеризуется определенной степенью подчиненности (“the object of mockery / ridicule is perceived as **inferior...**” [15]) и ситуация насмешки всегда рассматривается как

статусно-маркированная [16]. Основной целью коммуниканта, в соответствии с этим, становится стремление подчеркнуть превосходство над объектом насмешки и добиться его подтверждения у членов аудитории.

В ходе анализа фактического материала было установлено, что в рамках коммуникативного хода сопоставления насмешка с такой целью используется, как правило, в адрес *отсутствующего* в момент общения человека (см. примеры (1), (3), (5)).

Изменение данного прагматического фактора – объект осмеяния *присутствует* в момент коммуникации – не вызывает непосредственного изменения модели языкового оформления, но соотносится с другой функцией насмешливого высказывания. Целью коммуниканта, прибегающего к насмешке, является не повышение или подчеркивание собственного статуса, но упрек в отношении объекта осмеяния. Адресант насмешливого высказывания принимает на себя роль «полицейского», указывающего собеседнику на его недостатки [17]. Возникающая в результате конфликта двух противоположных оценок ситуация осмеяния может рассматриваться как способ «предотвращения нарушения системы ценностей», принятой в обществе или социальной группе [3. С. 174], средство контроля над собеседником: “an expression of superiority”, “a mechanism of control” [18. Р. 426].

Следующим фактором, оказывающим влияние на функционирование насмешки в подобных случаях, является *присутствие / отсутствие аудитории*. В большинстве случаев употребление насмешливых высказываний с целью упрека, построенных по принципу сопоставления, было зафиксировано в общении членов семьи или влюбленной пары в отношении друг друга (ситуация частного общения).

В следующем фрагменте (6) поводом для насмешливого упрека становится использование в речи одного из коммуникантов выражений, скорее подходящих для средневековых хроник: “You sound like a courtly knight”. Тот факт, что высказывание адресовано присутствующему объекту осмеяния в частном общении, обуславливает то, что насмешка, выраженная в форме сравнения со средневековым рыцарем, не воспринимается объектом с обидой (“I see a trace of a smile”).

(6) “Firstly, the technology to track cell phones is available over the Internet. Secondly, my company does not invest or manufacture any kind of surveillance devices, and thirdly, if I hadn’t come to get you, you’d probably be waking up in the photographer’s bed, and from what I can remember, you weren’t overly enthused about him pressing his suit,” he says acidly.

Pressing his suit! I glance up at Christian, he’s glaring at me, his gray eyes blazing, aggrieved. I try to bite my lip, but I fail to repress my laughter.

“Which medieval chronicle did you escape from?” I giggle. “**You sound like a courtly knight.**”

His mood visibly shifts. His eyes soften and his expression warms, and I see a trace of a smile... [11. P. 46]

Эквивалент, с которым сопоставляется объект насмешки в приведенном примере, хотя и рассматривается как более низкий по статусу (намек на старомодность критикуемого человека), в целом может быть охарактеризован как вполне положительный, и насмешка в целом носит доброжелательный характер. Однако ошибочным было бы предположение, что исключительно особенность тематики является фактором, определяющим характер насмешливых высказываний. В частности, в следующем фрагменте (7) насмешка-упрек, оформленная по принципу коммуникативного хода сопоставления, не воспринимается с обидой, несмотря на то что сравнение носит совершенно нелестный характер.

(7) “I am sorry.” I shook my head. “Someone was talking about it the other night but I wasn’t listening.”

She made a little noise and leaped to her feet.

“Oh very well then,” she said irritably. “Talk to me about the baby. That’s all you’re interested in, isn’t it? You sit with your head half-cocked listening for her all the time, don’t you? **You look ridiculous.** For heaven’s sake sit up straight. The nurse won’t bring her back any quicker for **you looking like a hound on point.**”

I laughed at the accuracy of her description. “It’s like being in love. I want to see her all the time.” [12. P. 79]

В данном фрагменте одна сестра подвергает осмеянию чрезмерную заботу другой о ребенке, сравнивая ее с гончей, заметившей добычу. Выбранный для сравнения эквивалент в существенной степени принижает собеседника. Факторами,

определяющими доброжелательный характер насмешки в данном случае, являются: общение один на один, отсутствие аудитории, дружеские отношения между коммуникантами.

При другом сочетании прагматических факторов – присутствии третьей стороны (аудитории, не принадлежащей к членам данной семьи), асимметричных отношениях между коммуникантами и т. д. – подобная насмешка воспринималась бы как средство повышения собственного статуса за счет другого человека. Реакцией объекта насмешки, скорее всего, было бы чувство оскорбления, в то время как в данном случае критика принимается с улыбкой: “I laughed at the accuracy of her description”.

Иллюстрацией выявленной закономерности также является следующий фрагмент (8), в котором в то же время наблюдается определенное отклонение от стандартной реализации комического признака. Обычно выбранный для сопоставления эквивалент, даже относительно положительный, имеет недостатки и таким образом дискредитирует адресата высказывания. В приведенном ниже фрагменте эквивалентом является безупречный идеал, и именно вследствие этого, хотя сравнение с ним лестно для адресата, подобное сопоставление вызывает дискомфорт.

(8) He used to reproach her mildly, but the idea of losing that loving, desirable, intelligent creature was simply unbearable... and afterwards, as she was lying limply in his arms she said: “I’m sure I’ve conceived.” He *laughed*. “**Only the Virgin Mary knew as soon as that,**” he said. “You may *mock*,” she said calmly, “but I felt it happen deep inside me.” [9. P. 323]

Поводом для упрека (“reproach”) стала уверенность девушки в том, что она забеременела с первой попытки. Реализация контроля над собеседником в форме прямой констатации факта – «невозможно знать при таком маленьком сроке» – могла бы спровоцировать напряженность в отношениях, в то время как обращение к насмешливому высказыванию привело к контраргументу со стороны девушки, но не к обострению конфликта.

Следует отметить, что сравнение с Девой Марией не является единичным случаем в рамках рассматриваемого коммуникативного хода. В целом ряде проанализированных фрагментов мужчины при необходимости высказать упрек в адрес своей возлюбленной

прибегали к подобному приему – сопоставлению с одной из библейских фигур (9).

(9) “Well, we could go to Seattle this evening or next Saturday for dinner at my place, and I’ll acquaint you with the facts then. The choice is yours”...

...“Tonight.”

He raises an eyebrow. “**Like Eve, you’re so quick to eat from the tree of knowledge**,” he *smirks* [11. P. 51].

Упрек в данном примере высказывается в отношении излишней любознательности девушки. Коммуникативный ход сопоставления реализуется посредством сравнения с Евой, поспешившей вкусить плод с древа познания. Упрек не провоцирует конфликт, но становится отправной точкой насмешливой перебранки (англ. *banter* [19]), не влияющей на настроение коммуникантов и их мнение друг о друге.

Следует подчеркнуть, что степень нелогичности сравнения в целом играет существенную роль при определении специфики реализации рассматриваемого коммуникативного хода. Чем более нереальный и несоответствующий предмет выбран для сопоставления, тем меньше вероятность того, что высказывание будет воспринято как упрек или попытка доказать / подчеркнуть собственное превосходство. Целью наиболее нестандартных, несуразных сравнений (помимо критики) также является создание дружеской атмосферы общения.

Мотивационно обращение к подобного рода насмешке может быть охарактеризовано с позиции такой теории порождения комического, как теория несоответствия ожидаемого реальному результату. Особенностью данной теории является смещение фокуса осмеяния. Если с позиции теории превосходства в качестве источника комического указываются чувства, убеждения и поведение людей [20], мотивом адресанта высказывания в данном случае становится желание поделиться пониманием того, что наблюдаемое явление, или человек, отношение к которому высказывается, не соответствуют представлениям о норме и поэтому комичны.

В следующем фрагменте (10) один из коммуникантов, жалуясь на то, что его отпуск «прошел неудачно», утверждает, что устал от морского побережья, приравнивая его к аду (“It’s been hell”). Притворное согласие собеседника с тем, что это «должно было быть

похоже на ад Данте» (“sounds like Dante’s Inferno”), хотя и является в определенной мере насмешливым упреком – приятному по определению отдыху у моря приписывается несоответствующая негативная характеристика адских мучений, – в большей степени направлено на поддержание несерьезного шутливого тона общения.

(10) I sit down at my desk and my Blackberry rings – a number I don’t recognize.

“Ana Steele.”

“Hi, Steele!” Ethan’s drawl catches me momentarily off guard.

“Ethan! How are you?” I almost squeal with delight.

“Glad to be back. I am seriously fed up with sunshine and rum punches, and my baby sister being hopelessly in love with the big guy. It’s been hell, Ana.”

“Yeah! **Sea, sand, sun, and rum punches sounds like Dante’s Inferno.**” *I giggle.* “Where are you?”

“I’m at Sea-Tac, waiting for my bag.” [11. P. 208]

Объектом насмешки в данном примере, в сущности, является ситуация отдыха – для нее подбирается комический эквивалент, что можно считать еще одной закономерностью реализации коммуникативного хода сопоставления. В соответствии с изменением мотива и доминантной функции высказывания наблюдается изменение адресованности насмешки.

Таким образом, можно сделать заключение о следующей специфике языкового оформления и функционирования насмешливого высказывания в рамках коммуникативного хода сопоставления:

- Наиболее распространенные лингвистические модели включают структуры: “A is / sounds / looks like B”, “A is B” и контекстуально зависимый вариант реализации, представляющий собой реакцию на реплику другого коммуниканта с использованием конструкции “so is / are...”.

- Насмешливые высказывания, адресованные аудитории, объектом которых является отсутствующий в момент общения человек, функционируют как средство повышения собственного статуса за счет другого человека. Изменение доминирующей функции высказывания наблюдается под воздействием таких прагматических факторов, как адресованность высказывания присутствующему человеку, частный характер общения, дружеские взаимоотношения

между коммуникантами – насмешка функционирует как средство контроля (предупреждение или упрек) поведения собеседника.

- Немаловажным фактором является тематическая направленность и специфика адресованности осмеяния. В большинстве случаев комический эквивалент подбирается для объекта насмешки, которым является человек (в зависимости от сочетания прагматических факторов упрек может быть выражен как с помощью «принижающего» эквивалента, так и относительно нейтрального или лестного). Использование коммуникативного хода сопоставления для характеристики ситуации отмечается в контексте создания / поддержания дружеской атмосферы общения.

Библиографический список

1. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (собрание трудов В.Я. Проппа). М.: Издательство «Лабиринт», 1999. 288 с.
2. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло») / Пер. с нем. М.: Издательская группа «Прогресс»; «Универс», 1994. 272 с.
3. Нухов С.Ж. Языковая игра как одна из форм проявления общеэстетической категории комического // Вестник Башкирского университета. 2012. № 1. С. 171–178.
4. Janes L.M., Olson J.M. Is It You or Is It Me? Contrasting Effects of Ridicule Targeting Other People Versus the Self // Europe's Journal of Psychology. 2010. 6 (3). P. 46–70.
5. Нухов С.Ж. Языковая игра: возможные подходы и трактовки явления // Вестник Башкирского университета. 2012. № 1. С. 165–170.
6. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
7. Иссерс О.С. Речевое воздействие. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.
8. Кошелев А.Д. О природе комического и функции смеха // Язык и движение: к 70-летию Л.П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2007. 664 с.
9. Lodge D. A Man of Parts. L.: Vintage Books, 2012. 576 p.
10. Cambridge Advanced Learner's Dictionary // Электронный ресурс Интернет: <http://www.dictionary.cambridge.org>.
11. James E.L. Fifty Shades of Grey. L.: The Writer's Coffee Shop, 2011. 356 p.

12. Gregory P. *The Other Boleyn Girl*. N.Y.: Touchstone, 2001. 672 p.
13. Hoffman M. *City of Swords*. L.: Bloomsbury, 2012. 355 p.
14. Berger A.A. *Signs of Humour: On the Structure of Laughter* // Электронный ресурс Интернет: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:5er-cK8l_qwJ:culturestudies.pbworks.com/f/Semiotics%2Bof%2Bhumor%2BAAB.doc+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru.
15. Cobuild *Advanced British English Learner's Dictionary* // Электронный ресурс Интернет: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-cobuild-learners>.
16. Карасик В.И. Концептуализация насмешки в языковом сознании // *Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК* / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 10. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2012. С. 51–64.
17. Wooten D. *From Labelling Possessions to Possessing Labels: Ridicule and Socialization Among Adolescents* // *Journal of Consumer Research*. 2006. Vol. 33(2). P. 188–198.
18. Lynch O.H. *Humorous Communication: Finding a Place for Humor in Communication Research* // *Communication Theory*. 2002. Vol. 12. № 4. P. 423–445.
19. Leech G. *Principles of Pragmatics*. L. – N.Y.: Longman, 1983. 257 p.
20. Sen A. *Humour Analysis and Qualitative Research* // Электронный ресурс Интернет: <http://sru.soc.surrey.ac.uk/SRU63.pdf>.

Сведения об авторе

Ножевникова Елена Геннадьевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: elen.genna@gmail.com

УДК 81'42:81'27

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Л.М. Терентий

Московская международная академия, Москва

В статье рассматриваются основные направления изучения дискурса в современной социолингвистике. Рассмотрены концепция Д. Хаймза, модель дискурса В.И. Карасика, отмечены идеи конструктивистской методологии и понимание глобализации как дискурса.

Ключевые слова: дискурс, социолингвистика, глобализация.

The Main Approaches to Discourse Research in Contemporary Linguistics

Liviu Terentiy

The article looks at some of the principal approaches to discourse research in modern sociolinguistics, including concepts developed by Dell Hymes, the discourse model of V.I. Karasik, ideas of constructivist methodology, and understanding globalization as a discourse.

Key words: discourse, sociolinguistics, globalization.

Практически все лингвисты, независимо от того, в какой парадигме они работают, убеждены, что для развития теории дискурса огромное значение имеет осмысление сложных взаимоотношений между дискурсом и обществом. С позиций социолингвистики изучение взаимосвязи «язык – общество» наиболее полно и естественно достигается при сочетании лингвистического и социального подходов, что подразумевает анализ дискурса, понимаемого как «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [1. С. 233].

В основе социолингвистического подхода к дискурсу лежат два важных положения. Во-первых, в данном научном направлении считается, что анализ дискурса невозможен без учета таких категорий, как социальное мышление, конвенция и социальные институты. Во-вторых, с точки зрения социолингвистики количество выделяемых видов дискурсивных практик определяется количеством выделяемых типов личностей и обстоятельств общения.

Особое внимание к социальным категориям в социалингвистике обусловлено убежденностью в том, что организация мышления отдельного индивида в значительной степени определяется коллективными представлениями, т. е. социальной мыслью, отраженной в структуре языка. Именно это положение ярко отражает глубинную связь социалингвистики с психологической наукой, оказавшей определяющее влияние на ее становление (здесь кажется уместным вспомнить концепции «различия» и «недостатка», в которых их авторы – основоположники социалингвистики Б. Бернстейн и У. Лабов – сделали попытку объединить социалингвистический и когнитивный подходы). Однако, несмотря на существование ряда работ с явно выраженным когнитивным уклоном, до сих пор в социалингвистике не существует единого мнения по поводу использования когнитивных категорий в данной области исследований, что служит источником непрекращающихся дискуссий (см., напр., [2] и др.).

Под социальными представлениями в этом лингвистическом направлении понимается специфическая форма познания – «знания “здорового смысла”, содержание, функции и воспроизводство которых социально обусловлены» [3. Р. 361–362], т. е. предопределены контекстом и условиями их возникновения, каналами циркуляции, наконец, функциями, которым они служат во взаимодействии с миром и людьми [4. С. 33–34]. Эти представления конвенциональны, имеют рекуррентный характер, символическую природу, определяют специфику той или иной культуры, выступая как общий для членов социума интерактивно воспроизводимый процесс понимания явлений и способ коммуникации по их поводу [5; 6].

Социальные представления, как «коллективно-психическое» (по Бодуэну де Куртене), отражаются в языке и становятся частью «индивидуально-психического» через различные социальные институты, представляющие собой четко структурированные конвенциональные системы форм деятельности с ярко выраженными культурно-специфическими особенностями, основной функцией которых является решение определенных социальных задач с точки зрения интересов какой-либо группы [7; 8].

Из вышесказанного ясно, что в центре внимания социалингвистических исследований дискурса находится, прежде всего, институциональное общение или статусноориентированный

дискурс, «т. е. речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития» [9. С. 232].

Как следует из определения институционального общения, при его анализе учитывается целый ряд контекстуальных факторов, регулирующих языковое поведение. Именно описанию таких факторов посвящены работы многих исследователей, работающих в социолингвистической парадигме.

Прежде всего, внимание специалистов в области социолингвистики привлекают разнообразные социальные ограничения, включая те, которые налагаются принятыми в данном обществе и культурно обусловленными нормами [10; 11; 12; 13; 14; 15].

Наиболее полный список социально обусловленных параметров коммуникации, которые должны приниматься во внимание, представлен в широко известной модели Делла Хаймса, обозначенной им акронимом *SPEAKING* по первым буквам элементов коммуникативной ситуации. Под *S (setting and scene of interaction)* в модели имеется в виду вся обстановка общения – время, место, внешнее окружение, культурное определение коммуникативного акта и его место в процессе общения. *P (participants)* – это участники общения, причем Д. Хаймс намеренно отделяет адресанта от адресата (или аудитории – в случае массовой коммуникации) как от лица, избранного говорящим для воздействия. Цели коммуникантов и предполагаемые результаты общения обозначаются как *E (ends)*, последовательность коммуникативных действий, обусловленная культурой – это *A (act sequences)*. Атмосфера общения, или тональность коммуникативного акта, заложена в модели как «ключи» (*keys – tone or spirit of interaction*). В языковую коммуникацию включены не только язык в целом и его варианты, используемые коммуникантами, но и каналы передачи информации (*instrumentalities*). И два последних элемента модели – это нормы, регулирующие ход коммуникации (*norms – rules regulating interaction*), и речевые жанры (*genres – types of communication*) или структура речевого материала, соответствующая определенной форме общения (обращение, лекция, дебаты, беседа и т. д.). Не менее

важным, по мысли Д. Хаймса, является: 1) первоначальное определение языкового сообщества, в котором происходит коммуникация; 2) выделение повода общения, который в конечном итоге обуславливает определенный тип организации речи; 3) определение последовательности речевых событий и 4) установление цели каждого речевого акта [16].

Несмотря на тот факт, что модель Д. Хаймса и подобные ей модели до сих пор используются для анализа общения в социолингвистике, они вызывают все больше возражений в среде специалистов. Так, отмечается, что тип разговора есть не что иное, как прототип, представляющий определенную сферу общения, сферу употребления языка или тип речевого высказывания [17; 18]. Помимо этого, как замечает М.Л. Макаров, многие из выделяемых переменных совпадают с соответствующими социальными характеристиками людей. В частности, к таким переменным может быть отнесена степень официальности, коррелирующая со степенью формальности группы, симметричность отношений, зависящая от статусов участников общения и т. д. [19. С. 210].

В целом анализ выдвинутых в различных работах замечаний показывает, что общим и основным недостатком моделей коммуникации очерченного выше типа является то, что вместо описания механизмов, лежащих в основе процесса общения, они сфокусированы на внешних составляющих коммуникативной ситуации. Поэтому неудивительно, что неудовлетворенность существующими моделями послужила стимулом к появлению работ, направленных на поиски новых параметров, которые бы дополняли и уточняли типы дискурса, выделяемые на социолингвистической основе.

Это прежде всего развитие теории дискурса в соответствии с занявшей сегодня главенствующее положение конструктивистской методологией [20]. Конструктивистские идеи впервые были реализованы в нашей стране в области гендерных исследований; сегодня они успешно развиваются в других областях, среди которых отметим когнитивные науки и их интерес к социальной когниции.

Наиболее новое направление исследований дискурса – это анализ глобализационных процессов и их отражения в общественной коммуникации (подробнее см. [21; 22]). Так, Н. Файерклаф [23] предлагает рассматривать глобализацию как дискурс, создаваемый

пятью агентами: государственной властью, академическим сообществом, общественными организациями, СМИ и самим населением (т. н. «глобализация снизу»).

Отметим и модель дискурса, разработанную В.И. Карасиком. Главным достоинством этой модели является то, что, в отличие от модели Д. Хаймса, в ней значительно более точно фиксируются не только внешние, но и внутренние характеристики ситуации общения. Рассматривая коммуникативные обстоятельства как важнейший смыслообразующий компонент текста, автор считает необходимым принимать во внимание: 1) участников общения, их статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики; 2) условия общения, куда входят пресуппозиции, сфера общения, хронотоп, коммуникативная среда; 3) организацию общения (мотивы, цели, стратегии, развертывание и членение, контроль общения и вариативность коммуникативных средств; 4) способы общения, т. е. канал, режим, тональность, стиль и жанр общения. При этом не меньшее внимание в модели уделяется и признакам текстуальности – когезии, когерентности, интенциональности, приемлемости (интерпретируемости), информативности, ситуативности и интертекстуальности. Другими словами, учет внешних и внутренних характеристик речи позволяет исследователю предложить классификацию категорий дискурса, которая дает возможность не только делать его общее описание, но и проводить анализ с позиций более частных категорий [1. С. 241].

Таким образом, тенденция к привлечению для исследования дискурса тех категорий, в которых отражены его содержательные характеристики, присуща всем современным работам. При этом количество формальных или институциональных видов дискурса определяется числом общественных институтов, функционирующих в социуме в данный конкретный исторический период. Наиболее релевантными в современном обществе и, соответственно, наиболее исследованными в социолингвистике являются массово-информационный, политический, научный, религиозный, педагогический, деловой и рекламный дискурсы. Наряду с этим, ряд профессионально ориентированных дискурсивных практик до настоящего времени оставались вне поля зрения исследователей. К примеру, практически не исследован дискурс дипломатии, хотя данный тип дискурса является институциализованным, включает все

социолингвистические признаки и не может не представлять интерес для лингвистического изучения его структуры и построения классификации его типов. Можно предположить, что в ближайшие годы одним из важных направлений дискурсологии станет описание специфики этой и других малоизученных сфер глобального дискурсивного пространства.

Библиографический список

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
2. Wodak R. Critical Discourse Analysis // *Qualitative Research Practice* / C. Seale, G. Gobo, J.F. Gubrium, D. Silverman (eds). L.: Sage, 2004. P. 197–213.
3. Jodelet D. Representation Sociale : Phenomenes, Concept et Theorie // *Psychologiesociale*. Paris, 1984. P. 358–387.
4. Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М.: МГУ, 1987. 127 с.
5. Flick U. Social Representations // *Rethinking Psychology*. L., 1995. P. 70–96.
6. Flick U. Social Representations and the Social Construction of Everyday Knowledge: Theoretical and Methodological Queries // *Social Science Information*. 1994. Vol. 33. P. 179–197.
7. Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. М.: МГИК, 1994. 214 с.
8. Schlieben-Lange B. Linguistische Pragmatic. Stuttgart, 1975. 148 S.
9. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. 330 с.
10. Дейк ван Т.А. Фреймы знаний и понимание речевых актов / Пер. с англ. М.А. Дмитриевой // *Язык. Познание. Коммуникация*. М.: Прогресс, 1989. С. 19–30.
11. Клюканов И.Э. Единицы речевой деятельности и единицы языкового общения // *Языковое общение: процессы и единицы*. Калинин: Изд-во КГУ, 1988. С. 41–47.
12. Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. 288 p.
13. Dance F.E.X., Larson C.E. Speech Communication: Concepts and Behavior. N.Y.: Holt, Rinehart & Wilson, 1972. P. 1–16.

14. Human Communication Theory: Comparative Essays / In Dance F.E.X. (Ed.). N.Y.: Harper and Row, 1982. 551 p.
15. Levinson S.C. Activity Types and Language // Linguistics. 1979. Vol. 17 (5/6). P. 365–399.
16. Hymes D. Foundations in Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1974. 260 p.
17. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: к вопросу о предмете социолингвистики. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1975. 276 с.
18. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. СПб.: Наука, 1994. 153 с.
19. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
20. Гриценко Е.С. Язык. Гендер. Дискурс: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.А. Лобачевского, 2005. 267 с.
21. Гриценко Е.С., Кирилина А.В. Язык и глобализация: задачи и направления социолингвистического анализа // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия «Филология». 2010. № 6. С. 14–21.
22. Кирилина А.В., Гриценко Е.С., Лалетина А.О. Глобализация в аспекте лингвистики // Вопросы психолингвистики. 2012. № 1. С. 18–37.
23. Fairclough N. Language and Globalization. L.: Routledge, 2006. 167 P.

Сведения об авторе

Терентий Ливиу Михайлович
кандидат политических наук, доцент,
ректор Московской международной академии
E-mail: info@mmamos.ru

УДК 81

ХОЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К МОДЕЛИРОВАНИЮ ЖАНРА

В.А. Тырыгина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Широкий диапазон внутрижанровой вариативности ведет к неизбежным трудностям в идентификации жанра и в определении его границ. Названные трудности порождаются эмпирической природой жанров, вызванных к жизни потребностями внеязыкового характера. В статье речь идет о четырех сущностях, ответственных за сложность жанра как языкового явления, обосновывается холистический подход к моделированию жанра.

Ключевые слова: идентификация жанра, конвенция, коммуникативные переменные, концепт жанра, прототип жанра, языковая презентация, вариативность, холистический подход.

A Holistic Approach to Genre Modelling

Valentina Tyryguina

A wide amplitude of linguistic variation within texts assigned to one and the same genre causes difficulties in identifying and delimiting specific genres. Those difficulties result from the empirical nature of genres themselves, brought into existence to satisfy needs lying beyond language. The paper outlines four factors responsible for the complexity of the genre as a linguistic phenomenon and develops a holistic approach to genre modeling.

Key words: genre identification, convention, variables of communication, genre concept, genre prototype, linguistic presentation, variation, holistic approach.

Ни одно явление в области лингвистических исследований не породило такого количества противоречивых суждений, как жанр: от полного отрицания до безоговорочного признания его лингвистического статуса. Такое парадоксальное положение вещей объясняется тем, что тексты, воплощающие один и тот же жанр, могут настолько разниться, что сама по себе идентификация жанра становится проблематичной. Парадоксальность может быть устранена, если при объяснении сущности жанра учитывать все формирующие его факторы. В нем взаимодействуют по крайней мере четыре типа сущностей: во-первых, категории действительного мира; во-вторых, прагматические факторы, т. е. то, что связано с целенаправленным использованием языка в человеческой деятельности; в-третьих, категории ментальные, связанные с психологией человеческого познания (когниции); в-четвертых,

собственно язык, языковые ресурсы, через которые воплощается, реализуется жанр.

Хотя природа жанра универсальна, каждая сфера человеческой коммуникации, исходя из своих потребностей, вырабатывает свою систему жанров. В настоящей статье для иллюстрирования будут использоваться жанры британской медийной коммуникации / медийного дискурса.

Жанры принадлежат категориям действительного мира в том смысле, что они являют собой культурные стереотипы, культурные образцы (*cultural patterns* [1. С. 575], локализуемые в обществе и относящиеся к области поведения в типических ситуациях социального взаимодействия людей. Вслед за Э. Сепиром, заметившим, что язык — это «гигантская и анонимная и подсознательная работа многих поколений» [1. С. 195], правомерно говорить о том, что жанры — это результат культурной практики многих поколений в сфере создания и обращения текстов. Истоки жанров — в обычаях, стереотипах поведения, постепенно дифференцирующихся и усложняющихся. Рассматривая культурные образцы в онтогенезе, Э. Сепир объясняет процесс усложнения следующим образом: «Со временем изолированные стереотипы поведения, имеющие характер обычаев, обнаруживают тенденцию объединяться в более крупные образования, наделенные формальной связанностью и обычно осознаваемые как определенные функциональные единства... Вся история культуры есть не что иное, как неустанное стремление связать первоначально независимые типы поведения в более крупные системы и найти какое-нибудь обоснование вторичных культурных комплексов путем бессознательного процесса их рационализации» [1. С. 576].

Как «постоянно установленные обычаи — этикетки порядка осмотра мира» осмысливает жанры В.Б. Шкловский, понимая под этикетом особый культурный комплекс, принятую в социуме в его различных кругах систему поведения, в частности систему обычаев и правил представления информации. Для В.Б. Шкловского «порядок осмотра мира» — это система поиска, используемая для исследования внешнего мира: «Человеческое сознание исследует внешний мир, не восстанавливая каждый раз всю систему поиска. Внутренние связи становятся настолько привычными, что как бы отсутствуют» [2. С. 756].

Развивая идеи Шкловского применительно к медиакommunikации, Л. Шибаета замечает, что «медленно усилиями тысяч и тысяч известных и неизвестных творцов общество вырабатывает наиболее эффективные «порядки осмотра мира» и закрепляет в жанрах лучшие технологии работы с информацией и наборы интеллектуальных операций, используемые всеми договаривающимися сторонами» [3].

Идентификация жанров опирается на конвенцию, молчаливое соглашение, по которому определенный способ представления информации о ситуации воспринимается как, скажем, *комментарий*, а не как *репортаж*. По уточнению Шкловского, жанр – это «соглашение о согласовании сигналов», негласный и незаметный договор между авторами и читателями о том, «в какой системе расположены те явления, которые подвергнуты анализу» [2. С. 756]. Эта система сигналов входит в обычай, институционализируется как интерсубъектный комплекс, общий для тех, кто исследует мир согласно сложившемуся «порядку его осмотра», и тех, кому об этом будет рассказано.

Итак, жанры как реально существующие, коллективно выработанные, принятые на основе негласного соглашения участниками языкового сообщества и наилучшим образом соответствующие данной ситуации способы вербального поведения следует отнести к категориям действительного мира (первый пласт).

Второй пласт содержания жанра связан с его прагматическими факторами: в этом смысле к жанру в целом нужно подходить как к средству реализации определенного типа стратегической коммуникативной цели, которой подчиняются и в соответствии с которой организуются остальные коммуникативные переменные, такие как предмет, адресант, адресат, адресантно-адресатные отношения. Результатом их комбинации и конфигурации и является жанр. Сказанное может быть проиллюстрировано на примерах жанров, активно функционирующих в британском массово-информационном дискурсе.

Цель – непосредственный результат, на достижение которого жанр направлен, а именно: воздействовать на те или иные стороны адресата, его эмоциональную или интеллектуальную сферы, побуждать к действиям, иными словами, изменять психическое состояние, влиять на фонд знаний, заставлять совершать поступки.

Точно так же, как предметы потребления предопределяются их функцией, тексты разных жанров имеют разное коммуникативное назначение. Так, назначение комментария (*commentary*) состоит в том, чтобы оперативно разъяснять факты, события, устанавливать причинно-следственные связи с другими фактами, событиями; репортажа (*reportage*) – протокольно и в то же время эмоционально точно передавать событие, вызывая в читателе эффект присутствия; передовой статьи (*leader / editorial*) – формировать точку зрения в соответствии с тенденцией данного издания; скетча (*sketch*) – преподносить событие (например, парламентское заседание) в комическом свете, заставляя читателя улыбнуться; портретного очерка (*profile*) – дать портрет того, чье имя у всех на устах, крупным планом; тематической статьи (*feature*) – рассказать о проблеме (событии) с точки зрения общечеловеческих ценностей (*from human interest angle*), при этом фактор оперативности не имеет значения (*with little regard to the age of the story*); жанр светской хроники (*gossip column*) – развлечь читателя новыми сведениями из частной жизни знаменитостей, кумиров; рецензии (*review*) – дать мотивированную эстетическую оценку нового спектакля, новой концертной программы, новой книги и т. д.

Так, в зависимости от коммуникативного назначения выбранного жанра один и тот же фрагмент действительности, один и тот же фрагмент реального мира будет освещаться с разной полнотой охвата, с разным масштабом, под разным углом зрения. Определенная часть сложной объективной действительности ускользает от автора, оставляется им без внимания. Понять это поможет аналогия с картографией. Невозможно точно воспроизвести на плане поверхность земного шара. Необходимы упрощение, пренебрегающее бесчисленными деталями, и проекция. Проекция может осуществляться разными способами, каждый из них позволяет выделить нечто такое, что другие вынуждены пропустить. Так, например, существует цилиндрическая проекция Меркатора, придающая поверхности земного шара форму прямоугольника. Она полезна для мореплавателей, так как в точности воспроизводит форму береговой линии, но относительные размеры континентов оказываются в ней искаженными... Но существует отношение между проекцией и действительностью, которую географ хотел описать, и тот, кто знает, каково это отношение, понимает то, что географ

сообщает ему этим изображением. Ценность заключается в том, насколько соответствует сообщение географа объективной реальности, не всей (не видно ни засеянных полей, ни тропических деревьев, ни великого множества других вещей), но той ее части, которую географ хотел изобразить [4. Р. 23–24]). Другими словами, в способе проекции перспективизируются отдельные элементы ситуации. В дальнейшем мы будем называть «способ проекции» действительности «предметом» (референтной ситуацией) жанра, являющегося своего рода «фигурой», а фрагмент объективной действительности, соответственно, «фоном».

В комментарии само событие не излагается, на него лишь ссылаются, его разъясняют, оценивают, анализируют. В репортаже, напротив, событие излагается документально достоверно в соединении с эмоциональной зарисовкой, передающей звуки, краски, общую атмосферу события. В передовой статье единичный факт, событие обобщается до уровня проблемы, поднимается на теоретическую высоту. В скетче событие намеренно гиперболизируется, преподносится в гротесковом виде. В портретном очерке, как в карандашном портрете, в герое подчеркивается, выделяется лишь главное, примечательное, индивидуальное, особенное, что отличает героя от других. Предмет тематической статьи – проблемы общечеловеческого характера, так называемые болевые точки в повседневной, обычной жизни людей. В центре внимания светской хроники – частные подробности, нередко сенсационного характера, связанные с жизнью знаменитостей. В фокусе внимания газетной рецензии – критическая оценка нового произведения искусства и литературы, оперативным поводом для появления которой служит премьера, вернисаж, гастроли, выход из печати и т. п.

Далее коммуникативное назначение жанра предписывает его субъекту, *адресанту*, определенные действия, в связи с чем языковая личность, *homo loquens*, принимает на себе определенную роль, «расслаивается», по выражению Ю.С. Степанова [5. С. 325], проявляет различную степень свободы языкового выражения. Тексты разных жанров могут быть написаны одним лицом, однако прагматический статус их субъекта при создании не может быть идентичным. Так, в комментарии субъект – аналитик, в репортаже –

очевидец события, в скетче – шаржист, в передовой статье – гражданин, в тематической статье – собеседник.

Жанр предполагает также ориентацию на определенный тип потенциального *адресата*, принимает во внимание его знания и предположения, наделяет его некоторыми характеристиками, прогнозирует степень его готовности и восприятию текста определенного жанра. Комментарий адресуется информированному, прагматически настроенному читателю, заинтересованному в получении, помимо собственно фактов (*hard news*), подробностей аналитического характера. Репортаж адресован «усредненному», недифференцированному читателю-игноранту, испытывающему потребность в получении новой яркой информации. Соответственно, передовая статья адресуется читателю-«гражданину», скетч – читателю-«интеллектуалу», светская хроника – читателю-«обывателю», рецензия – читателю-«эстету».

Цели жанра подчиняются и *адресантно-адресатные отношения*, занимающие в зависимости от жанра разные позиции в шкале «дистантность – контактность» и создающие определенную тональность жанра. Контактность связана с изначальным стремлением к кооперации. Для субъекта репортажа важно приблизиться к читателю, вызвать в нем эффект присутствия, что находит выражение в использовании интимизированных средств изложения, за счет которых сокращается дистанция между субъектом и адресатом. В комментарии специфика коммуникативной задачи обуславливает большую дистантность, что проявляется в эмоциональной сдержанности, последовательности и полноте изложения. В передовой статье отношения можно характеризовать как «институциональные», достаточно дистанционные, в орбиту вовлекается причастность участников коммуникации к тем или иным социальным институтам. Скетч предполагает достаточно неформальный уровень общения, подразумевает наличие чувства комического с обеих сторон; тематическая статья – уровень общения в режиме личность – личность, т. е. доверительный, открытый характер коммуникации. Примерно такой же уровень отношений отличает портретный очерк. В светской хронике отношения снижаются до фамильярного уровня. В рецензии они строятся на обоюдной эстетической подготовленности участников коммуникации,

исходят из имеющегося у каждого из коммуникантов права на собственную точку зрения.

Третий пласт в содержании жанра связан с тем, что жанры имманентны сознанию говорящих, и в этом смысле они принадлежат ментальным категориям. В когнитивных терминах жанр является своего рода структурой знания, в которой прослеживаются процессы концептуализации и категоризации, ключевых понятий в теоретическом аппарате когнитивной лингвистики. Процесс концептуализации направлен на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания [6. С. 93]. Жанр как концепт, т.е. «единица, квант структурированного знания» [6. С. 90], включает в себе программу действий, помогающую ориентироваться в коммуникативном пространстве, делать выбор из множества имеющихся возможностей. Другими словами, концепт жанра управляет действиями пользователей / носителей языка. К жанру приложимы следующие свойства концепта. Во-первых, жанр концептуализируется в виде целостного устойчивого комплекса, хранящегося в долговременной памяти. Первоначально структура любого концепта имеет для человека вид гештальта, структуры, элементы которой не могут существовать вне целого или общее значение которой не может быть выведено из значения ее элементов [7. Р. 284]. Когда концепт того или иного объекта активизируется в нашем сознании в процессе мыслительной или речевой деятельности, мы не задумываемся о составных элементах его структуры. Лишь оперируя данным концептом, мы начинаем выделять его конкретные характеристики. Концепт жанра действует как целостная структура: в нем репрезентируются знания и мнения, связанные с конкретной, часто повторяющейся ситуацией, причем в этой ситуации отдельные, представляющие наибольший интерес элементы фокусируются, выделяются среди других, т.е. имеет место перспективизация события, в терминологии Ч. Филмора [8] или выделение фигуры и фона в терминологии Р. Лэнекера [9]. Более того, содержание концепта жанра подвергается определенной стандартизации на общенациональном или коллективном уровне, становится общим для говорящего сообщества или по крайней мере для его части, он усваивается в процессе социализации и аккультурации индивида.

Концепт жанра фиксирует типовые способы действий, тематику, стилистику, способ референции (реальный / нереальный, правдивый / вымышленный), правила построения дискурса в стереотипной коммуникативной ситуации; у него нет жесткой структуры, в ней наряду с общенациональным компонентом выделяется индивидуальный компонент, поскольку условия формирования концепта у каждого человека могут быть различными. Это обстоятельство объясняет многообразие языкового воплощения жанра. Концепт жанра также предполагает иерархию в организации наших знаний, т. е. схемы знаний о жанре интегрируются в схемы более высокого порядка, в схемы знаний о средствах массовой коммуникации и информации.

Жанр также связан с категоризацией коммуникативного континуума, с членением последнего на жанры. Прежде чем вступить в коммуникацию, говорящий мысленно соотносит коммуникативное событие с определенной категорией, т. е. категоризирует его. К жанру не приложимы принципы классической категории (набор обязательных и наиболее существенных признаков, которыми должны обладать все члены данной категории, равноправность всех элементов данной категории, строгая определенность границ категории, исключение промежуточных случаев), восходящие к воззрениям Платона и Аристотеля.

Когда исследователь рассматривает жанр в терминах классической категории, он наталкивается на непреодолимые противоречия, о чем свидетельствует знакомство с лингвистической литературой последних десятилетий прошлого столетия. Так, например, необходимость анализа языковых средств с опорой на жанр нередко подвергалась сомнению, поскольку жанры «не всегда бытуют в «чистом виде» [10], их «границы зыбки» [11] и вообще налицо «тенденция к размыванию жанровых границ» [12. С. 26]. Жанровое дробление научной литературы, предпринятое Е.С. Троянской [13], вызывает скептическое отношение. Так, ее оппонент А.И. Комарова, признает, что «жанры» (*кавычки А.И. Комаровой*) реферат, аннотация, рецензия, отзыв, экспертное заключение, полемическое выступление до некоторой степени отличаются друг от друга, тем не менее, в целом «представляется весьма дискуссионной дидактическая и исследовательская ценность подобного дробления, не сопровождаемого установлением того, до

какой степени сходны эти тексты и какие факторы определяют их языковое различие» [14. С 39–40].

Однако неклассическое, когнитивное понимание категории, сложившееся под влиянием идей «семейного сходства» Л. Витгенштейна [15. С. 75–319] и прототипа Э. Рош [16; 17], обладает экспланаторной валидностью применительно к жанру и снимает многие проблемы, имеющие отношение к внутрижанровой вариативности, к определению границ жанра, к его целостности и тождественности. Л. Витгенштейн, анализируя слово *Spiel* («Игра»), отмечал, что данная категория не имеет четких границ, что невозможно определить те существенные признаки, по которым игры можно было бы отделить от не-игр. По мере сравнения разных игр можно убедиться в том, что сходства между ними то появляются, то, напротив, исчезают. В результате вырисовывается система пересекающихся и перекрещивающихся сходств и подобий, общих сходств и сходств в деталях. Подобный принцип формирования категорий Л. Витгенштейн назвал «семейным сходством» по аналогии с тем, как в одной семье черты сходства: телосложение, внешние черты, цвет глаз, походка, темперамент – могут встречаться в разном сочетании у разных членов семьи и в то же время это одна семья [15. С. 75–319].

Согласно Л. Витгенштейну, человек получает знание категорий на основе образцов. В то же время, говоря об образцах, он ничего не пишет о выборе самих образцов – о центральных, наиболее ярких, прототипических представителях категории. Идея наиболее яркого образца категории, прототипа связывается с именем Э. Рош [16; 17]. Некоторые исходные положения прототипического подхода к категоризации состоят в следующем. Категории формируются вокруг прототипов, которые выступают в качестве когнитивных точек референции (опорных точек). В них воплощены наиболее характерные признаки категории, что позволяет по прототипу опознать категорию в целом. Элементы этих категорий неравнозначны: некоторые элементы являются психологически более выделенными. Это определяет внутреннюю структуру категорий, в которых обнаруживаются центральные, более типичные для данной категории элементы – прототипы / прототипические ядра – и менее типичные элементы. Прототипические элементы одних категорий максимально отличаются от прототипических элементов других.

Непрототипические (или промежуточные между категориями) элементы имеют лишь некоторое число характеристик, общих с другими элементами данной категории, и обнаруживают целый ряд признаков, свойственных и другим категориям. Это также говорит о том, что категориальные границы носят неопределенный характер. Положение о неопределенности границ категорий означает не исчезновение границ, а наличие как бы переходных зон между соседними, граничащими друг с другом категориями. Прототипический подход к идентификации жанра позволяет объяснить существование широкой амплитуды внутрижанровой вариативности и не подвергать сомнению саму идею жанрового дробления коммуникативного континуума.

Другой отличительной чертой прототипического подхода является признание двух аспектов категоризации: вертикального и горизонтального. Горизонтальный аспект категоризации предполагает, что то или иное событие должно быть отнесено к определенной категории одного и того же уровня, например к категории «комментарий», «репортаж», «редакционная статья». В то же время вертикально этот объект должен быть соотнесен с разными по степени обобщенности категориями: например, категория «комментарий» включается в более абстрактную категорию «массмедийный дискурс», которая, в свою очередь, включается в еще более абстрактную категорию «мир дискурсов / текстов социума в целом», а категория «спортивный репортаж» будет располагаться ниже категории «репортаж».

Один из уровней категоризации признается как базовый (*репортаж*), а остальные – как суперординатный (*массмедийный дискурс*) и субординатный (*спортивный репортаж*), в терминологии Э. Рош [17]. Базовый уровень выполняет ведущую роль в понимании и осуществлении процессов категоризации, так как обыденное сознание, по мнению психологов, оперирует именно базовым уровнем, не требующим специальных теоретических знаний об объектах. На этом уровне восприятие и категоризация осуществляется гештальтно, т. е. нерасчлененно. Стоит опуститься на уровень ниже или подняться на уровень выше, вещи становятся значительно сложнее.

Представление жанра в терминах концептуализации и категоризации отражает его когнитивное содержание. В терминах

концептуализации жанр – это концепт, целостный, устойчивый, хранящийся в долговременной памяти, репрезентирующий знания, опыт о конкретной часто повторяющейся ситуации, отдельные, представляющие особый интерес элементы фокусируются, выделяются среди других. В терминах категоризации жанр – это прототип, образец, наиболее яркий представитель категории, в котором воплощены наиболее характерные признаки категории и по которому можно опознать категорию в целом. Кроме того, с иерархической точки зрения, т.е. вертикально, категория жанра соотносится с базовым уровнем, связанным с обыденным сознанием, не требующим, в отличие от остальных уровней – низшего или высшего порядка – специальных теоретических знаний о предмете.

И, наконец, последний, четвертый по порядку, но не по важности пласт включает собственно языковые категории: жанр объективируется и материализуется в языковой форме. Однако если исходить из языковой формы как из самодовлеющей величины, то неизбежно возникают трудности в выявлении непротиворечивых языковых закономерностей жанра, поскольку обнаруживается, что тексты одного и того же жанра отличает «различный формат языковой презентации» [18. Р. 402], «большая амплитуда лингвистической вариативности» [19. Р. 178]. Вариативность формы – следствие их «естественной» природы: они вызываются к жизни разнообразными непрерывно возникающими культурными потребностями человеческого сообщества, они, как справедливо отмечено, «завязаны на внешних факторах» [20. С. 179–180]. Следовательно, необходимо признать, что в жанре собственно языковой критерий хотя и важен, но все же занимает подчиненное положение: жанр фильтрует языковой материал, подчиняет его своим стратегическим задачам.

Адекватное толкование природы жанра предполагает выход за пределы языковой данности, вовлечение в экспликацию его сущности других данностей, обуславливающих многомерность, многоплановость, объемность жанра. В этом смысле жанры можно определить как группы речевых произведений, классы текстов, вербальное оформление которых, выражающееся в специфическом выборе и комбинации языковых ресурсов, управляется невербальными факторами, такими как: 1) конвенциональные формы поведения, формы социального взаимодействия людей, принятые в

повторяющихся, дифференцированных по сферам человеческой деятельности ситуациях; 2) определенного типа стратегические коммуникативные цели, для достижения которых предназначены жанры и которым подчиняются все слагаемые скрытой в них прагматической ситуации; 3) концепты и прототипы жанров, присутствующие в сознании, в когнитивной базе коммуникантов и влияющие на процесс дискурсивации. Более того, сам процесс дискурсивации, процесс создания речевого произведения изначально имеет принципиально жанровый характер.

Итак, холистический подход к моделированию жанра синтезирует четыре информативных пласта, формирующих жанр: 1) вербально-семантический; 2) конвенционально-культурологический; 3) коммуникативно-прагматический; 4) концептуально-прототипический. Три последних латентны, они образуют подводную часть жанрового айсберга, являются факторами, приводящими языковую структуру в действие, управляют языком, накладывают лингвистические ограничения, соотносимые с ситуативными ограничениями, шире – организуют эффективную коммуникацию в ее разнообразных и многообразных формах.

Библиографический список

1. Сепир Э. Язык, раса и культура // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 2001. 656 с.
2. Шкловский В.Б. Тетива: о несходстве сходного // Собр. соч. в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1974. 791 с.
3. Шibaева Л. Жанры в теории и практике журналистики // Журналистика. 2000. № 17 (47). 8 сентября // Электронный ресурс интернет: http://www.relga.rsu.ru/n47/jur47_1.htm.
4. Гальбиатти Э., Пьяцца А. Литературный жанр как отношение между формой повествования и реальностью изображения // Трудные страницы Библии. Милан – М., 1992. 304 с.
5. Степанов Ю.С. В поисках прагматики. Проблема субъекта // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 325–326.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.
7. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: The University of Chicago Press, 1990. 614 p.

8. Fillmore Ch.J. Atkins B.T. Towards a Frame-Based Lexicon: The Semantics of RISK and Its Neighbours // N.J. Hillsdale. Frames, Fields and Contrasts. N.Y.: Lawrence Erlbaum Association, 1992. P. 75–102.
9. Longacre R.E. Two Hypothesis Regarding Text Generation and Analysis // Discourse Processes. Norwood, 1989. Vol. 12. № 4. P. 413–460.
10. Общественно-публицистический стиль речи: Газетный подстиль / Под ред. А.В. Швеца. Киев: Вища шк., 1984. 143 с.
11. Разинкина Н.М. Функциональная стилистика английского языка. М.: Высшая школа, 2004. 271 с.
12. Зильберт Б.А. Проблемы классификации текстов массовой информации // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1986. Т. 45. № 1. С. 70–80.
13. Троянская Е.С. Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М., 1986. С.16–28.
14. Комарова А.И. Теория и практика изучения языка для специальных целей: Дис. ... д-ра филол. наук. М.: 1995. 289 с.
15. Витгенштейн Л. Философские исследования / Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. С. 75–319.
16. Rosch E. Natural Categories // Cognitive Psychology. 1973. Vol. 4. P. 326–350.
17. Rosch E. Principles of Categorization // E. Rosch, B.L. Hoyd (Eds.) Cognition and Categorization. N.Y.: Lawrence Erlbaum Association, 1978. P. 27–48.
18. Paltridge B. Working with Genre: A Pragmatic Perspective // Journal of Pragmatics. 1995. Vol. 24. P. 393–405.
19. Biber D. Variation Across Speech and Writing. Cambridge: University Press, 1988. 299 p.
20. Бабенко Н.С. Прагматизация исторических описаний языка как проблема диахронной лингвистики // II Международная научная конференция «Язык и культура». Москва, 17–21 сентября 2003 г. Тезисы докладов. М., 2003. С.179–180.

Сведения об авторе

Тырыгина Валентина Алексеевна
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры английской филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: paraval@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.133.1 "17/18"

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА «ПРОГУЛОК ПО РИМУ» СТЕНДАЛЯ

М.Е. Ерышева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается жанровое своеобразие «Прогулок по Риму», одного из ключевых произведений Стендаля, которое вобрало в себя эстетические, политические и философские взгляды писателя, актуальные в поздний период его творчества.

Ключевые слова: психологическое направление в литературе, путевые заметки, лейтмотив, автобиографизм, Стендаль.

Genre Identification of "Walks in Rome" by Stendhal

Maria Erysheva

The paper focuses on genre identification of Stendhal's "Walks in Rome", one of the brilliant works of his mature years and a reflection of the writer's esthetic, political, and philosophic views.

Key words: psychological literary school, itinerary, leitmotif, autobiographic writing, Stendhal.

Путешествие как особый вид человеческой деятельности на протяжении всего существования мировой литературы являлось источником вдохновения различных по жанровым, стилевым и содержательным особенностям художественных произведений. Однако несмотря на противоречивый характер путешествия как литературной формы, следует отметить некоторые совокупные его черты, проистекающие из ситуации столкновения сознания автора-повествователя с непривычным ему окружением.

Во-первых, процесс поиска пути может быть рассмотрен как метафора познания с определенной ценностной позиции. Во-вторых, путешествие выступает в качестве микромоделей человеческой жизни, с характерной для нее сменой обстановки, лиц, ситуативной обусловленности и т. д. Одним из наиболее ярких примеров данного

сопоставления может служить цикл очерков Г. Гейне «Путевые картины» (“Reisebilder”, 1826–1831 гг.), в котором на первый план выходит философско-критическое осмысление современной поэту действительности. И наконец, в попытке вместить все противоречивые стороны жизни, литературное путешествие получает необыкновенную свободу, чему послужил «сознательный отказ автора от традиционного сюжета ради отражения действительности в адекватных жизненных формах» [1. С. 4].

Именно благодаря данным особенностям уже на ранних этапах своего осмысления (Античность, Средние века) тема путешествия охватывает необыкновенно широкий спектр жанров: от эпopeи до авантюрного и дидактического романа. Более того, уже в произведениях античных авторов («Одиссея»; «Сатирикон» Петрония; «Правдивая история» Лукиана) путешествие является основой сюжета, бытописующего не только реальную действительность, но и воображаемый топос. Данная тенденция сохраняется и в средневековой литературе, взрастившей жанр фантастического путешествия. Генетически восходя к катабасису (от древнегреч. *κατάβασις* – «сошествие во ад») – неотъемлемому элементу древних мистерий, – произведения подобного толка имеют еще более разнообразную жанровую природу. Так, происходит синтез фантастического путешествия и любовного романа (см. «Невероятные приключения по ту сторону Туле» Антония Диогена), псевдоисторического романа («История Александра Великого» нач. IV–V вв. н. э.). Сюжет некоторых средневековых «путешествий» строится на мифологической основе (см. «Плавание святого Брендана» – “*Navigatio Sancti Brendani*”, X в.), нередко им присущ восточный колорит (Путешествие сэра Джона Мандевиля – “*Itineraria*”, XIV в.).

Характерной особенностью Нового времени является обращение к античной традиции и появление многочисленных утопий – от приобретших бессмертную славу «Утопии» Томаса Мора (“*Utopia*”, 1516 г.) и «Города солнца» Томмазо Кампанеллы (“*La città del Sole*”, 1623 г.) до менее известных широкому читательскому кругу «Южной земли» Габриэля де Фуаньи («*La Terre Australe Connue* », 1676 г.) и «Истории Калежавы, или Острова разумных людей» Клода Жильбера («*Histoire de Calijava, ou de L’île des Hommes Raisonables* », 1700 г.). Выбор данной формы неслучаен: именно

жанр фантастического путешествия с присущей ему свободой позволяет совместить утопическое описание с философским трактатом.

Во второй половине XVIII века тема путешествия получает жанровое переосмысление – прежде всего, в романах Лоренса Стерна (“*A Sentimental Journey Through France und Italy*”, 1768 г., “*The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman*”, 1759–1767 гг.). Связано это прежде всего с тем, что в новой повествовательной системе сентиментализма личность автора выдвигается на первый план [2. С. 107], а также происходит «перенос внимания с внешней среды на переживания героя» [3. С. 376]. Свидетельством этому может послужить появление в сентиментальном романе автора-повествователя, автора-рассказчика. Непосредственная апелляция к ценностной парадигме читателя порождает публицистический характер повествования (см. «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева).

Первая треть XIX века ознаменована большим вниманием к личности автора (см. «лирическое путешествие» Байрона – “*Childe Harold’s Pilgrimage*”, 1809–1811 гг.). Особую роль в корпусе подобных «путешествий» играют культурные паломничества – т. е. посещение стран, местностей, обладающих богатой исторической памятью. Среди них центральное место занимает Рим – «вечный город», на протяжении всего времени своего существования привлекавший внимание политических деятелей, историков, ремесленников, музыкантов и художников.

Тема паломничества в Рим закрепляется во французской литературе с появлением поэмы «Древности Рима» («*Antiquités de Rome* », 1558 г.) Жоашена дю Белле (1522–1560), одного из деятелей «Плеяды» и близкого друга Ронсара. Образ итальянской столицы предельно идеализирован и оттенен одическим пафосом: «*J’invoque ici votre antique fureur, / En cependant que d’une sainte horreur / Je vais chantant votre gloire plus belle* » [4. Р. 2] («Я вызываю ваш античный гнев / И ужас от такого святотатства... / Внемлите ж! Песню славы вам пою» (перевод наш. – М.Е.).

Данное восприятие сменяется в начале XIX века критической оценкой, проистекающей из сопоставления былого величия Рима и современного его положения. Так, посетив столицу Италии в 1819

году, поэт русского романтизма Константин Батюшков в письме к А. Оленину с грустью замечает: «Хвалить древность, восхищаться С<вятым> Петром, ругать и злословить итальянцев так легко, что даже и совестно» [5]. Между тем путешествие в Италию продолжает считаться обязательным в списке паломничеств аристократа, выезжающего за границу (« Ce n'est pas un grand mérite, assurément, que d'avoir été six fois à Rome » [6. Р. 5] – «Конечно, побывать в Риме шесть раз – не большая заслуга» [7]).

Традицию «итальянского путешествия» продолжает и Фредерик Стендаль, создавший один из наиболее знаменитых путеводителей по Риму – «Прогулки по Риму» (« Les Promenades dans Rome », 1829 г.). Интерес к итальянской культуре характерен для французского писателя с первого посещения Италии, куда после падения Наполеона Стендаль отправляется на семь лет. В “Paese d'o sole” (итал. «Страна солнца») его восхищает все: от национального характера итальянцев до оперы-буффа Чимарозы и полотен Корреджо. Так, в «жизни Россини» (« Vie de Rossini ») Стендаль воспекает музыкальную культуру « la fertile Italie, patrie du *dolce far niente* (курсив наш. – М.Е.), et de l'amour, est aussi la patrie des beaux-arts » [8. Р. 57] – «плодородной Италии, родины “сладостного безделья” и изящных искусств» (перевод наш. – М.Е.). Однако данная идеализация характерна лишь для раннего творчества писателя, в то время как «Прогулки по Риму» содержат иной образ «столицы мира».

Стендаль посетил Рим множество раз, впервые в 1802 году. Его впечатления от облика города на протяжении 1802–1828 гг. существенно разнятся: « Il revit Rome en 1811 ; il n'y avait plus de prêtres dans les rues, et le Code civil y régnait ; ce n'était plus Rome. En 1816, 1817 et 1823, l'aimable cardinal Consalvi cherchait à plaire à tout le monde, et même aux étrangers. Tout était changé en 1828. Le Romain qui s'arrêtait pour boire à une taverne, était obligé de boire debout, sous peine de recevoir des coups de bâtons sur un *Cavalletto* » (курсив наш. – М.Е.) [6. Р. 5] – «Он вновь посетил Рим в 1811 году: на улицах уже не видно было священников, и всюду действовал Гражданский кодекс. Это уже был не Рим. В 1816, 1817 и 1823 годах славный кардинал Консальви старался понравиться всем, даже иностранцам. В 1828 году все переменилось. Римлянин, заглянув в трактир, должен был пить стоя, чтобы не подвергнуться наказанию палками на *cavalletto*» [7].

16 августа 1827 года Стендаль приезжает в Рим перед заходом солнца и тут же устремляется в Колизей. Внизу на огромной арене путник видит трудящихся заключенных папской тюрьмы; скрежет их оков сливается с пением птиц [6. Р. 11].

Наличие подобных контрастов в «Прогулках по Риму» неоднократно подчеркивается исследователями творчества Стендаля (см., напр., классическую монографию кембриджского профессора французского языка Ф.Ч. Грина “Stendhal” 1939 г. [9. Р. 208]).

Помимо этого, повествование «Прогулок» характеризуется нелинейностью и фрагментарностью. Так, например, после описания победного маскарадного шествия австрийской партии в 1745 году Стендаль рассуждает о необходимости перенесения городского кладбища за границы города и о печальной санитарной обстановке в Риме. За этим следует обширный исторический фрагмент, вызванный при посещении древних церквей «внезапно пробудившимся» интересом к эпохе (см. запись от 21 ноября).

Стилевая свобода, позволяющая совмещать вышеупомянутые противоречия, берет свое начало в жанровой природе «Прогулок по Риму». Прогулка по городу с богатой исторической памятью диктует спонтанный характер фиксируемых впечатлений, подчас не имеющих видимой связи: « Il fait éclater le journal de voyage en prenant la liberté de parler de ce qu’il veut, et quand il le veut » [10. Р. 4] – «Стендаль выходит за рамки путевых заметок, воспользовавшись свободой говорить что он хочет и когда захочет» (перевод наш. – М.Е.). Более того, в обращении к читателю автор утверждает за собой право данной свободы, таким образом субъективизируя общую тональность повествования: « Toutes les anecdotes contenues dans ces volumes sont vraies, ou du moins l’auteur les croit telles » [6. Р. 6] – «Все анекдоты, рассказанные в этих томах, достоверны; во всяком случае, автор считает их таковыми» [7]. В данном контексте «Прогулки по Риму» отражают тезис Шлегеля о прогрессивности романтической поэзии, способной наиболее полно отражать современную действительность.

Уникальность формы, избранной Стендалем, отсылает читателя не только к жанру путевых заметок, характерных для рубежа XVIII–XIX вв., но и через название – « les promenades » – актуализирует наиболее частотный жанр описательной поэзии (см. поэму Джеймса Томсона «Времена года» – “The Seasons”, 1726 – 1730 гг.; «прогулки» Вордсворта 1793 г.: “An Evening Walk”, “Descriptive Sketches”).

Благодаря этому утверждается поэтизация непосредственных впечатлений от посещения Рима, их фрагментарный характер получает художественное переосмысление.

Следует отметить, что жанровая доминанта «Прогулок по Риму» – путевые заметки – зачастую отходит на второй план, уступая место удачной стилизации под комментарии чичероне: « *Au moment de l'entrée dans Rome, montez en calèche ; et... faites-vous conduire au Colysée ou à Saint-Pierre. Vous n'y arriveriez jamais si vous partiez à pied, à cause des choses curieuses rencontrées sur la route. <...> En cinq ou six matinées votre cocher vous fera faire les douze courses que je vais indiquer* » [6. P. 14] – «Как только вы приехали в Рим, садитесь в коляску и ... прикажите везти себя в Колизей или к собору св. Петра. Если вы отправитесь туда пешком, вы никогда не доберетесь до цели из-за любопытных вещей, которые встретите на пути. <...> За пять или шесть дней ваш кучер доставит вас в двенадцать мест, которые я вам сейчас укажу» [7]. Аналогичный эпизод можно найти и во вступительной главе «Красного и черного» (« *Le Rouge et le Noir* », 1830 г.), однако в романном повествовании данная жанровая игра носит сатирический оттенок: « *À peine entre-t-on dans la ville que l'on est étourdi par le fracas d'une machine bruyante et terrible en apparence... <...> Pour peu que le voyageur s'arrête quelques instants cette grande rue de Verrières, ... il y a cent à parier contre un qu'il verra paraître un grand homme à l'air affairé et important* » [11. P. 22] – «Как только вы войдете в город, ваш слух будет поражен буханьем грохочущей и пугающей всем своим видом машины... <...> В случае же если путешественник хоть на несколько минут остановится на главной улице... то он может быть почти уверен, что ему встретится высокий мужчина с озабоченным и важным видом» [12. С. 24].

Именно данное жанровое обрамление рассуждений об истории и современности итальянской столицы позволяет отнести «Прогулки по Риму» к наиболее ранней литературной форме бытования путеводителя, что подтверждается многочисленными аннотациями и критическими комментариями к рукописи Стендаля: « *Chi non passeggia volentieri con un uomo di spirit ? E monsieur De Stendahl [sic.] ha spirito veramente* » [13]; « *Aller à Rome avec Stendhal en 1829, c'est rencontrer trois villes superposées* » [10. P. 3]; « *Ce guide touristique...* » [6. P. 5] – «Кто не захочет совершить прогулку с остроумным человеком, каковым в действительности и является м-сье Стендаль?»;

«Путешествуя со Стендалем в Рим 1829-го года, вы побываете в трех городах одновременно»; «Этот туристический гид...» (перевод наш. – М.Е.).

Примечательна также и оценка «Прогулок по Риму» одного из крупнейших исследователей сравнительного литературоведения и творчества Стендаля в XX веке, имеющего франко-итальянское происхождение, Виктора Дель Литто (1911–2004). В послетекстовом комментарии к изданию 1991 года профессор Гренобльского университета подчеркивает значимость произведения в послетекстовом пространстве, а также его особую жанровую природу: «Stendhal, lui aussi, a sacrifié à la tradition, mais il l'a faite à sa manière : les *Promenades dans Rome* occupent une place privilégiée dans la masse compacte de guides et d'itinéraires, de récits et de relations, d'impressions en prose et en vers, de descriptions et de dissertations » [14. Р. 436] – «В свою очередь, Стендаль совершил вклад в литературную традицию, но на свой манер: “Прогулки по Риму” занимают особое место среди справочников и путевых заметок, рассказов и описаний, повествований в прозе и стихах, художественных и научных текстов» (перевод наш. – М.Е.).

Таким образом, уникальность «Прогулок по Риму» определяется свободой выбранной формы, традицией «итальянского путешествия» в европейской литературе, а также слиянием различных жанров – от путевых заметок до философского трактата. Как произведение более позднего периода (1829 г.), «путеводитель по Риму» Стендаля вбирает весь спектр его восприятия итальянской культуры, а также эстетических воззрений. Рассмотрение подобных периферических текстов является необходимым, так как именно с их помощью осуществляется наиболее полное прочтение романного наследия французского классика со свойственной ему противоречивостью.

Библиографический список

1. Мустафина Е.А. Образ Европы в литературном сознании России и США в XIX веке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: РГГУ, 2007. 36 с.
2. Кучеров А.Я. Сентиментальная повесть и литература путешествий [начала XIX века] // История русской литературы: в 10 т. Т. 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. 626 с.

3. Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 9. М.: ОГИЗ РСФСР, 1935. 832 с.
4. Du Bellay J. Paris : impr. de F. Morel, 1558 // Электронный ресурс Интернет: <http://gallica.bnf.fr>.
5. Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Риме // Электронный ресурс Интернет: <http://www.rumvi.com>.
6. Stendhal F. Promenades dans Rome. Т. 1. Paris : Ligan, 2005. 226 p.
7. Стендаль Ф. Прогулки по Риму // Электронный ресурс Интернет: <http://emsu.ru>.
8. Stendhal F. Vie de Rossini. Т. I. Paris : Éditions Honoré Champion, 1923. 380 p.
9. Green F.Ch. Stendhal. Cambridge: University Press, 1939. 326 p.
10. Stendhal F. Promenades dans Rome. Paris : Gallimard, 1997. 912 p.
11. Stendhal F. Le Rouge et le Noir. Paris : Pocket, 2010. 614 p.
12. Стендаль Ф. Красное и черное. М.: Эксмо, 2011. 624 с.
13. Bottacin A. La « cité de flore » // Bottacin Annalisa. Stendhal e Firenze // Электронный ресурс Интернет: <http://stendhal.armance.com>.
14. Stendhal F. Promenades dans Rome. Grenoble : Editions Jérôme Millon, 1993. 473 p.

Сведения об авторе

Ерышева Мария Евгеньевна
аспирант, ассистент кафедры русской филологии,
зарубежной литературы
и межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: kiwi77mail@mail.ru

УДК 821.111(73)''20''

ФУНКЦИИ ИМЕНИ В РОМАНЕ ДЖУМПЫ ЛАХИРИ «ТЁЗКА»

С.О. Натарева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье анализируется имя Гоголя Гангули, главного героя романа «Тёзка» Джумпы Лахири, которое становится конфликтным узлом романа, связывающим проблемы самоидентификации героя, динамику его отношения к индийской культуре и родителям как её воплощению, а также к принимающей американской культуре. Кроме того, имя протагониста становится важным элементом в развитии семейной истории, инструментом связи человека и художественного пространства. В целом, имена героев в романе наделены культурным «шлейфом», значением, яркой мотивированностью, что утверждает проходящую лейтмотивом идею о влиянии имени на судьбу человека.

Ключевые слова: имя, самоидентификация, бенгальская парадигма, мультикультурализм, Джумпа Лахири, Николай Васильевич Гоголь.

Functioning of a Name in “The Namesake”, a Novel by Jhumpa Lahiri Sofya Natarova

The major conflicts of “The Namesake” by Jhumpa Lahiri revolve around the protagonist’s name, Gogol Ganguli, which also appears to be a significant element of the family storyline development as well as a means of connection between the person and the textual space. The conflicts in the novel are associated with the main character’s identification and his changing attitude towards the Indian culture and his own parents, who are seen as its objectification. The characters’ names have a cultural background, a meaning, and a clear origin, which brings forth the leitmotif of a person’s fate as influenced by her name.

Key words: name, self-identification, Bengali paradigm, multiculturalism, Jhumpa Lahiri, Nikolai Gogol.

Имя Джумпы Лахири (*Jhumpa Lahiri*) только входит в большую литературу. Её первый сборник рассказов «Толкователь болезней» (“Interpreter of Maladies”, 1999) принёс автору премию О. Генри в 1999 году и Пулитцеровскую премию в 2000. Джумпа Лахири – настоящее имя Ниланьяна Судесна (*Nilanjana Sudeshna*) – родилась в 1967 году в Лондоне, в бенгальской семье, эмигрировавшей из Калькутты. Переживания раннего детства, проведенного в США, как и непростой опыт мигранта второго поколения в целом, отражаются в прозе автора, которая создаётся, по выражению Хоми Бабы, «внутри и между двух миров». Сейчас Джумпа Лахири живет в Риме и пишет, по ее собственным словам [1], только по-итальянски. В настоящий момент ее романы и сборники рассказов (прим. 1) переводятся на

многие языки мира и пользуются успехом у международной читательской аудитории.

Роман «Тёзка» (2003), экранизированный тремя годами позже, рассказывает историю семьи Гангули: Гоголя, его сестры и родителей, Ашимы и Ашока, мигрировавших из Калькутты в США. Главный конфликт романа характерен для постколониальной литературы, отражающей феномены мультикультурализма и гибридности культур в целом: герои по-разному ищут новую идентичность в новой среде. Важно отметить, что эта тема появляется в творчестве автора не впервые: сборник «Толкователь болезней» также посвящен внутренним и внешним конфликтам личности, находящейся под сильным влиянием разных культурных традиций [2].

Так, в романе «Тёзка» Ашима и Ашок Гангули настойчиво пытаются сохранить свою инаковость, воссоздать Индию, культивируя замкнутость; дети же стремятся слиться с новой, чуждой родителям средой. Роман охватывает первые 32 года жизни Гоголя (с 1968 по 2000, указание на год есть в подзаголовках шести из двенадцати глав романа), однако линейность сюжета первой главы прерывается разновременными отсылками к прошлому. День рождения Гоголя и его жизнь составляют «настоящее» романа, семейная история – его «прошлое». Так читатель узнает о трех поколениях семей Ашимы и Ашока, их укладе, уровне достатка, образовании. Становится также известно, что семья Ашока и Ашимы была создана в соответствии с бенгальской традицией – свадьба была организована родителями. Сразу после замужества Ашима уехала вслед за супругом в США, где им предстояло выстроить жизнь по новым законам, родить двух детей, которым так же непросто найти своё «я» в сложном диалоге культур.

Имена Ашок и Ашима – распространенные. Судьбы этих двух героев представляются типичными для мигрантов, «их история – вариация на тему архетипического мотива: люди в поисках лучшей доли» [3]. Муж строит карьеру, его жена занимается бытом и детьми; поначалу они снимают жилье, затем покупают свой собственный дом (типичный для страны, в которой живут); первый ребенок больше связан с их родиной, чем второй; они стремятся заводить друзей из своей диаспоры; далее либо умирают на чужбине, либо остаются навсегда между двумя мирами: своей родиной и родиной их детей.

Ничто в романе не остается безымянным. Автор скрупулезно именуется персонажей, даже если их присутствие в романе ограничено несколькими строками. Названы не только люди, но и многочисленные индийские яства, специи, продукты, детали одежды, аксессуары, города, районы, провинции. Педантично перечисляются даже названия элементов архитектуры, которые Гоголь изучает к экзамену. Многие из этих названий не всегда понятны целевой аудитории, англоязычному читателю, эти предметы остаются невизуализируемыми, однако их номинация делает ощутимым их присутствие в романе, заполняет его пространство. В целом английский язык Джумпы Лахири является нормативным, индийские реалии и экзотизмы встречаются в нем ровно в той степени, в которой они понятны западному читателю [3].

Из текста романа читатель узнает, что бенгальская парадигма предполагает наличие «домашнего» и «хорошего» имен – англ. *pet name, good name* (здесь и далее перевод наш. – С.Н.), которые должны принадлежать разным сферам жизни, отделяя «чужих» от «своих». Однако традиция не работает вполне ни для автора [4], ни для главного героя романа, Гоголя Гангули. В обоих случаях волей школьного учителя «домашнее» имя начинает играть роль официального – в романе ярко прослеживаются автобиографические мотивы. К примеру, главной героиней романа, Гоголь Гангули, так же как и автор, является мигрантом во втором поколении, переживает кризисы самоидентификации, о которых автор говорила в интервью [1; 3]. Родители – также бенгальцы, также из Калькутты, атмосферу которой родители упорно пытались сохранить и куда семья Лахири, как и семья Гангули, ездили каждый год. Опыт родителей Джумпы – ожидание ребенка в чужой стране, работа библиотекарем, жизнь в студенческом городке – переносится на родителей Гоголя. Немаловажно, что Джумпа есть «домашнее» имя писательницы, которое она использует в качестве официального, в том числе при публикации романа. Двойственное отношение автора к собственному имени транслируется также на отношение Гоголя Гангули к его имени и уходит корнями в глобальный конфликт родной и принимающей культур. Таким образом, роман становится полем самоидентификации героев и одновременно инструментом самоидентификации автора.

Роман имеет посвящение сыновьям автора: «Альберто и Октавио, которых я называю другими именами». «Двухименная» реальность, таким образом, выходит за пределы книги и является нормой для автора.

Обратимся к эпиграфу романа, который отсылает нас к «Шинели» Н.В. Гоголя. Фраза, вынесенная в эпиграф, появляется на первой странице повести «Шинель»: «Мы привели потому это, чтобы читатель мог сам видеть, что это случилось совершенно по необходимости и другого имени дать было никак невозможно» (прим. 2) [5]. Собравшиеся выбирают имя новорожденному согласно русской традиции, «по календарю», то есть в честь святого, память которого совершалась в тот день. Однако, как и в случае с протагонистом «Тёзки», назвать ребенка предполагаемым традицией способом не удалось: имя Акакию Акакиевичу дает мать, Гоголю Гангули – отец.

Выбор имени для сына – одно из первых препятствий, которые родители встречают в своем стремлении перенести индийские традиции в Америку. В ходе повествования читатель узнает, что бенгалец получает официальное, «хорошее» имя от самого старого человека в роду. В случае семьи Гангули эту обязанность несла бабушка Ашимы, отправившая из Калькутты в США письмо с именем для внука, «первого сагиба», однако послание не дошло до адресата. Разрыв с традицией, удаленность от Индии, таким образом, проявляется на материальном уровне. Расстояние, разделяющее Индию и Америку, ощущается как пропасть, которую почта не может преодолеть. Герои сильнее чувствуют разрыв между новым миром и миром дома, когда формальности американской жизни заставляют их дать имя ребенку в течение первых дней после рождения, в то время как бегнальская традиция позволяет выбирать «официальное» имя годами: Ашима вспоминает своего родственника, имевшего только домашнее имя до шестилетнего возраста. Итак, новорождённый оказывается меж двух миров – имя ему дается вразрез с бенгальской традицией, происходит смещение традиционной парадигмы «домашнее» / «официальное» имя. С другой стороны, имя «Гоголь» никак не сближает его с американской традицией – оно в принципе лишено этой функции, так как не является именем в общепринятом смысле слова.

Автор подчеркивает, что родители Гоголя принимают двухименность как данность, неотъемлемую часть их мироощущения.

Из текста романа мы узнаем о домашних именах Ашимы (Мону) и Ашока (Миту), узнаем и о значении официальных имен: Ашима означает «беспредельная, не знающая границ», Ашок — имя повелителя, того, «кто поднимается над горем и бедствиями». Для сестры Гоголя Сони двухименная реальность комфортно сливается в единоименную, совпадая с американской: «Хотя в свидетельстве о рождении сестры официально записано имя Сонали, дома ее стали звать Сону, затем Сона, и, в конце концов, Соня. Соня — имя гражданина мира. В нем есть что-то русское, связывающее ее с братом, что-то европейское, южноамериканское. Однажды это имя будет носить и супруга премьер-министра Индии, итальянка по национальности» [6. Р. 62]. Читатель догадывается, что самоидентификация Сони станет менее проблемной. Так конфликт Гоголя обретает еще большую драматичность: контраст разности его мироощущения и мироощущения членов его семьи усиливается, потому что сестра, будучи в том же формальном положении, что и он сам, не вступает в конфликт с окружающей реальностью. Именно сестра дает Гоголю еще одно «домашнее» имя, «Гогглз» (*Goggles*), имя звукоподражательное, созвучное *goggles* (англ. «очки для плавания»). Это каламбурное сближение паронимичных слов отражает смену парадигмы и иллюстрирует комфортность адаптации Сони к американской культуре.

В рамках романа двухименность диссонирует с внутренним ощущением героя только в случае Гоголя. Имя героя становится лейтмотивом романа, конфликтным узлом. Повествование есть путь героя к примирению со своим именем, а через имя — с культурным наследием своих предков.

В возрасте пяти лет Гоголь Гангули, которого всегда называли только одним, «домашним» именем, идет в начальную школу. Позже он будет неоднократно вспоминать этот день — именно тогда его «официальное» имя — Никхил — должно было вступить в силу. Родители выбирали имя тщательно, таким образом, чтобы оно было благозвучным и для американцев, и имело достойное для бенгальца значение («целостный, всеобъемлющий»). К тому же, Ашок с удовольствием отмечает, что это имя созвучно с именем Николай, «как у русского Гоголя» (необходимо отметить, что друзья Моушими, жены Гоголя, впоследствии отмечают эту связь). Однако пятилетнего мальчика пугает перспектива удвоения имени: «Было бы другое дело,

если бы родители также стали называть его Никхил. Но они говорят, что новое имя – для учителей и ребят в школе. Он боится быть Никхилом, кем-то, кого он не знает. И тем, кто не знает его» [6. Р. 57]. В первый учебный день мальчик не отзывается на имя Никхил, поэтому учитель записывает в регистрационную карточку имя Гоголь, которое таким образом становится не просто именем в документах, но приобретает все функции имени официального.

Как отмечает писательница, в детстве мальчик не замечает ничего необычного в своем имени, однако по мере взросления имя представляется Гоголю все более нелепым. Осознание, что «Гоголь» есть фамилия, а не имя, приводит его к мысли, что во всем мире нет другого человека с таким же именем. Этот «перевертыш» открывает читателю не просто конфликт культур, а экзистенциальное одиночество героя. Посещение старого кладбища – первый эпизод, который заставляет Гоголя задуматься, что после его смерти не останется ни одного надгробного камня с его фамилией, память о нем не будет занимать никакого физического пространства, “his body will ossify no plot on earth” [6. Р. 69]. Бенгальская традиция предписывает, что после смерти его прах будет развеян, а не станет частью истории, будучи запечатленным на надгробном камне.

Из текста романа мы видим, что Гоголь возненавидит свое имя настолько, что меняет его официально. С этого момента герой пытается «стряхнуть» с себя Гоголя как нечто чужеродное и устаревшее. Делая выбор в пользу Никхила впервые, герой ищет защиты, которую способна дать маска. Представившись заинтересовавшей его девушке Никхилом, он про себя замечает, что, технически, ему даже не приходится врать. Друзьям он говорит, что к завоеванию сердца девушки «Гоголь не имел никакого отношения». Герой осознает Никхила как новую личность: Никхил может увереннее игнорировать своих родителей, самостоятельно выбирать свои жизненные ценности. Эмоциональное отдаление от родителей сопровождается отдалением пространственным – Гоголь уезжает учиться в Йельский университет, затем снимает квартиру отдельно от родителей, впоследствии переезжая жить в дом к возлюбленной.

Добровольный отказ от имени, поиск новой идентичности в постколониальной литературе рассматривается как склонность к мимикрии (термин Х. Бабы), подражанию, ассимиляции с окружающей культурной средой (прим. 3). Смена имени становится

генеральной линией многих постколониальных романов. Роман М. Ондаатже «Английский пациент», которому посвящено исследование П.С. Ежова, иллюстрирует этот тезис дважды: в случае с главным героем, который теряет имя и становится известен как «англичанин», так же как и солдат Кирпал Сингх, который волей случая получает прозвище «Кип», отсылающее нас к также иллюстративному в этом случае роману «Ким» Р. Киплинга, в котором Кимбол О'Хара, главный герой, известен не иначе как Ким. Роман «Белый Тигр» А. Адиги рассказывает историю «антрепренёра» (предпринимателя), меняющего три имени: в семье ребенка называли Мунна, означающее «мальчик», но школьный учитель, заполнявший официальный документы, называет ребенка Балрамом (в честь помощника бога Кришны). Впоследствии сам герой принимает имя своего бывшего хозяина, Ашока. Фамилия героя значима тем, что выявляет резкое противоречие между традиционной и постколониальной Индией [9]. Во всех вышеупомянутых романах в название, которое, безусловно, занимает семантически насыщенную позицию, вынесены либо имя, либо прозвище героя.

В названии исследуемого романа также есть сема названия, которая ярко прослеживается в английском «*The Namesake*» (курсив наш. – С.Н.), «Тёзка». Автором использована форма единственного числа, однако очевидно, что можно быть тёзкой лишь при условии наличия кого-то второго, носящего такое же имя. Автор дает нам ключ к тексту: читатель ощущает присутствие в тексте еще одного персонажа, другого, иного. Отношение Гоголя Гангули к Николаю Васильевичу Гоголю становится инструментом идентификации героя с отцом, отражая чувства и их эволюцию. У героя-подростка возникает реакция неприятия – школьный урок о творчестве русского писателя породил волну отторжения, много позже сменившуюся переосмыслением роли Н.В. Гоголя в семейной истории Гангули. Имя Гоголя связано с трагедией, крушением поезда, в котором едва не погиб Ашок – зачитавшись, он не уснул в ту ночь, а после аварии с помощью книги смог подать сигнал о помощи. Немаловажен и тот факт, что смена имени и узнавание истории своего имени происходят в одной главе: имя «Гоголь» символизирует для Ашока жизнь, второе рождение. Именно смерть отца является толчком к идентификации с ним – на заключительных страницах романа мы видим попытку героя найти в творчестве писателя ту мудрость и тот импульс, которые там

нашел отец. Небезынтересно, что в этом случае образ Николая Васильевича Гоголя попадает в один культурный ореол с бенгальской культурой, – смешение, характерное для мультикультурализма.

Не только семейные, но и романтические отношения Гоголя Гангули симптоматичны: они отражают душевное состояние героя и его устремления. В отношениях с Максин, американкой, он был очарован тем стилем жизни, который вела ее семья. Большой, современный дом, европейская еда, светские беседы – все это манило молодого человека, воплощая идеал американской жизни, резко контрастируя с укладом в его семье. Нельзя не обратить внимание на значение имени Максин – от латинского *maximit* – «предельная», – девушка воплощает предел представлений Гоголя об «американскости».

Внезапная смерть отца заставляет Гоголя переосмыслить и настоящее, и прошлое, переоценить опыт родителей-мигрантов. Осознание трудностей, через которые пришлось пройти Ашоку и Ашиме, пробуждает семейные чувства и желание быть ближе к матери и сестре. Эта тенденция сохраняется и дальше: слушая историю о том, как Моушими начала новую жизнь в Париже, он понимает, что его родители однажды сделали то же самое. Герой задумывается, суждено ли ему самому когда-либо сделать что-то подобное.

Такой поворот в мировосприятии героя заставляет его прекратить отношения с Максин, так как они больше не соответствуют его устремлениям. Следующие отношения героя, тайные, с замужней коллегой по имени Бриджит, приходятся на переходный этап в жизни героя. Нам представляется, что имя и здесь является говорящим, так как созвучно английскому *brigde* – мост, что символизирует «подвешенность» героя.

Вскоре женой Гоголя становится Моушуми, дочь давних знакомых родителей героя. У Моушуми и Гоголя много общего: они выросли в семьях мигрантов, провели детство похожим образом, оба плохо, но все же говорят на бенгальском языке. Казалось бы, герои следуют традиционному шаблону: их встрече способствуют родители, а свадьба проходит в лучших традициях. Однако их брак существует относительно недолго. Несмотря на внешнюю схожесть, личности Гоголя и Моушуми складывались под влиянием совершенно разных факторов, их ожидания и устремления слишком

различны, поэтому формальное соблюдение традиций не может сохранить их брак.

Сцена с посещением друзей Моушуми, Астрид и Дональда, выбирающих имя для своего будущего ребенка, открывает читателю значение имени Моушими: «влажный юго-восточный бриз, дующий с моря». Таким образом, имя Гоголя оказывается единственным в системе имён ключевых персонажей романа, у которого нет предзаданного внутреннего значения.

Выше уже упоминалось, что родители вкладывали особый смысл в официальное имя сына. В то же время, имя *Nikhil* созвучно с латинским *nihil* – «отсутствие чего-либо», «ничто», *nothingness*. Наложение этого смысла представляется вероятным, так как герой бежит своей идентичности именно под маской Никхила: смена имени словно «стирает» героя, заставляет его самого ощущать эту пустоту.

В конце романа мы видим героя на распутье – мир, создававшийся вокруг него, рухнул, его брак распался. Накануне отъезда матери Гоголь смотрит на смену имени в ином свете. Его страшит то, что с отъездом матери в его окружении не останется никого, кто бы называл его Гоголем, – «тогда Гоголь Ганули исчезнет», и эта мысль «не приносила ему никакого утешения» [6. Р. 289]. Он размышляет о том, что имя Никхила Гангули «будет жить, будет прославлено, в отличие от Гоголя, нарочно спрятанного, законно забытого» [6. Р. 290].

Повествование в романе ведется от третьего лица. Автор неизменно называет героя Гоголем, словно обращаясь к самому искреннему и настоящему, что есть в нем, а не к маске, которую знают как Никхил. Присутствие этого имени на всем протяжении романа, эта авторская настойчивость в использовании имени, от которого герой так долго пытается отойти, отражает сложность процесса самоидентификации героя, влияние имени на судьбу героя.

Без привлечения дополнительных источников читателю понятно, что в бенгальской культуре имеет место развитая система номинации родственников. Мы также узнаем о том, что иногда бенгальская традиция предполагает, напротив, не-использование имени в силу его интимности (так, Ашима никогда не обращается к мужу по имени, а «домашнее» имя должно функционировать только в кругу родных и близких).

Автор неоднократно визуализирует слово «Гоголь», превращая его в часть материального мира: читатель видит это слово на золоченом корешке томов в библиотеке, затем оно переливается золотыми же буквами на почтовом ящике, часть из которых приходится переклеивать, потому что соседские дети их сорвали; видит, как маленький мальчик выписывает свое имя в углу рисунка. Кроме уже упоминавшейся сцены посещения кладбища, этот акцент становится особенно заметен в конце романа, при подготовке дома к продаже. Ашима знает, что следующие жильцы изменят дом полностью, но изменение планировки страшит Ашиму не так, как тот факт, что на почтовом ящике больше не будет их фамилии, что имя Сони, написанное маркером на двери, исчезнет под слоем свежей краски – и не останется никакой памяти о том, что семья Гангули жила в этих стенах. Имя получает функцию связи пространства и человека.

Важно, что одного пункта назначения у героев нет. Соня выходит замуж за Бена – наполовину китайца, наполовину еврея – и переезжает жить в другой дом. Ашима будет жить в Америке и в Индии, перелетая с континента на континент каждые полгода, – таким образом автор финализирует ее «разрыв» между Америкой и Индией. Утверждая свою экзистенциальную бездомность, она выполнит предназначение, заложенное судьбой в значении ее имени.

Таким образом, имя в романе «Тёзка» выполняет несколько функций. Первая и самая заметная, прослеживающаяся для всех ключевых героев, – предопределяющая, – имя есть инструмент фатума. В случае отдельных героев, например Бриджит и Максин, оно становится ярлыком, отражающим внутреннее состояние Гоголя Гангули. Имя также связывает героев с культурой, традицией, семьей, а для главного героя является важнейшим инструментом самоидентификации. Автор использует имя главного героя, чтобы выделить его из «общего ряда»: и индийского, и американского контекстов. Имя также связывает человека и точку в пространстве – эта связь, являющаяся хрупкой для всех ключевых героев, становится особенно важной в контексте мультикультурного романа.

Примечания

1. «Тёзка» (“The Namesake”, 2003); «Низина» (“The Lowland”, 2013), «Толкователь болезней» (“Interpreter of Maladies”, 1999), «На новой земле» (“Unaccustomed Earth”, 2008).

2. Цитируется в соответствии с оригинальным текстом «Шинели» [5].

3. Деноминация, отказ от имени, рассматривается во многих работах таких отечественных исследователей, как О.Г. Сидорова [3], С.П. Толкачёв [7], П.С. Ежов [8] и др.

Библиографический список

1. Lahiri J. Teach Yourself Italian // Электронный ресурс Интернет: <http://www.newyorker.com/magazine/2015/12/07/teach-yourself-italian>.

2. Large J., Quinn E. English 365. Northwestern University // Электронный ресурс Интернет: <http://postcolonialweb.org/india/literature/lahiri/identity.html>.

3. Сидорова О.Г. Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 262 с.

4. Minzesheimer B. For Pulitzer Winner Lahiri: A Novel Approach // Электронный ресурс Интернет: http://usatoday30.usatoday.com/life/books/news/2003-08-19-lahiri-books_x.htm.

5. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений в 14 томах. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937–1952. Т. 3. С. 137–174.

6. Lahiri J. The Namesake. London: Harper Perennial, 2004. 291 p.

7. Толкачев С.Н. Мультикультурный контекст современного английского романа: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 381 с.

8. Ежов П.С. Художественное своеобразие прозы М. Ондаатже: эволюция творчества: Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2003. 208 с.

9. Наумова О.А. Роман «Белый тигр» Аравинда Адиги: некоторые аспекты перевода мультикультурного текста // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: Сб. научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 14. Том 2. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2011. С. 230–238.

Сведения об авторе

Натарова Софья Олеговна
аспирант кафедры русской филологии,
зарубежной литературы
и межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
Email: sofya.natarova@gmail.com

УДК 821.163.41 "18/19"

«ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ» БРАНИСЛАВА НУШИЧА

Н. Станкович Шошо

Белградский государственный университет, Белград, Сербия

Творчество сербского писателя, классика литературы XIX столетия Нушича характеризуется жанровым и художественным разнообразием. В статье отмечается ценность и значимость его прозаических и драматических текстов, рассматриваются методические приемы, литературоведческие и театрологические подходы, применяемые при изучении его произведений. Ставится вопрос об особенностях работы с текстами Нушича в рамках школьной программы. Исследование отношения учащихся начальных школ, гимназий и средних профессиональных школ к творчеству Бранислава Нушича показало, что знакомство с текстами Нушича развивает читательские навыки, образное мышление и воображение учеников и способствует появлению интереса к литературе и театральному искусству.

Ключевые слова: школьные учебники, учебно-методические цели, методические приемы, учебная интерпретация, комедия, инспирирование текстом, отношение учащихся.

The "Suspicious Person" of Branislav Nusic

Natasha Stankovich Shosho

The work of Branislav Nusic, a 19th century Serbian writer, is known for its great artistic and genre diversity. The article highlights the value and importance of his prose fiction and dramatic contributions, outlines the principal methods and approaches to studying his literary legacy, and describes ways of including his work into school curricula. Introducing texts by Branislav Nusic into programs of elementary, secondary, and vocational schools has demonstrated their positive effect on developing students' reading skills, creative thinking, and imagination as well as on boosting their interest in literature and theater.

Key words: school textbooks, educational objectives, teaching methods and activities, educational interpretation, comedy, text-inspired, students' attitude.

Творчество Бранислава Нушича пришлось на период 80-х гг. XIX в. – 40-х гг. XX века. Как поэт, драматург, автор рассказов, романист, создатель путевых записок, этнограф, мемуарист, детский писатель, журналист, эссеист и оратор Нушич оставил яркий след в сербской литературе. Наряду с Йованом Стерией Поповичем и Костой Трифковичем он считается одним из наиболее выдающихся комедиографов [1]. Темы первых юмористических текстов и поэтических сочинений Нушич черпает из окружающей его действительности, которую он изображает реалистически и сатирически. В комедиях «Народный депутат» (1883) и

«Подозрительная личность» (1888) Б. Нушич критикует бюрократизм, чиновничество и систему выборов в сербском обществе периода правления династии Обреновичей. Автор обличает власть имущих и указывает на разрушительное влияние их политики на общественную мораль. Создавая комедию характеров, Нушич, безусловно, подражает Н.В. Гоголю. Писатель создает широкую палитру юмористических образов, решает не только эстетические, но и этические воспитательные задачи.

Комедия «Подозрительная личность» впервые была поставлена на сцене Королевского национального театра в Белграде 29 мая 1923 г. Бранислав Нушич предварил спектакль выступлением, посвященным истории создания комедии и ее необычной судьбе. По словам писателя, первая версия комедии «Подозрительная личность» была создана еще в 1887 г. или 1888 г. и в еще большей степени имела сходство с комедией Гоголя «Ревизор» (прим. 1). В этой пьесе Нушич высмеивал высокомерных представителей уездных властей, государственного правления, бюрократии и полиции последних десятилетий XIX века в Сербии. Он считал, что основной причиной, по которой комедия «Подозрительная личность» почти сорок лет не ставилась на сцене, «является то, что слово *династия* встречается в тексте всего два или три раза и без должного пиетета, принятого в то время, когда пьеса создавалась и когда инаугурация династии была культом всех режимов» [2. С. 263]. Директор Королевского сербского национального театра Милорад Шапчанин, «человек, чья приверженность династии была возведена в ранг религиозного догмата» [2. С. 263], был первым, кто отказался поставить на сцене эту комедию. Также поступил и новый директор Никола Петрович, выдающийся представитель прогрессивной партии. Несмотря на то, что смена режима «расширила свободу всем проявлениям общественной жизни» [2. С. 267], директор Петрович поздравил Нушича с прекрасной работой и вернул ему рукопись, объяснив свое решение тем, что «ему не хочется, что бы она находилась в ящике его стола, так как он стар, чтобы угодить в тюрьму» [2. С. 267]. И третий директор Национального театра, сам Бранислав Нушич, в 1900 г. тоже отказался от идеи поставить собственную пьесу. Ведь в его жизни уже был печальный опыт: из-за стихотворения «Два раба», в котором он высмеял режим правящей династии Обреновичей, Нушич попал в тюрьму города Пожаревац.

Структура пьесы «Подозрительная личность» базируется на последовательном нарастающем чередовании событий, которые способствуют стремительному развитию действия (вскрытие письма Джоки Еротием, расшифровка телеграммы Вичи, чтение сообщения Джоки Марице, появление вестника, который приносит новость от Джоки, разговор о сыске, отправление телеграммы Еротием, чтение письма Марицы Вичи и Еротием). Экспозиция начинается вводной сценой, в которой уездный начальник Еротие Пантич и его жена Анджа разговаривают о письме, которое их дочери Марице прислал помощник аптекаря Джока и которое начальник тайно прочитал. Из содержания письма мы узнаем, между Марицей и упомянутым юношей назревают серьезные отношения. Еротие упрекает Анджу, обвиняет в их знакомстве и сообщает ей, что намерен выдать Марицу замуж за уездного писаря Вичу, который в короткий срок разбогател благодаря всевозможным махинациям. Из разговора супругов (Еротия и Анджи) читатель узнает персонажей пьесы прямо (через реплики Еротие, Анджи) и опосредованно (через реплики Вича, Джока, Марицы и Жика). Появление Вичи, который приносит телеграмму в дом семьи Пантич, становится завязкой действия. Ее основа – «подмена личности», то есть герой принимается не за того человека.

В первом акте действие то «нарастает», то «снижается» и состоит из целого ряда кви-про-кво, различных оборотов и неожиданных перипетий, целью которых является привлечение внимания зрителя [3]. Развитие действия мотивировано, а развитие событий имеет причинно-следственный характер. Развитие действия базируется на недоразумении, о котором Еротие не догадывается, ослепленный мечтой о повышении (прим. 2). События развиваются благодаря *тайным попыткам* Марицы организовать встречу с Джокой и стремлению властей (Еротия Пантича и аппарата чиновников) демистифицировать *персону инкогнито*. Основой завязки является столкновение двух несогласованных позиций: намерения Марицы представить родителям Джоку и обвенчаться с ним и желания Еротия поймать и обвинить Джоку, которого он считает той самой подозрительной личностью. В завязке показан антагонизм, который развивается и в семейных отношениях (ссора отца и дочери), и в деловой сфере (слежка за подозрительной личностью и допрос), и на социальном уровне (столкновение властей и граждан). Развиваются отношения, которые демонстрируют

определенное несогласие между драматическими фигурами (между Марицей, Анджей и Еротием в связи с Вичей и Джокой и уездных писарей; между Вичей и Еротием в связи с подозрительной личностью) (прим. 3) Нушич строит завязку на приеме «подмены личности» и на словесной игре, каламбурах. Допрос «подозрительной личности» с драматургическим принципом подмены и переодевания является кульминацией драматической завязки комедии (прим. 4). Отсутствие коммуникации между отцом и дочерью, ослепленность Еротия при вынесении решений и его желание вынести приговор «подозрительной личности» провоцируют появление комических ситуаций и дают возможность кульминации драматического действия во втором акте с нежелательным исходом (для Еротия и Вичи) и ожидаемым решением (для Марицы и Джоки). Этот этап развития драматического действия имеет сильное воздействие на мысли и чувства читателей и оказывает решающее влияние на их критическую оценку системы власти, которая анулировала моральные ценности и вырастила извращенные человеческие характеры. Комизм узнавания Марицы и Джоки является оборотом в драматическом конфликте. Анагноризм как переход от незнания к знанию является свойством комедии и чаще всего связан с перипетиями, что находит выражение и в пьесе Нушича (появление Марицы и открытие идентитета «подозрительной личности», 19-я сцена второго акта). Антиклимакс появляется в связи с ослаблением конфликта в драматическом действии (разлад Еротия с Вичей, попытка осудить его и не позволить послать телеграмму министру, его гнев по отношению к гражданам, писарям и жандармам).

В комедии «Подозрительная личность» не решаются все конфликты, их решение лишь угадывается. Перипетии делают ход действия более динамичным и приводят к развязке, в которой решается конфликт, развертывающийся в личном плане (Еротие дает благословение на брак Марицы и Джоки), но продолжаются недоразумения в сфере общественной и политической жизни (Жика мучает Миладина), подчеркивается конфликт в деловой сфере (взаимные обвинения Еротия и Вичи). Развязка приводит зрителя к ясности, доводит драматическую фабулу до конца (возвращение в комнату, благословение на брак, отъезд в Белград). В ней существует намек на то, что добро вопреки всему все же победит (предполагаемая

свадьба Марицы и Джоки), и подтверждение того, что Еротие и в этот раз не сдастся и будет продолжать свою борьбу за власть (предположительно, что он осудит Вичу за пересылку ложного извещения и таким образом сможет скрыть то, что он был высмеян, и наладит новые контакты с министром).

Иследуя комедиографический прием Нушича, мы выявили, что писатель обращал особое внимание на казуальность развития действия. Экспозиция охватывает первую сцену первого акта, завязка занимает самую большую часть комедии (весь первый и преобладающую часть второго акта почти до самого конца), тогда как драматические сцены от кульминации (18-я сцена второго акта) до развязки (22-я сцена второго акта) быстро сменяются и дают возможность комедии Нушича разрешиться ярко и эффектно. «Молодые пары побеждают, а те, кто попытались их разъединить, показав при этом свой характер, в конце принимают их и стараются сохранить хотя бы то, что что имели к началу драмы» [4. С. 92].

Из-за того, что комедия «Подозрительная личность» преимущественно изображает власть и ее влияние на жизнь граждан, конец второго акта (актшлус) не связан непосредственно с ожидаемым развитием драматического действия. Нушич заканчивает комедию сценой из начала второго акта, много раз повторяемой в пьесе, несколько изменив ее, сделав более грациозной и зашифрованной (прим. 5). Этим автор снова ставит проблему дегуманизированной власти, подтверждая, таким образом, что отрицательные общественные и моральные явления прочно вросли в коррумпированный затхлый бюрократический аппарат. «Если все же в этой комедии есть намеки, которые не устарели, если встречаются слова, которые можно сказать и сегодня; если есть явления, на которые и в настоящее время можно указать пальцем, это лишь доказывает, что бюрократия во всех странах, у всех народов и рас похожа, в ней есть те общие элементы, которые еще долго будут давать материал для комедиографов» [2. С. 269].

В своей пьесе Нушич высмеял бюрократическую систему и извращенные нравы представителей власти. Читатели и театральная публика сознают, что поступки персонажей этой пьесы (уездного начальника, чиновника, торговца, гражданина) обусловлены общественными обстоятельствами (авторитарным правлением династии Обреновичей), но также и моральной гипокризией тех, кто

находится у власти (безответственность чиновников, коррумпированность, наглость, жадность в торговле, гражданское терпение) и кто не может быть легко искоренен просто сменой власти, именно потому что вредный механизм управления как модель выживает и повторяется в каждой общественной системе. В комедии «Подозрительная личность» Нушич пытается сатирически разоблачить негуманность «бюрократического менталитета» и заставить читателей и зрителей обратить внимание на недостатки общества. В этой комедии нет положительных персонажей. Доминируют отрицательные герои (обманщики, взяточники, извращенцы, подхалимы, слабаки, безответственные, поверхностные, несерьезные, закомплексованные люди). Они стали такими, потому что их сформировало общество, в котором власть утверждает извращенные ценности. Граждане подают друг против друга иски, судятся, шпионят друг за другом, подсовывают друг другу фальшивые завещания, меняют заявления в суде, сплетничают и клеветают, распространяют фальшивые деньги, занимаются контрабандой, взятками и протекцией, стараются реализовать личные интересы. Своими поступками они не отличаются от представителей судебной и исполнительной власти, политиков и чиновников, которые ничего не предпринимают для искоренения аморальных поступков в обществе. Насилие воспринимается как эффективная форма установления иерархии в обществе. Конформизм граждан и представителей власти является их реакцией на санкции. В описанном обществе желательными характерными качествами становятся бесчестность, трусость, поверхностность, безответственность, бессовестность, несправедливость и потворство властям. У персонажей драмы отсутствуют моральные качества, у них нет чувства вины, правдолюбия, уважения к другим и самоуважения. У них отсутствует развитое понимание, что такое благородное поведение и готовность поступать в соответствии с принятыми моральными нормами.

Комедией «Подозрительная личность» Нушич показывает, что ложная мораль захолустного городка и его жителей неотделима от морали бюрократизированной власти и приспособлена к ней. Стараясь развить у читателей и театральной публики способность оценивать поступки представителей уездной власти с эпических позиций, автор стимулирует работу критического сознания, что очень важно для молодого поколения. Писатель утверждает важность таких

ценностей, как свобода, равноправие, достоинство, уважение личности, и способствует тому, чтобы общество начало поправляться и оздоравливаться. Пытаясь вернуть достоинство индивида в общественное сознание, разбудить культурное самосознание сербского народа, Нушич по праву стал одним из наиболее значительных классиков сербской литературы и выдающимся писателем.

Примечания

1. В предисловии к комедии «Подозрительная личность» Нушич пишет, что Гоголь был любимым писателем среди молодежи и что «Ревизор» был их любимым сочинением. В образе Гоголя молодежь видела ту бюрократию, которая оставалась еще с первых дней создания государства и которая, правда, уже отмирала, но все еще оставляла ясные отпечатки на общественной жизни. Трудно было освободиться от такого сильного влияния, а для комедиографа это еще труднее ввиду того, что тогдашнее сербское общество, в первую очередь бюрократия, были в такой мере тождественны описанному в «Ревизоре», что Гоголь мог считаться отечественным писателем. Под большим влиянием Гоголя созданы все пьесы Нушича восьмидесятых годов («Народный депутат», «Протекция»), в первую очередь – «Подозрительная личность», которая, конечно, во многом напомнит «Ревизора». На первой рукописи этой пьесы даже не написано «Комедия в двух актах», как впоследствии писали на театральных афишах, а было «Гоголиада в двух актах» [2. С. 261–262]. При анализе «Ревизора» можно на конкретном материале сравнить элементы комедии Нушича «Подозрительная личность» и «Ревизора» Гоголя. Читатели смогут выявить ключевые литературные и эстетические особенности указанных драматических произведений и открывать и объяснять сходства и различия в создании драматических образов.
2. Еротие арестовывает единственного гостя гостиницы «Европа», не зная, что именно он избранник Марицы. Хотя интрига в наиболее значительных ситуациях может быть разгадана, тем не менее отсутствует общение между действующими лицами (Еротие и Марица) и драматическое напряжение растет.
3. Действие, которое Марица вынуждена предпринять, создает целый ряд переломных пунктов в жизни ее и Джоки (ей многое не удается, а Джоку арестовали).

4. Появление Марицы вызывает опознание героя и выяснение того факта, что «подозрительная личность» – будущий зять Джока Ристич, а не какой-то нигилист, который намерен разрушить государственную систему. Вместо антидинастических и революционных бумаг у него обнаружено письмо Марицы, в котором высмеиваются все виновники следствия.
5. Комедия кончается короткой сценой между выпившим Жикой и хозяином Миладином, который безуспешно пытается решить свою проблему.

Библиографический список

1. Деретић Ј., Митровић М. Историја књижевности за II разред усмереног образовања. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 1989. 309 с.
2. Нушић Б. Одабране комедије I / Избор и редакција Александар Тишма. Нови Сад: Матица српска; Београд: Српска књижевна задруга, 1970. 338 с.
3. Рашко В.Ј. Бранислав Ђ. Нушић – живот и дело. Београд: Службени гласник, 2014. 438 с.
4. Несторовић З. Зашто је Нушић наш савременик?: Семинар српског језика, књижевности и културе, предавања З. Београд; Међународни славистички центар, 2014.
5. Prop V. Problemi komike i smeha. Novi Sad: Dnevnik / Književna zajednica Novog Sada, 1984. 165 s.

Сведения об авторе

Станкович Шошо Наташа
ассистент кафедры сербской литературы
и южнославянской литературы
филологического факультета
Белградского государственного университета
E-mail: natasoso06@gmail.com

УДК 821.161.1

ТАНАТОЛОГИЯ Н.А. НЕКРАСОВА: ОПЫТ МОТИВНОГО ТЕЗАУРУСА

А.А. Яшина

Московский педагогический государственный университет, Москва

Статья посвящена выявлению в поэтических текстах Н.А. Некрасова танатологических образов и мотивов и их тезаурусной классификации. Полученные результаты подтверждают представление о танатоцентризме поэта, могут служить первой ступенью в реконструкции и интерпретации идейно-эстетических взглядов Н.А. Некрасова на феномен смерти и позволяют проследить их эволюцию.

Ключевые слова: Н.А. Некрасов, мотив, танатология, тезаурус.

N.A. Nekrasov's Thanatology: A Motif Thesaurus

Anna Yashina

The article looks at thanatological images and motifs in texts by N.A. Nekrasov and proposes a classification scheme for designing their thesaurus. The results confirm the poet's strong thanatological focus and may become the first step in reconstructing and interpreting his aesthetic and ideological view of death and its evolution.

Key words: N.A. Nekrasov, motif, thanatology, thesaurus.

Напряженный интерес Н.А. Некрасова к феномену смерти и своеобразный танатоцентризм его художественного мира еще в 1918 году отмечал в одном из своих критических «Рассказов о Некрасове» К.И. Чуковский: «Некрасов по самой своей природе – могильщик. Похороны – его специальность. В его книге столько гробов и покойников, что хватило бы на несколько погостов. И какие погребальные заглавия: “Смертушка”, “Смерть крестьянина”, “Похороны”, “Кладбище”, “Гробок”, “Могила брата”, “Покойница”. Один из его романов так и назывался “Озеро смерти”, а потом стал называться “Мертвым озером”. И какие погребальные метафоры! – людей он называет червями, которые копошатся на трупе... тучи – гробами, Неву – гробницею, землю – мертвецом... Снег – это, конечно, “саван”, “погребальный покров”... И туман у него тоже саван... Деревенские зимние сумерки для него как бы всемирная смерть... Даже литеры в руках у наборщиков кажутся ему мертвецами... К кладбищенским темам его влекло постоянно» [1. С. 406–407].

На это же неоднократно указывали и другие исследователи творчества Н.А. Некрасова. Так, Н.Н. Скотов пишет о «переломном» для поэта 1855 годе: «В 1855-ом году написано столько стихов, как никогда, и, как никогда, столько стихов под знаком смерти: собственно, даже не через один «стих», а почти каждый – смерть или ее присутствие, хоть напоминание о ней: самоубийство, кончина, гроб, могила... и, конечно, болезни... Наконец, все как бы окончательно впитало в себя стихотворение “В больнице”, где и смерти, и трупы, и саван, и мертвецкая – это больница умирания, а не выздоровления» [2. С. 103]. А.А. Илюшин в статье «О некоторых формах гротескной образности в литературе и искусстве», проводя параллели между поэзией Некрасова и живописью Ф. Гойи, пишет о них как о художниках, обреченных на «тесное общение с мертвецами, причастность к их загадочному миру» [3. С. 44], и метафорически обозначает поэзию Н.А. Некрасова как «пляску смерти» [3. С. 44]. Известная современная исследовательница творчества поэта, М.А. Кучерская, уже не метафоризируя, пытается в одной из своих работ объяснить влечение Н.А. Некрасова к смерти бессознательной ориентацией его на этот средневековый сюжет [4. С. 231].

Однако указанная нами тема до сих пор не являлась объектом специального внимания исследователей. Между тем её проработка представляется значимой не только в аспекте литературоведческой танатологии, но и в русле изучения поэтической онтологии и экзистенциальных сторон творчества Н.А. Некрасова, которым в литературоведении пока не было уделено достаточного внимания.

В данной работе мы попытаемся лишь обозначить подступы к указанной теме, уточнив сложившееся в науке представление о «завроженности» поэта смертью с помощью описания танатологической стороны его художественного мира по принципу мотивного тезауруса. Полученные таким образом результаты смогут послужить базой для дальнейших интерпретаций некрасовской танатологии.

Продуктивность подобной классификации была неоднократно подтверждена исследователями из Института филологии СО РАН при составлении «Словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы» [5; 6].

Степень наличия в текстах зарегистрированных танатологических образов и мотивов вычислена как процент текстов,

в которых они регистрируются, от общего количества рассмотренных текстов; результаты обобщены в таблице (см. табл. 1).

При составлении тезаурусов нами были учтены все лексемы, соотносимые в текстах с темой смерти, вне зависимости от их частеречной принадлежности.

В качестве материала исследования были использованы стихотворения, включенные в академическое Полное собрание сочинений и писем Н.А. Некрасова [7; 8; 9]: 44 текста, входящие в сборник ранней романтической лирики поэта «Мечты и звуки», и 283 текста, относимых к зрелому периоду его творчества.

I. Восприятие смертности: А. «Мечты и звуки»: 1. Желание / призывание смерти (3). Всего 3 употребления; Б. Зрелая лирика: 1. Думы о смерти (3): 1.1. Предчувствие скорой смерти (19); 1.2. Желание / призывание смерти (12); 1.3. Боязнь смерти (2). Всего 35 употреблений.

II. Причины смерти: А. Зрелая лирика: 1. Болезнь (33): 1.1. Чохотка (3); 1.2. Хандра (5); 1.3. Лихорадка (1); 1.4. Цинга (1); 1.5. Холера (1); 1.6. Тиф (2); 1.7. Паралич (1); 2. Убийство (6): 2.1. Убийство из ревности (1); 2.2. Убийство из мести (3); 2.3. Особо жестокое или изощренное убийство (2); 2.4. Казнь (1); 3. Самоубийство (4): 3.1. Самоубийство от невозможности пережить оскорбление (1); 3.2. Самоубийство от несчастной любви (2); 4. Смерть в результате несчастного случая (3); 5. Смерть на войне (1). Всего 71 употребление.

III. Умирание: А. «Мечты и звуки»: 1.1. Человека (1); 1.2. Мира (1); 1.3. Разрушение культурных объектов (1). Всего 3 употребления; Б. Зрелая лирика: 1. Умирание человека (5). Всего 5 употреблений.

IV. Тафология: А. «Мечты и звуки»: 1. Кладбище (2): 1.1. Могила (5); 1.2. Гроб (5); 1.3. Тафологическая атрибутика (6): а. Могильный плющ (1); б. Смертный одр (1); в. Кинжал (1); г. Могильный венок (1); д. Саван (1); е. Скелет (1); 2. Похороны (1); 3. Могила как метонимия смерти (7). Всего 26 употреблений; Б. Зрелая лирика: 1. Кладбище (7): 1.1. Могила (24); 1.2. Гроб (16); 1.3. Тафологическая атрибутика: саван (3); 2. Похороны (5): 2.1. Богатые похороны (2); 2.2. Бедные похороны (1); 2.3. Проводы покойника, панихида (6); 3. Могила / гроб как метонимия смерти (14). Всего 78 употреблений.

V. Мертвое тело: **А. «Мечты и звуки»:** 1. Покойник (10). Всего 10 употреблений; **Б. Зрелая лирика:** 1. Покойник (18); 2. Труп и черви (4). Всего 22 употребления.

VI. Обстоятельства смерти: **А. «Мечты и звуки»:** 1. Мирная смерть (2); 2. Мятежная смерть (2); 3. Героическая смерть (2). Всего 6 употреблений; **Б. Зрелая лирика:** 1. Социальные: 1.1. Мирная смерть богача (3); 1.2. Смерть в нищете (2); 1.3. Незамеченная смерть (4); 1.4. Смерть кормильца семьи (4); 2. Ранняя смерть: 2.1. Смерть ребенка (4); 2.2. Смерть человека во цвете лет (7); 3. Иные обстоятельства смерти: 3.1. Мученическая жертвенная смерть (1); 3.2. Героическая смерть (6). Всего 31 употребление.

VII. Память об умершем / забвение умершего: **А. «Мечты и звуки»:** 1. Память об умершем (3); 2. Скорбь об умершем (3). Всего 6 употреблений; **Б. Зрелая лирика:** 1. Память об умершем (14); 2. Забвение умершего (9); 3. Скорбь об умершем (11). Всего 34 употребления.

VIII. Мистические аспекты смерти: **А. «Мечты и звуки»:** 1. Демонические силы и смерть (7); 2. Загробная жизнь (2). Всего 9 употреблений; **Б. Зрелая лирика:** 1. Призрак / тень (6); 2. Демонические силы и смерть (4); 3. Загробная жизнь (3). Всего 13 употреблений.

IX. Философские аспекты смерти: **А. «Мечты и звуки»:** 1. Смерть как великий уравниватель (1); 2. Смерть как переход в мир иной (6): 1.2. Смерть как возвращение души на родину (1); 1.3. Смерть как преображение (1). Всего 9 употреблений. **Б. Зрелая лирика:** 1. Смерть как великий уравниватель (4) Всего 4 употребления.

X. Смерть ~ любовь: **А. «Мечты и звуки»:** 1. Связь Эроса и Танатоса (1); 2. Смерть возлюбленного (5). Всего 6 употреблений; **Б. Зрелая лирика:** 1. Единство Эроса и Танатоса (1); 2. Смерть возлюбленного (1). Всего 2 употребления.

XI. Смерть ~ холод: **А. «Мечты и звуки»:** 1. Смерть ~ холод / зима (6). Всего 6 употреблений; **Б. Зрелая лирика:** 1. Смерть ~ холод / зима (15). Всего 15 употреблений.

XII. Смерть метафорическая: **А. «Мечты и звуки»:** 1. Преждевременная смерть души (2); 2. Жизнь как смерть (3). Всего 5 употреблений; **Б. Зрелая лирика:** 1. Преждевременная смерть души (3). Всего 3 употребления.

ХIII. Персонификация смерти: А. «Мечты и звуки»:

1. Персонификация смерти (2). Всего 2 употребления.

Таблица 1

Танатологические мотивы в произведениях Н.А. Некрасова в ранний и зрелый периоды творчества

Мотив		«Мечты и звуки»	Зрелая поэзия
Восприятие смертности	Предчувствие / предсказание смерти		6,7 %
	Желание / призывание смерти	6,8 %	4,2 %
	Боязнь смерти		0,7 %
Причины смерти	Болезнь		16,6 %
	Убийство		4,6 %
	Самоубийство		2,5 %
	Несчастный случай		1 %
	Смерть на войне		0,3 %
Умирание		6,8 %	1,8 %
Тафология	Кладбище	4,5 %	2,5 %
	Могила	11,3 %	8,5 %
	Гроб	11,3 %	5,7 %
	Погребальная атрибутика	13,6 %	1 %
	Похороны	2,2 %	2,8 %
	Панихида		2,1 %
	Могила / гроб как метонимия смерти	15,9 %	5 %
Мертвое тело	Покойник	22,7 %	6,4 %
	Труп и черви		1,4 %
Обстоятельства смерти	Социальные		4,6 %
	Ранняя смерть		3,9 %
	Иные	13,6 %	2,5 %
Память / забвение	Память об умершем	6,8 %	5 %
	Скорбь об умершем	6,8 %	3,2 %
	Забвение умершего		3,9 %
Мистические аспекты смерти	Призрак / тень		2,1 %
	Демонические силы и смерть	15,9 %	1,4 %
	Загробная жизнь	4,5 %	1 %
Философские аспекты смерти	Смерть как великий уравнитель	2,2 %	1,4 %
	Смерть как преображение / возвращение души на родину / переход в мир иной	18,1 %	

Смерть и любовь		13,6 %	0,7 %
Смерть и холод / зима		13,6 %	5,3 %
Смерть метафорическая	Жизнь как смерть	6,8 %	
	Преждевременная смерть души	4,5 %	1 %
Персонификация смерти		4,5 %	

Предложенный тезаурус позволяет составить представление о том, какое место занимает смерть в художественном мире Н.А. Некрасова.

Прежде всего, подтверждается неоднократно высказанное исследователями мнение о его танатоцентризме: степень наличия темы смерти в текстах раннего периода творчества Н.А. Некрасова составляет 34 % (это довольно значительная цифра даже на фоне всеобщей романтической увлеченности танатосом; для сравнения – в Альбоме II Д.П. Ознобишина соответствующий показатель равен 12 %, в «Сборнике стихотворений 1838 года» В.Г. Бенедиктова – 10 %), зрелого периода – 30,6 %. Отметим и исключительное разнообразие регистрируемых в текстах танатологических образов и мотивов. Нами выделены 13 образно-мотивных групп (*восприятие смертности, причина смерти, умирание, тафология, мертвое тело, обстоятельства смерти, память об умершем, мистические аспекты смерти, философские аспекты смерти, смерть и любовь, смерть и холод / зима, смерть метафорическая, персонификации смерти*), большинство из которых представлены несколькими рубриками.

Наглядно прослеживается эволюция взглядов поэта на смерть.

Обращает на себя сокращение разряда «Философские аспекты смерти». Мотив «смерть как преображение / возвращение души на родину», один из самых частотных в сборнике «Мечты и звуки» (степень наличия – 18,1 %), в зрелых текстах не представлен совсем, что позволяет сделать вывод о неактуальности метафизического понимания смерти для автора в этот период творчества. Значительно сокращается и рубрика «Мистические аспекты смерти» (степень наличия, например, образов *смертоносных демонических сил* в «Мечтах и звуках» – 15,9 %, в зрелой лирике – всего 1,4 %). Полностью исчезают *персонифицированные образы смерти*,

метафоризированный образ *жизни как смерти*, степень наличия романтического *мотива преждевременной смерти души* снижается с 4,5 % до 1 %, *мотивов из рубрики «Смерть и любовь»* – с 13,6 % до 0,7 %.

Фокус внимания поэта переносится с философских рассуждений о смерти вообще на изображение конкретных смертей. Об этом позволяет говорить появление в зрелой лирике мотивов из рубрики «Причины смерти» (*мотивы убийства, самоубийства, несчастного случая и др.*); наиболее частотный мотив здесь – *мотив болезни* (степень наличия 16,6 %). Группа «Обстоятельства смерти» расширяется за счет появления рубрики «Социальные обстоятельства», появляется также ранее отсутствовавший *мотив ранней смерти*. Группа «Память об умершем» расширяется за счет *мотива забвения умершего*. Группа «Восприятие смертности», в «Мечтах и звуках» представленная лишь *мотивом желания смерти*, обогащается также *мотивами предчувствия смерти и страха смерти*.

Внимание к *тафологическим образам и образам мертвого тела* характерно как для ранней, так и для зрелой поэзии Н.А. Некрасова (в целом степень их наличия в «Мечтах и звуках» больше, однако в зрелой лирике появляются отсутствовавшие ранее *мотив панихиды и образ могильных червей*). То же справедливо и относительно группы «Смерть и холод».

Полученные результаты могут служить первой ступенью в реконструкции и интерпретации художественного мира Н.А. Некрасова, точнее места, которое в нем занимает феномен смерти. Для получения максимально объективных показателей, необходимо, однако, составить аналогичные тезаурусы для текстов поэм Н.А. Некрасова, а также его прозы. В этом нам видятся перспективы нашего исследования.

Библиографический список

1. Чуковский К.И. Кнотом иссеченная муза // Собрание сочинений в 15 томах. Т. 8. Литературная критика. 1918–1921. М.: Терра – Книжный клуб, 2012. 664 с.
2. Скотов Н.Н. Некрасов. М.: Молодая гвардия, 1994. 412 с.

3. Илюшин А.А. О некоторых формах гротескной образности в литературе и искусстве // Славяне и запад: Сборник статей к 70-летию И.Ф. Бэлзы. М.: Наука, 1975. 284 с.

4. Кучерская М.А. Данс макабр Николая Некрасова // Литературная матрица: Учебник, написанный писателями. Т. 1. СПб.: Лимбус Пресс: Издательство К. Тублина. 2010. 464 с.

5. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание / Под ред. Е.К. Ромодановской. Вып. 1. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2003. 241 с.

6. Тюпа В.И. Словарь мотивов как научная проблема (на материале пушкинского творчества) // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание / Под ред. Е.К. Ромодановской. Вып. 1. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2003. С. 170–197.

7. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем в 15 томах. Т.1. Стихотворения 1838–1855 гг. Л.: Наука, 1981. 720 с.

8. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем в 15 томах. Т. 2. Стихотворения 1855–1866 гг. Л.: Наука, 1981. 448 с.

9. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем в 15 томах. Т. 3. Стихотворения 1866–1877 гг. Л.: Наука, 1982. 512 с.

Сведения об авторе

Яшина Анна Александровна
аспирант кафедры русской литературы
Московского педагогического государственного университета
E-mail: fekla1319@yandex.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 811:378.147

ЦЕЛИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ- ЛИНГВИСТОВ К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Е.П. Глумова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова*

В данной статье предлагается теоретический анализ проблемы развития способности к межкультурной коммуникации у будущих бакалавров лингвистики. Автор рассматривает региональную проблематику как основу содержания современных процессов коммуникации на межкультурном уровне, определяя основные цели обучения иностранному языку студентов направления подготовки «Лингвистика».

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, регионализм, цели иноязычной подготовки в вузе, бакалавры лингвистики, стандарты среднего и высшего образования.

Goals of Foreign Language Acquisition in Training Future Linguists for Intercultural Communication on the Regional Level

Elena Glumova

The article offers a theoretical analysis of the problem of developing intercultural communication skills in college students majoring in linguistics. The author postulates regional themes and problems as the primary content of modern intercultural communication and defines key goals of foreign language acquisition for college students majoring in linguistics.

Key words: intercultural communication, regionalism, goals of college level foreign language acquisition, standards of higher education.

Формирование и развитие межкультурной компетенции как основной характеристики поликультурной языковой личности провозглашается учеными в качестве стратегической цели современного лингвообразования (Г.В. Елизарова, Е.Г. Тарева,

И.С. Соловьева, В.П. Фурманова, Л.П. Халяпина, Ю.В. Чичерина и др.). Достижение высоких результатов в рамках выдвинутой образовательной стратегии является необходимым условием качества общего и высшего образования.

Современная геополитическая ситуация в мире обуславливает постоянное обращение к вопросу эффективной организации межкультурного общения. Мир стремительно меняется, вместе с этим меняются условия, цели, содержание процессов межкультурной коммуникации.

В условиях мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. началось формирование многополярной модели мироустройства, возросла регионализация международных отношений. Регионализм реализуется сегодня через культурную, историческую и географическую близость и стремление соседних стран и регионов сохранить свою культурную и экономическую идентичность через региональные торгово-экономические преференции и коллективный протекционизм.

В широком социокультурном плане региональная граница есть утверждение того факта, что человечеству свойственно многообразие форм жизнедеятельности, которые не могут и не должны быть стандартизированы. Наличие региональной дифференциации общества является неотъемлемым условием постоянного измерения его бытия. Поэтому регионализация внутренне присуща всем типам современных обществ, независимо от их размеров, уровня развития, особенностей политических структур. Таким образом, можно заключить, что регионализация неизменно присутствует во внутреннем обустройстве общественных отношений.

Принятый в 2012 году новый Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования определяет нормативы, соблюдение которых обеспечивает единство образовательного пространства России, а также интеграцию личности в систему мировой культуры.

Стандарт направлен на обеспечение: «формирования российской гражданской идентичности обучающихся; единства образовательного пространства Российской Федерации посредством установления единых требований к результатам, структуре и

условиям реализации основной образовательной программы; сохранения и развития культурного разнообразия и языкового наследия многонационального народа Российской Федерации, реализации права на изучение родного языка, овладение духовными ценностями и культурой многонационального народа России» [1].

Стандарт ориентирован на становление личностных характеристик выпускника, в нем приводится «портрет выпускника школы»: «...любящий свой край и свою Родину, уважающий свой народ, его культуру и духовные традиции; осознающий и принимающий традиционные ценности семьи, российского гражданского общества, многонационального русского народа, человечества, осознающий свою сопричастность судьбе Отечества...» [1].

Для того чтобы подготовить ученика к жизни в поликультурном обществе, необходимо сформировать у него межкультурное мировоззрение, позволяющее осуществлять взаимодействие с представителями других культур в различных сферах [2]. Таким образом, можно сделать вывод, что способность осуществлять специфическую деятельность по подготовке учащихся к процессу межкультурной коммуникации являет собой межкультурную коммуникативную компетенцию (МКК) учителя иностранного языка. Именно межкультурная составляющая является основой для реализации всех умений, входящих в состав профессионально значимых компетенций учителя иностранного языка, определенных ФГОС ВО.

С учётом участвовавших международных контактов, а также новых тенденций в европейском образовательном пространстве особую роль при формировании МКК будут играть региональные знания, определяющие успех межкультурного общения, организуемого в конкретных регионах. В связи с этим комплексная реализация воспитательной, образовательной, развивающей и практической целей обучения студентов предполагает внесение уточнений в их дидактическое и методическое содержание.

Исходя из актуальных общественных потребностей организации межкультурного общения на региональном уровне, стратегическими задачами лингвистического образования будут являться:

1. Развитие умений представлять родную региональную культуру в терминах, понятных членам международного сообщества. Необходимо сформировать у учащихся коммуникативные умения, обеспечивающие использование иностранного языка в ситуациях иноязычного общения, связанных с региональной культурой. При этом предусматривается не только усвоение информации о регионе проживания, т. е. региональной информации на микроуровне, но и осознание проблем, связанных с рассмотрением региональной проблематики на мезо- и макроуровнях. В данном случае речь идет о необходимости выделения проблем, с которыми сталкиваются жители региона, размышление над ними, их анализ, поиск путей решения, а также сравнение с аналогичными проблемами, волнующими регионы стран изучаемого языка, рассмотрение их сквозь призму мировой культуры [3].

2. Развитие умений обучающихся выстраивать процесс межкультурной коммуникации на основе широких региональных знаний о культуре иноязычного социума. Всем известно, что представители разных регионов, краев, земель могут отличаться друг от друга следующими культурными параметрами: компонентами культуры (средства и орудия труда, язык, религия, этика, социальное устройство, законы и т. п.); результатами культурной деятельности (произведения литературы, живописи и т. п.); духом культуры (менталитет); коммуникативным слоем культуры (нормы общения, институты образования, воспитания и т. п.); основой культуры (язык, психологический склад, принятая символика). Примером могут служить представители разных регионов функционирования немецкого языка – европейского региона (макроуровень), западноевропейского региона (мезоуровень) и микрорегионов внутри страны (микроуровень). Незнание региональных особенностей партнеров по общению может негативно сказаться на процессе коммуникации. Максимальный учет различных характеристик коммуникантов поможет эффективно выстраивать межкультурный диалог, основанный на широком контексте коммуникативной ситуации, включающем региональные сведения разного уровня.

При определении *практической цели обучения* в контексте диалога культур следует рассмотреть систему знаний, навыков и

умений, определяющих способность к межкультурной коммуникации на региональном уровне. Данная система складывается из специфических целей иноязычной подготовки по видам коммуникативной деятельности:

1. Аудирование

Студенты должны уметь понимать на слух: речь преподавателей, студентов и носителей языка, содержащую региональные сведения при непосредственном общении; лекции, доклады, сообщения на иностранном языке по региональной проблематике; иностранную речь в звуко- и видеозаписи в пределах изучаемой региональной тематики (аудиотексты различных жанров, радиопередачи, видео- и кинофильмы).

2. Говорение

А. Диалогическая речь

Студенты должны уметь: вести беседу проблемного характера по прослушанному или прочитанному тексту, просмотренному фильму, в которых содержатся региональные сведения; комментировать их содержание, высказывать свои мысли, задавать вопросы собеседникам; вести диалог-дискуссию по проблемам, связанным с тематикой регионального курса; вести диалог-беседу с преподавателем, студентами и носителями языка в естественных ситуациях общения, связанных с прошлым и настоящим разных регионов родного и иноязычного лингвосоциумов; вести диалог с преподавателем, студентами, носителями языка в учебно-речевых ситуациях региональной направленности в заданной коммуникативной сфере общения: диалог-расспрос, диалог-объяснение, диалог-обмен впечатлениями, диалог-обмен мнениями и их сочетания.

В. Монологическая речь

Студенты должны уметь: высказываться по прослушанному / прочитанному тексту, просмотренному видео- / кинофильму на региональные темы: формулировать тему, идею, составлять аннотацию, давать характеристики действующим лицам и событиям; готовить сообщения по теме, ситуации (реальной и воображаемой), проблеме в рамках изученной региональной тематики и выступать с ними перед аудиторией, используя адекватные средства общения

(речевые и неречевые); рассказывать о себе, о жизни группы, о событиях в университете, проводить экскурсию по университету, городу, областным культурным центрам, музеям города и области.

3. Чтение

Студенты должны владеть: ознакомительным чтением: понимать после однократного прочтения основное содержание оригинального текста региональной тематики художественного, научно-популярного и публицистического стилей речи без обращения к словарю; изучающим чтением: извлекать наиболее точную информацию из текстов регионального содержания с помощью повторного чтения и обращения к справочной литературе; просмотровым или поисковым чтением: уметь ориентироваться в структуре региональных текстов различных видов, извлекать необходимую информацию и делать собственные выводы, уметь прогнозировать содержание текста по его структурным элементам [4].

4. Письмо и письменная речь

Студенты должны уметь: грамотно, орфографически и пунктуационно правильно записывать тексты с региональным компонентом содержания и корректировать тексты, содержащие ошибки; излагать содержание прочитанного текста на региональную тему в форме свободного диктанта, простого или творческого изложения, пересказа с комментариями; составлять развёрнутый план, конспект, тезисы выступления по региональным вопросам.

5. Перевод

Студенты должны уметь: выступать в роли переводчика в регионально ориентированных учебно-речевых и естественных ситуациях; переводить статьи научно-популярного и публицистического характера по региональной проблематике; оказывать помощь гостям родного города, региона в различных бытовых ситуациях в качестве переводчика; вести экскурсию по музеям города и области.

Воспитательная цель может быть определена следующим образом: воспитание ценностных ориентаций по отношению к родной культуре; формирование регионального сознания, включающего национальное и гражданское сознание; формирование ценностного позитивного отношения к другим культурам; воспитание

толерантности, уважительного отношения, взаимопонимания по отношению к представителям других культур; воспитание интереса, открытости к контактам с иностранцами.

Общеобразовательная цель достигается в процессе глубокого изучения родной региональной культуры, предполагающего усвоение знаний об истории и современной жизни родного региона (региональная информация на микроуровне) и позволяющего формировать этническое и национальное сознание; изучения культуры других регионов России, их взаимосвязи, взаимозависимости (мезоуровень региональной информации); формирования современного образа иноязычных стран и регионов; формирования современного образа России и родного региона; изучения региональных особенностей иноязычного общества на разных уровнях; сравнения, анализа, сопоставления региональных проблем в мировом масштабе; ознакомления с глобальными проблемами и конфликтами; обучения способам выхода из конфликтов.

Достижение *развивающей цели* обучения с позиции диалога культур предполагает: развитие умения сравнивать, сопоставлять факты родной региональной культуры и региональной культуры стран изучаемого языка; развитие понимания причастности к глобальным проблемам человечества, ответственности за собственные действия; развитие умения выделять то, чем отличаются различные культуры и общества друг от друга и ценить вклад различных культур и обществ в развитие человеческого творчества; развитие умения интерпретировать региональные знания и применять их с учётом контингента зарубежных партнёров по общению.

Достижение выделенных целей в их взаимосвязи являет собой результат подготовки обучающихся к реальному процессу межкультурной коммуникации. В качестве результата рассматриваются компетенции выпускника вуза как интегральные характеристики, определяющие способность личности решать профессиональные проблемы и типичные профессиональные задачи, возникающие в реальных ситуациях межкультурной коммуникации во всех сферах общения, с использованием знаний, профессионального и жизненного опыта, полученных на основе

изучения и анализа родного и иноязычного лингвосоциумов, в органическом единстве с человеческими ценностями.

Библиографический список

1. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования // Электронный ресурс Интернет: <http://минобрнауки.рф/документы/2365>.
2. Халяпина Л.П. О разработке методической системы формирования поликультурной языковой личности в процессе обучения иностранным языкам // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2006. № 6 (61). С. 84–89.
3. Глумова Е.П. Методика обучения организации межкультурного общения на материале регионального компонента: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. Н. Новгород, 2006. 28 с.
4. Чичерина Ю.В. Обучение коммуникативным умениям чтения прагматических текстов как условие формирования и развития межкультурной компетенции // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2013. Вып. 22. С. 205–211.

Сведения об авторе

Глумова Елена Петровна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры лингводидактики и методики
преподавания иностранных языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: el.glumova2010@yandex.ru

УДК 378.147:811.111

**ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ АВТОНОМНОГО СТУДЕНТА
НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ
В ПРОЦЕССЕ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

М.В. Золотова, Е.В. Ганюшкина

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород*

В статье рассматривается проблема формирования навыков автономного студента в учебном процессе. Отмечаются отличительные черты автономного студента. Переосмысливается роль преподавателя в связи с изменившимися целями образования. Использование проектной деятельности рассматривается как один из путей формирования автономного студента и развития мотивации у обучающихся.

Ключевые слова: автономный студент, мотивация, проектное обучение, независимость в учебном процессе, навыки рефлексии.

Developing Learner Autonomy through Project Work in the ESL / EFL Classroom
Marina Zolotova, Elena Ganjushkina

The article discusses the problem of developing learner autonomy, outlining the key features of an autonomous learner (AL) and redefining the teacher's role in light of the changing goals in education. It describes the project method as one of the ways for developing learner autonomy and fostering motivation in learners.

Key words: autonomous learner (AL), motivation, project teaching, independence in the learning process, reflection skills.

Проблема автономности студента (*Learner Autonomy*) стала предметом активного изучения в контексте личностно ориентированного подхода к обучению иностранным языкам. Это объясняется серьезными изменениями в системе образования, появлением и развитием новых технологий, модификацией требований со стороны общества (работодателей) к выпускникам вузов, от которых требуется все большая самостоятельность и ответственность за результаты своего труда. Современный общеевропейский стандарт языкового образования включает концепт «автономность обучающегося» при определении основных целей.

Что же такое автономность студента (аббревиатура LA в дальнейшем используется для обозначения понятия как общепринятая в России и европейских странах)? Существует целый

ряд определений данного понятия. Нам близко определение, предложенное одним из первых исследователей данной проблемы – Холеком, который определяет *ЛА* как способность принимать на себя ответственность за свою учебную деятельность: “the ability to take charge of one’s learning... to have, and to hold the responsibility for all the decisions concerning all aspects of this learning...” [1].

Данное определение подчеркивает основное, что определяет автономию обучения – это осознанный характер деятельности. Актуальным в таком случае становится изучение условий, в которых наиболее продуктивно происходит развитие личностных качеств, определяющих автономию студентов в обучении.

Ученые, занимающиеся проблемой формирования качеств автономного студента (АС) сосредотачиваются на решении в основном следующих вопросов:

- где то рациональное звено, которое поможет АС продвинуться в обучении иностранному языку;
- какова роль преподавателя;
- что выступает в роли сдерживающих факторов;
- каковы индивидуальные и социальные перспективы АС.

В данной статье мы бы хотели остановиться на возможностях, которые предоставляет проектное обучение на занятиях по иностранному (английскому) языку для формирования основных черт автономного студента.

Под проектным обучением мы будем понимать целостную технологию, способствующую овладению обучающимися методологическими знаниями, умениями, способами деятельности. Проектное обучение – основа дальнейшего самообразования, средство развития способностей обучаемых, исследовательских умений и самостоятельности [2]. Какой же студент формируется посредством проектной деятельности?

Во-первых, это студент с положительным отношением к учебной деятельности, ярко-выраженным интересом к тому, что он изучает. Он в состоянии организовать себя и активно взаимодействовать с другими обучающимися.

Во-вторых, это студент, умеющий рефлексировать и делать выводы из того, что уже сделано и достигнуто.

Сопоставим это с определением автономного студента как идеала обучающегося. Так, Дэвид Литтл, активно занимающийся данной проблемой [3; 4] считает, что автономный студент принимает ответственность за свое обучение, активно участвует в планировании учебной деятельности и регулярно оценивает свои успехи и эффективность процесса: "...autonomous learners understand the purpose of their learning, program, explicitly accept responsibility for their learning, share in the setting of learning goals, take initiatives in planning and executing learning activities, and regularly review their learning and evaluate its effectiveness" [5. P. 4].

Из данного видения автономного студента следует, что проектная деятельность более всего подходит для его формирования. При правильно организованной проектной деятельности студенты сами определяют тему проекта, формируют команду для выполнения данной деятельности и распределяют роли и задачи каждого участника, разрабатывают план, проводят регулярное обсуждение достигнутого. Тем самым они разрабатывают, или – точнее – формируют, программу своей учебной деятельности.

Преподаватель любой дисциплины (иностранный язык не является исключением) стремится научить своих студентов рефлексии. У автономного студента умение рефлексировать выходит на передний план. Когда обучающийся регулярно реализует это умение, процесс приобретения им знаний становится более целенаправленным, более личностным. Таким образом решается проблема выработки у студента мотивации. Эта проблема также является одной из ключевых в процессе обучения. Мотивированный студент успешнее включается в процесс коммуникации, активно принимает в нем участие, становясь помощником преподавателя в группе и больше получая от учебного процесса.

Процесс преподавания становится все более «студентоцентричным». Центральной фигурой в аудитории становится студент, а не преподаватель, как это было прежде. Данные изменения нашли отражение в учебных программах и изменили роль не только студентов, но и преподавателей. Согласно Литтлу, произошла передача ответственности от преподавателей к студентам: "...shift of responsibility from teachers to learners" [5. P. 2].

Казалось бы, сформируй у студента мотивацию – и проблема создания учебной автономии будет решена. Но преподаватели знают, что студенты отличались и всегда будут отличаться друг от друга интересами, потребностями, привычками, способностями, склонностями. В результате они будут обладать различной степенью независимости, отличаться уровнем сформированности компетенций в процессе обучения за определенный период времени.

В любом случае преподаватель должен помнить, что автономность – это процесс, а не продукт / конечный результат. В организации данного процесса ключевая роль всегда останется за преподавателем. Роль его при этом изменится. Он перестает быть ментором, носителем истины в последней инстанции, а становится модератором учебного процесса, советником, помощником, умело направляющим процесс обучения в нужное русло. Мы согласны с тем, что “...teachers... have a crucial role to play in launching learners into self-access and in lending them a regular helping hand to stay afloat” [6. P. 63].

Само понятие «автономность» определяется исследователями по-разному. Так, Бенсон и Воллер рассматривают автономию как понятие, которое может использоваться, по крайней мере, в пяти следующих случаях:

- for situations in which learners study entirely on their own;
- for a set of skills which can be learned and applied in self-directed learning;
- for an inborn capacity which is suppressed by institutional education;
- for the exercise of learners' responsibility for their own learning;
- for the right of learners to determine the direction of their own learning [6].

Нам представляется, что все перечисленные выше пять ситуаций полностью подходят для описания термина «автономность» в обучении. Они не противоречат определению, данному автономному студенту Холеком, а, наоборот, подкрепляют его.

Обобщая различные подходы к определению автономного студента, можно сформулировать его следующие характеристики:

- автономный студент самостоятельно формулирует цели и ставит задачи обучения;
- он самостоятельно отбирает методы, материалы и упражнения для осуществления намеченных целей и выполнения поставленных задач;
- он совершенно независимо выбирает критерии для оценки проделанной им работы;
- он является активным деятелем учебного процесса.

Одним из продуктивных методов формирования у студентов указанных качеств может стать вовлечение обучающихся в проектную деятельность на занятиях по иностранному языку.

Так, аспирантам ННГУ было предложено выполнить проект, связанный с развитием англоязычной среды вуза. Они самостоятельно разделились на творческие группы, определили область ответственности каждой из них. Результатом работы стали прекрасная карта центрального кампуса ННГУ на английском языке, которой пользуются иностранные студенты ННГУ, а также набор брошюр о работе различных научных, учебных и общественных центров ННГУ, например библиотеки университета.

Как показывает наш опыт, с первых же стадий работы над проектом, выполняемым на английском языке, студенты проявляют самостоятельность. Они сами предлагают тему проекта (если работа над проектом проводится впервые, несколько тем на выбор может предложить преподаватель). В работе над проектом выделяются лидеры студенческого коллектива. Они активно участвуют в разработке плана проекта, определении доли участия каждого в совместной работе, ставят цели и выбирают методы и пути их достижения.

Чем более самостоятельны / автономны студенты, тем менее заметна роль преподавателя. Он не выпадает из учебного процесса, хотя роль его меняется. Преподаватель превращается в консультанта, который направляет проектную деятельность в нужном направлении, предлагая студентам для изучения необходимую литературу, побуждая их к выбору правильных методов решения поставленных задач, консультируя по уже проделанной работе и подводя к достижению намеченных целей: “It may be the case that Learners’

Autonomy is best achieved when...the teacher acts as a facilitator of learning, a counselor, and as a resource” [6. P. 63]. Именно в этом ключе мы рассматриваем роль преподавателя в проектной деятельности.

Автономность студента не может быть абсолютной. Как правило, в вуз приходят молодые люди, которые далеки от идеала автономного студента. Прежде чем они смогут самостоятельно ориентироваться в учебном пространстве, преподаватель должен научить их «учиться», то есть ставить цели и задачи и выбирать пути и методы их достижения.

Степень автономности должна возрастать по мере формирования у студентов требуемых компетенций. Насколько быстро они будут продвигаться по пути достижения автономности в обучении, зависит от их начальной мотивации и от того, насколько преподавателю удастся поддерживать и развивать эту мотивированность. Как отмечает Д. Барнз, преподаватель необходим, чтобы приспособить существующие материалы, методы к нуждам студента: “There has to be a teacher who will adopt resources, materials, and methods to the learners’ needs and even abandon all this if need be”. [7. P. 22].

При таком подходе к обучению мотивированность студентов возрастает, они начинают рефлексировать, стремятся достичь большего.

При обучении иностранному языку мотивация совершенно необходима, особенно когда процесс обучения проходит в отсутствие англоязычной среды. Как пишет З. Дорний, мотивация является ключом к началу обучения и стимулом к его продолжению: “...motivation... is one of the key factors that influence (L2) learning. Motivation provides the primary impetus to initiate learning the L2 and later the driving force to sustain the long and often tedious learning process” [8. P. 117].

Проектная методика, используемая на занятиях по английскому языку, как нельзя лучше способствует созданию мотивации у студентов.

Таким образом, одной из целей обучения иностранному (английскому) языку мы считаем формирование автономного студента. Сформировать отличительные черты автономного студента,

главной из которых считаем способность обучающегося отвечать за то, что он совершает в учебном процессе, помогает включение студента в проектную деятельность. В свою очередь, проектная деятельность мотивирует студентов к изучению иностранного языка.

Библиографический список

1. Holec Н. *Autonomy in Foreign Language Learning*. Oxford: Oxford University Press, 1981. 64 p.
2. Эльконин Б.Ю. Понятие компетентность с позиций развивающего обучения // *Современные подходы к компетентностно ориентированному образованию*. Красноярск, 2002. 267 с.
3. Little D. *Democracy, Discourse and Language Autonomy in the Foreign Language Classroom* // *Utbildning and Demokrati*. 2004. 13.3. P. 105–126.
4. Little D. *Learner's Autonomy in Action: Adult Immigrants Learning English in Ireland* // *Mapping the Terrain of Learner Autonomy: Learning Environment, Learning Communities and Identities*. F. Kjisik, P. Voller, N. Aoki and Y. Nakata. Dublin: Authentik, 2009. P. 51–85.
5. Little, D. *Learner Autonomy 1: Definitions, Issues and Problems*. Dublin: Authentik, 1991. 62 p.
6. Benson P., Voller P. *Autonomy and Independence in Language Learning*. L.: Routledge, 1997. 284 p.
7. Barnes, D. *From Communication to Curriculum*. London: Penguin Books Ltd, 1976. 210 p.
8. Dornyei Z. *Motivation in Second and Foreign Language Learning* // *Language Teaching*. July 1998. Vol. 31. Issue 03. P. 117–135.

Сведения об авторах

Золотова Марина Вианоровна
кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой английского языка
для гуманитарных специальностей
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
E-mail: mviazolotova@gmail.com

Ганюшкина Елена Валентиновна
старший преподаватель
кафедры английского языка
для гуманитарных специальностей
ННГУ им. Н.И. Лобачевского

УДК 378.147:811.111

**СИСТЕМА УПРАЖНЕНИЙ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ
КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ МАГИСТРАНТОВ
НЕЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВУЗА**

О.С. Присмотрова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается вопрос использования многоцелевых упражнений для формирования профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции магистрантов по направлению подготовки «Фундаментальная информатика и информационные технологии». Автор предлагает критерии отбора упражнений и приводит примеры заданий из разных блоков курса.

Ключевые слова: система, профессионально ориентированная иноязычная подготовка, типы упражнений.

**A System of Exercises for Developing Professional Communicative Competence in
English for Non-Language Majors in Master's Degree Programs
Oxana Prismotrova**

The article examines the use of multipurpose exercises for developing professional communicative competence in English in students, enrolled in Master's degree programs and majoring in Fundamental Computer Science and Information Technologies. The author suggests selection criteria for such exercises and cites specific examples of these exercises from different parts of the course.

Key words: system, profession-oriented English training, types of exercises.

Интеграция российских вузов в мировое образовательное пространство вызвала качественные преобразования в организации учебного процесса. В области языковой подготовки студентов нелингвистических вузов наметилась ярко выраженная тенденция к профессионально ориентированному обучению, что повлекло за собой переосмысление целей, принципов, содержания и методов обучения иностранному языку.

Изучение положений ФГОС ВПО по направлению подготовки «Фундаментальная информатика и информационные технологии» последнего поколения [1], требований академического и профессионального сообществ к уровню владения магистрантами

иностранном языке, реальных потребностей обучающихся в использовании английского языка в профессиональной и научной сферах позволило установить, что целью обучения английскому языку на современном этапе является формирование профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции (далее ПОИКК).

В русле нашего исследования под ПОИКК магистрантов по направлению подготовки «Фундаментальная информатика и информационные технологии» понимается интегральная способность обучающегося использовать английский язык в разнообразных ситуациях профессиональной и научной деятельности, владеть нормами профессиональной и научной коммуникативной этики в условиях межкультурной коммуникации.

Овладение студентами магистратуры всеми компонентами профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции (лингвистическим, социолингвистическим, дискурсивным, прагматическим, социокультурным, социальным, информационно-исследовательским) представляется возможным посредством выполнения специально разработанного набора упражнений, объединенных в систему.

Понятие «система» предполагает наличие множества элементов, частей, которые объединены определенным образом [2. С. 49]. Существенным признаком системы упражнений, по мнению И.В. Рахманова, является выделение типов упражнений, последовательность их выполнения [3. С. 83]. Под системой упражнений в рамках нашего исследования мы понимаем совокупность упражнений, направленную на профессионально-личностное развитие студентов и эффективное овладение ими набором знаний, умений, способностей, личностных качеств, поведенческих и коммуникативных стратегий, необходимым для успешного выполнения иноязычной деятельности в профессиональном и научном контекстах.

Целью данной статьи является изложение разработанной нами системы упражнений, обеспечивающей формирование профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции. Описываемая нами система упражнений создавалась в

соответствии с организационными особенностями процесса иноязычной подготовки магистрантов: внедренной автором данной статьи системы смешанного обучения иностранному языку и блочно-модульного структурирования учебного материала. Критерии отбора упражнений сформулированы в виде вопросов:

1. Принимаются ли во внимание психологические и мотивационные характеристики студентов?
2. Соответствуют ли упражнения, включенные в систему, уровню магистерского образования?
3. Направлено ли большинство отобранных упражнений на приобретение опыта решения различного рода задач в рамках иноязычной профессиональной и научной деятельности средствами иностранного языка?
4. Способствует ли выполнение созданных упражнений профессионально-личностному развитию обучающихся?
5. Обеспечивает ли данная система упражнений приращение социально ценных качеств магистрантов в рамках иноязычного профессионально и научно ориентированного взаимодействия?
6. Является ли приоритетной самостоятельная деятельность студентов при выполнении упражнений?
7. Характеризуется ли система упражнений наличием прочных связей между элементами системы?

Мы пересмотрели предложенные И.Л. Бим [4. С. 200] и В.А. Бухбиндером [5. С. 95] классификации упражнений под углом зрения настоящего исследования и выделили четыре основных кластера в разработанной нами системе упражнений – **ориентирующие, тренировочные, творческие и контролирующие упражнения** (см. рис. 1).

Рассмотрим выделенные типы упражнений на примере блоков «Деловой английский: этапы трудоустройства в сфере информационных технологий» и «Профессиональный английский: коммуникация в IT-компаниях» разработанного нами курса “English Communicative Competence in IT”.

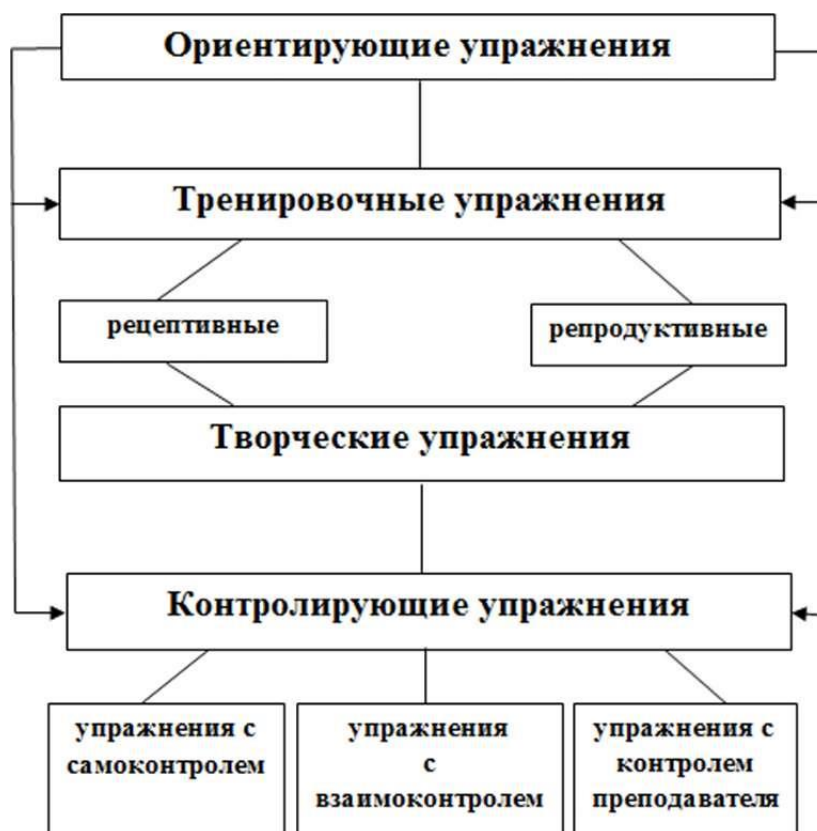

Рисунок 1. Система упражнений, обеспечивающая формирование профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции магистрантов

Ориентирующие упражнения актуализируют имеющийся лингвистический, профессиональный и социальный опыт обучающихся, служат введением в изучаемую тему. В частности, в рамках темы «Как написать резюме?» студенты, опираясь на собственные фоновые знания в области рекрутинга, должны предположить, какие подзаголовки из предложенного нами списка необходимо включить в текст резюме. Формулировка задания приведена ниже:

Which of the following headings (Marital Status, Interests and Hobbies, Contact Details, Current Salary, Name, Education, Qualifications, Date of Birth, Nationality, Key Achievements, Referees,

Employment History, Family Background) do you think should be included in a CV?

Далее студентам следует на основе актуализации своего профессионального и социального опыта расположить подзаголовки в той последовательности, которая, по их мнению, соответствует мировым рекрутинговым стандартам написания резюме. Задания подобного плана позволяют преподавателю определить, насколько хорошо студенты ориентируются в изучаемой теме, чтобы при необходимости в дальнейшем скорректировать содержание обучающего и контрольного этапов.

Тренировочные упражнения направлены на развитие у студентов готовности успешно выполнять профессиональную и научную деятельность в иноязычной среде. Тренировочные упражнения представлены двумя типами упражнений: *рецептивными и репродуктивными*.

Рецептивные упражнения способствуют эффективной работе студентов при просмотре видеоматериалов, прослушивании аудиофайлов, чтении текстов (в том числе гипертекстов), обзоре информации в интернет-источниках. Например, в ходе изучения модуля «Как успешно пройти собеседование при приеме на работу?» студенты выполняют групповой вики-проект под названием «У вас никогда не будет второго шанса произвести первое впечатление во время интервью». Каждому студенту предлагается проанализировать 5–10 интернет-источников по выбранной им теме, руководствуясь составленным нами перечнем критериев для оценки качества веб-сайтов. Данное упражнение помогает студентам развить умение критически оценивать информационные ресурсы, ориентироваться в структуре гипертекстового пространства, распознавать главную и второстепенную информацию, сопоставлять различные источники и точки зрения на одну проблему, что способствует формированию информационно-исследовательской компетенции.

Репродуктивные упражнения предусматривают прорабатывание учебного материала с целью получения заданного результата посредством выполнения условно-коммуникативных упражнений и заданий на имитацию, трансформацию, подстановку, ранжирование и т. д. Приведем формулировки упражнений из модуля «Как написать

сопроводительное письмо?», направленных на приобретение студентами способности составлять текст сопроводительного письма в соответствии с лингвистическими и рекрутинговыми стандартами:

1. *Put the parts of a cover letter in the correct order.*
2. *Fill in the gaps with the most suitable alternative.*
3. *Select the correct words in the brackets so that this cover letter is in good English.*

Творческие упражнения нацелены на созидательную, исследовательскую, коммуникативную, инновационную, подлинно продуктивную деятельность магистрантов в форме изучения различных источников, решения нестандартных интеллектуальных задач, анализа конкретных ситуаций, в том числе ситуаций социально заостренного проблемного характера [6. С. 18], выполнения проектов, выступления с презентациями, участия в деловых играх, продуцирования научных текстов и т. д. Например, в рамках темы «Как стать эффективным командным игроком?» блока «Профессиональный английский: коммуникация в IT-компаниях» студентам требуется провести анализ конкретной ситуации в проектной команде IT-компании. Магистранты должны предложить варианты решения возникшей проблемы с позиции менеджера проекта, получившего письмо-жалобу от одного из сотрудников, в котором адресант указывает на невозможность продуктивной кооперации с другим членом команды. Необходимо отметить, что все задания, разработанные по технологии кейс-стади, которые мы предлагаем студентам для изучения, носят аутентичный характер. В ходе бесед с сотрудниками IT-компаний нам удалось зафиксировать несколько десятков примеров затруднительных ситуаций, с которыми часто приходится сталкиваться менеджерам проектов и членам команд. Взяв за основу реальные проблемные ситуации, мы доработали некоторые детали, которые позволили бы студентам сосредоточиться именно на коммуникативном аспекте профессиональной деятельности.

Контролирующие упражнения служат для того, чтобы определить, могут ли студенты успешно справиться с профессионально и научно ориентированными заданиями, используя приобретенные ими знания, умения, способности,

личностные качества, поведенческие и коммуникативные стратегии. Контролирующие упражнения делятся на три типа: *упражнения с самоконтролем, упражнения с взаимоконтролем и упражнения с контролем преподавателя.*

Упражнения с самоконтролем выполняются студентами в системе *Moodle* в рамках дистанционного самостоятельного изучения английского языка. Преимуществом таких упражнений является то, что в системе управления обучением *Moodle* обучающимся не только предоставляется правильный ответ (эталон для сличения), но и исчерпывающий комментарий преподавателя и рекомендации относительно способов исправления возможных ошибок. «Управляемый самоконтроль», в который вовлекаются студенты, способствует выработке в сознании обучающихся эталонов, необходимых для перехода в дальнейшем на самоконтроль. Данный вид упражнений не только способствует формированию учебной автономии студентов за счет эффективной организации самостоятельной деятельности за пределами аудитории, но и позволяет значительным образом облегчить труд преподавателя при проверке работ.

Упражнения с взаимоконтролем, выполняемые студентами в системе *Moodle* в ресурсе «Семинар», позволяют студентам оценить работы друг друга по критериям, разработанным на предварительных этапах преподавателем совместно со студентами. Например, в блоке «Деловой английский: этапы трудоустройства в сфере информационных технологий» студенты проводят взаимопроверку текстов резюме, вопросов к HR-менеджеру и видео, в котором обучающиеся имитируют процедуру прохождения собеседования в иностранной или международной IT-компании / организации. Выполняя упражнения данного типа, студенты развивают критическое мышление, что способствует формированию большей степени ответственности за результаты своей интеллектуальной деятельности в ходе обучения в дальнейшем.

Упражнения с контролем преподавателя используются во всех компонентах курса. Оценка преподавателя необходима в тех случаях, когда выполняемое задание обладает высокой сложностью и требует глубокого и тщательного анализа. В частности, в рамках темы «Как

стать компетентным *IT*-специалистом в сфере информационных технологий?» студентам требуется написать эссе по одной из предложенных тем: 1. *Why do you have to be a versatile person to make a successful career in IT industry?* 2. *Why do not all college drop-outs end up billionaires in computer world?* Выполнение подобного рода заданий не только позволяет студентам детально проанализировать личные, коммуникативные и профессиональные качества, необходимые *IT*-специалисту для достижения профессионального и карьерного роста, но также развить умения логически, лексически и грамматически правильно формулировать свои мысли в письменном дискурсе. Создание текста эссе – довольно трудоемкий процесс для студентов неязыкового профиля, нередко преподавателю приходится отправлять работу студенту на доработку по несколько раз, прежде чем текст эссе станет корректным с точки зрения логической связности, смыслового содержания и лексико-грамматического оформления.

В заключение необходимо отметить, что описанная в статье система упражнений по формированию профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции магистрантов по направлению подготовки «Фундаментальная информатика и информационные технологии» была апробирована в ходе педагогического эксперимента в рамках разработанного нами курса “English Communicative Competence in IT”, созданного на основе системы смешанного обучения и блочно-модульного структурирования учебного материала. Экспериментальное обучение проходило на базе Нижегородского национального исследовательского университета им. Н.И. Лобачевского. Сравнение показателей сформированности ПОИКК студентов в экспериментальной и контрольной группах по результатам предэкспериментальных и постэкспериментальных срезов свидетельствует о том, что уровень ПОИКК магистрантов в экспериментальной группе на 25 % превышал уровень ПОИКК студентов в контрольной группе. Полученные данные убедительно доказывают эффективность предложенной системы упражнений.

Библиографический список

1. ФГОС ВПО по направлению подготовки 010300 – Фундаментальная информатика и информационные технологии (квалификация (степень) «магистр») // Электронный ресурс Интернет: http://www.osu.ru/docs/fgos/vo/mag_02.04.02.pdf.
2. Ариян М.А., Оберемко О.Г., Шамов А.Н. Методика преподавания иностранных языков: общий курс. Издание второе, переработанное и дополненное. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2004. 190 с.
3. Методика преподавания иностранных языков. Общий курс. Издание второе, переработанное и дополненное / Отв. редактор А.Н. Шамов. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005. 299 с.
4. Бим И.Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и теория школьного учебника. М.: Русский язык, 1977. 288 с.
5. Общая методика обучения иностранным языкам: Хрестоматия / Сост. А.А. Леонтьев. М.: Рус. яз., 1991. 360 с.
6. Ариян М.А. Механизмы и условия социального развития студентов средствами ИЯ // Высшее образование в России. 2011. № 5. С. 17–21.

Сведения об авторе

Присмотрова Оксана Сергеевна
аспирант кафедры лингводидактики
и методики преподавания иностранных языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: OxanaPrism@mail.ru

УДК 372.881.111.1

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В СОДЕРЖАНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Е.Г. Соколова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается вопрос содержания обучения иностранному языку студентов по направлению подготовки «Юриспруденция» в свете межкультурной образовательной парадигмы. Автор приводит определение межкультурной компетенции юриста, выделяет принципы отбора межкультурного обучения будущих юристов и подробно описывает межкультурный компонент в соответствии с определением и принципами.

Ключевые слова: юрист, межкультурная парадигма, иноязычная подготовка, профессионально ориентированная межкультурная компетенция, содержание обучения

The Cross-Cultural Component in Foreign Language Training for Law Students

Elena Sokolova

The article examines the content of foreign language training for law students in the context of the cross-cultural education paradigm. The author defines the cross-cultural competence of a lawyer, outlines selection principles for cross-cultural training of future lawyers, and describes the cross-cultural component in foreign language training for law students in accordance with the proposed definition and selection principles.

Key words: lawyer, cross-cultural paradigm, foreign language training, professionally oriented cross-cultural competence, teaching content.

В настоящее время происходит модернизация системы иноязычного образования в соответствии с антропоцентрической научной концепцией и новыми социокультурными условиями эпохи глобализации. На современном этапе развития лингводидактики ученые уделяют особое внимание подготовке обучающихся к межкультурному взаимодействию [1; 2], что обуславливает необходимость пересмотра содержания обучения иностранным языкам.

Обучение будущих юристов иностранному языку в рамках межкультурной образовательной парадигмы обеспечивает подготовку выпускников к взаимодействию с зарубежными коллегами или

клиентами, представляющими иную лингвокультуру и, более того, правовую субкультуру.

Практическая реализация межкультурного подхода к иноязычной подготовке студентов правового профиля возможна при условии дополнения содержания обучения межкультурным компонентом. В данной статье мы предпринимаем попытку описать межкультурный компонент содержания обучения иностранному языку бакалавров – будущих юристов.

Изучая вопрос иноязычной подготовки студентов правового профиля в условиях поликультурного пространства, мы поддерживаем позицию ученых о необходимости формирования у студентов вузов профессионально ориентированной межкультурной компетенции [3; 4; 5; 6].

В научных работах профессионально ориентированная межкультурная компетенция в обобщенном виде представлена как способность специалиста эффективно осуществлять общение с представителями иноязычной профессиональной субкультуры на основе специальных социокультурных и межкультурных знаний, навыков, умений и личностных качеств [7; 8].

Учитывая специфику профессиональной деятельности специалиста правовой сферы, мы рассматриваем межкультурную компетенцию юриста как способность и готовность к продуктивному, дипломатичному межкультурному взаимодействию в сфере права, основанные на владении билингвальными коммуникативными, социокультурными, профессионально-предметными знаниями, навыками и умениями, а также на профессионально значимых качествах личности будущего юриста.

При определении места межкультурного компонента в структуре содержания иноязычной подготовки будущих юристов мы опираемся на традиционную в методической науке концепцию Г.В. Роговой. Согласно ученому, в содержание обучения входят три компонента: лингвистический, психологический и дидактико-методический (методологический) [9]. Знания, навыки и умения в составе межкультурной компетенции юриста соответствуют данной структуре содержания обучения. Таким образом, мы не выделяем обособленно межкультурный компонент, а дополняем каждый

традиционный компонент содержания иноязычной подготовки студентов бакалавриата межкультурной составляющей.

В лингводидактике существует ряд общепринятых принципов отбора содержания обучения (принцип необходимости и достаточности, принцип доступности) и принципов применительно к конкретным условиям или целям обучения.

При выделении принципов отбора содержания межкультурного обучения для студентов юридической специальности мы ориентировались на виды профессиональной деятельности и профессионально значимые способности юриста, представленные в профессиограмме «Юрист» [10] и в объявлениях работодателей. В результате нами были выбраны принципы из уже существующих или выделены собственные принципы отбора. К ним относятся следующие:

- принцип необходимости и достаточности;
- принцип доступности;
- принцип аутентичности языкового, речевого и социокультурного материала;
- принцип приобщения к культурному наследию своей и зарубежных стран;
- принцип способности содержания обучения воспитать культурную идентичность будущего юриста, а также развить основные черты поликультурности;
- принцип обеспечения сравнительного изучения лингвокультурных особенностей правовых субкультур разных стран.

Представим подробное описание межкультурного компонента содержания иноязычной подготовки, отобранного в соответствии с названными выше принципами.

Лингвистический компонент

С позиции межкультурного подхода нами был выделен специальный *языковой материал*:

- а) лексический: лексические единицы с культурным компонентом значения (выражают особые культурные реалии и ценности); юридические термины, отражающие иноязычную правовую субкультуру; речевые клише, применяемые в ситуациях делового устного и письменного общения в юридической сфере;

б) грамматический: конструкции, употребление которых или отказ от которых культурно обусловлены.

Поскольку профессиональное общение происходит чаще в стандартных ситуациях, речевая практика будущих специалистов должна быть ситуативна, что способствует психологической и языковой подготовке студентов к межкультурному профессиональному взаимодействию. Е.П. Глумова справедливо отмечает обучающий потенциал коммуникативных ситуаций: «Ситуации должны помогать студентам: уяснить предмет высказывания, определить его речевую форму, выбрать лексические и грамматические единицы, воплощать замысел высказывания в текст, определять стратегию речевого поведения...» [11. С. 229].

Анализ должностных обязанностей и профессиональной деятельности юриста позволил нам выделить следующие *коммуникативные ситуации* межкультурного диалогического и монологического взаимодействия: представление себя и компании, обращение, официальное знакомство, официальное приветствие, прощание, завершение делового контакта, поддержание разговора, извинение, признание ответственности за нарушение условий договора, объяснение причин нарушений, разговор по телефону, благодарность, пожелание, приглашение, просьба, консультация клиента по правовому вопросу, деловое предложение, оценка, публичное выступление и др. Необходимо заметить, что в условиях неязыкового вуза невозможно охватить все реально существующие ситуации делового общения. Представленный минимум в содержании видится нам достаточным для развития основных коммуникативных стратегий в профессиональном межкультурном взаимодействии.

При отборе межкультурной составляющей содержания обучения мы попытались найти оптимальный способ реализации целей межкультурной подготовки будущих юристов в условиях дефицита аудиторных часов. По этой причине мы считаем, что аутентичный *текст* по специальности должен быть принят за основную единицу обучения студентов, так как он отражает инокультурную профессиональную реальность. Согласно позиции Ю. В. Чичериной, текстовая деятельность является «опосредованной формой межкультурной коммуникации» [12. С. 225].

Отбор текстов профессионального содержания для обучения межкультурному общению должен проводиться в соответствии со *сферами* и *темами* общения, представленными в рабочей программе по дисциплине «Иностранный язык в сфере юриспруденции». Выполнение послетекстовых упражнений (условно-речевых и речевых) направлено на развитие у студентов умений межкультурного общения (устного и письменного) в сфере права.

Психологический компонент

Анализ видов международной профессиональной деятельности юриста и основных требований к специалисту по юриспруденции позволил нам выделить следующие *межкультурные умения* юриста: сопоставлять модели речевого и неречевого поведения в ситуациях профессионального общения, выявлять культурные факторы профессионального взаимодействия; представлять свои национальные культурные ценности и правовую субкультуру в процессе кросс-культурного взаимодействия; определять культурный компонент значения отдельных иноязычных юридических терминов и адекватно их применять в межкультурной коммуникации; правильно и дипломатично вести устное межкультурное общение (переговоры, публичное выступление, консультирование) с зарубежными коллегами и клиентами; предвидеть и предупреждать трудности общения, вызванные культурно обусловленными различиями коммуникантов.

Дидактико-методический компонент

В процессе познания иной правой субкультуры студентам необходимы *приемы работы с иноязычными аудио- и видеоматериалами*. Как показывает опыт работы со студентами юридического факультета, прослушивание профессионально ситуативных диалогов и просмотр фрагментов документальных и художественных фильмов правовой тематики способствуют погружению студентов в иноязычную социокультурную среду профессиональной сферы деятельности. Задача преподавателя заключается в развитии у студентов навыков выделения речевых клише профессионального общения, извлечения визуального образца делового общения, характеризуемого внешним обликом и манерами вербального и невербального поведения юриста.

Успешная реализация целей межкультурной подготовки будущих юристов возможна только при рациональной и мотивирующей организации самостоятельной внеаудиторной работы студентов. В данном случае, учитывая возрастные интересы обучающихся и широкое распространение компьютерных технологий, мы считаем перспективным развитие у студентов *умения самостоятельной работы с интернет-ресурсами* для пополнения предметных и социокультурных знаний об отличительных особенностях зарубежных правовых систем. Развитие у студентов данного умения происходит в процессе выполнения проектных работ или подготовки к студенческим дискуссиям, конференциям.

Резюмируя сказанное выше, представим межкультурную составляющую в содержании обучения студентов по направлению подготовки «Юриспруденция» в виде таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1

Межкультурная составляющая в содержании иноязычной подготовки студентов юридического профиля

Лингвистический компонент	Психологический компонент	Дидактико-методический компонент
1) лексические единицы с культурным компонентом значения (безэквивалентная лексика, фоновая лексика, топонимы); 2) юридические термины; 3) речевые клише общения в сфере юриспруденции; 4) грамматические конструкции письменного общения в сфере права; 5) грамматические конструкции устной речи юриста; 7) ситуации межкультурного общения в сфере права; 8) социокультурные знания; 9) тексты культурно-профессиональной тематики	межкультурные умения: сопоставлять модели речевого и неречевого поведения в ситуациях профессионального общения; представлять свои национальные культурные ценности и правовую субкультуру; определять культурный компонент значения отдельных иноязычных юридических терминов; правильно и дипломатично вести устное общение (переговоры, публичное выступление, консультирование) с зарубежными коллегами и клиентами; предвидеть и предупреждать культурно обусловленные трудности общения в профессиональной сфере	1) приемы работы с иноязычными аудио- и видеоматериалами профессиональной направленности; 2) умения самостоятельной работы с интернет-ресурсами

В заключение считаем необходимым отметить, что реализация межкультурного компонента в содержании обучения иностранному языку способствует формированию у будущих юристов общекультурных компетенций, представленных в федеральном государственном стандарте для студентов по направлению подготовки «Юриспруденция» [13]. Более того, развитие умений межкультурного общения на иностранном языке совершенствует культуру профессионального общения и на родном языке, что является важным гуманитарным качеством современного специалиста в сфере права.

Библиографический список

1. Глумова Е.П. Методика обучения организации межкультурного общения на материале регионального компонента: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. Н. Новгород, 2006. 28 с.
2. Чичерина Ю.В. Формирование и развитие поликультурной личности как цель обучения иностранным языкам // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. 2016. Вып. 33. С. 185–191.
3. Агранат Ю.В. Формирование поликультурной личности будущих специалистов социальной сферы при обучении иностранному языку в вузе: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. Хабаровск, 2009. 20 с.
4. Гусева Л.В. Профессионально ориентированные ситуации иноязычного общения как средство развития межкультурной компетенции бакалавров: Дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород, 2015. 188 с.
5. Елизарова Г.В. Формирование межкультурной компетенции студентов в процессе обучения иноязычному общению: Дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2001. 371 с.
6. Оберемко О.Г. Диалог культур в обучении иностранному языку студентов лингвистического вуза // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. 2014. Вып. 26. С. 101–114.
7. Герасимова И.Г. Формирование межкультурной компетенции студентов геологических специальностей в процессе обучения профессиональному общению на английском языке: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2010. 21 с.
8. Плужник И.Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе

профессиональной подготовки: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тюмень, 2003. 44 с.

9. Рогова Г.В., Рабинович Ф.М., Сахарова Т.Е. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М.: Просвещение, 1991. 287 с.

10. Профессиограмма «Юрист» // Электронный ресурс Интернет: <http://phtt.ru/userfiles/ufiles/professiogrammayurist.pdf>.

11. Глумова Е.П. Теория и практика обучения будущих учителей иностранного языка организации межкультурного общения // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. № 3 (24). С. 225–230.

12. Чичерина Ю.В. Обучение коммуникативным умениям чтения прагматических текстов как условие формирования и развития межкультурной компетенции // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. 2011. Вып. 13. С. 224–231.

13. ФГОС ВПО по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «Бакалавр») от 4 мая 2010 г. // Электронный ресурс Интернет: <http://www.osu.ru/docs/bachelor/fgos/030900b.doc>.

Сведения об авторе

Соколова Елена Геннадьевна
аспирант кафедры лингводидактики
и методики преподавания иностранных языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: egsokolova2013@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ

Новая «культурная журналистика»: жанровые форматы vs. медийные предложения

А.Г. Пастухов

Орел

Рецензия на книгу: **Lüddemann S. Kulturjournalismus: Medien, Themen, Praktiken. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2015. 147 S.**

Не будет преувеличением сказать, что «культурная журналистика» переживает фазу перемен. Классические отделы культуры редакций находятся под постоянным прессом, связанным с возникновением «новых» форматов журналистики, с изменением ее функций. Все ощутимее становится пульс времени: экономический кризис и успехи «новых» медиа существенно изменяют как саму профессию, так и ее место в современном медийном ландшафте – оптимизируются рабочие места, сокращаются ставки в отделах культуры, происходит слияние газет. В то же время, в противовес бумажным, электронные медиа активно «засаживают» огород культурной журналистики в Интернете. Любая общенациональная газета представлена электронной версией и активно продвигает себя в блогах и на сайтах.

Несмотря на усиление конкуренции со стороны электронных медиа, культурная журналистика в целом сохраняет свои позиции. Она не исчезает совсем, поскольку существует постоянная потребность читателей в отражении критического восприятия действительности, в ее отношении к культурным и социальным институтам. Не случайно поэтому, что вышедшая в 2015 г. книга известного немецкого культуролога и редактора отдела культуры «Нойе Обснабрюкер Цайтунг» (*Neue Osnabrücker Zeitung*) Штефана Людемана «*Kulturjournalismus: Medien, Themen, Praktiken*» [1] сразу привлекла к себе внимание специалистов и практиков. Данное издание представляет собой некий итог теоретической рефлексии и одновременно является практическим руководством для пишущих на

темы культуры. Отражение, понимание и, собственно, предназначение культуры, а также ролевые отношения в ней показаны как важнейший инструмент «культурной» журналистики.

Какое же место занимает культурная журналистика в системе глобализованной медиапрактики? Одерживает ли она какие-либо значимые победы или, наоборот, несет потери? На эти и другие вопросы книга Ш. Людемана дает своевременные ответы, которые немало способствуют «освоению» культурного мира. Следует, вероятно, напомнить, что первая современная работа по журналистике культуры появилась в 1997 г. Ее автор Дитер Хес (Dieter Heß) задается вопросом: *Was ist Kunst? Was ist Kultur? Die Gespräche über Kultur haben eine Gemeinsamkeit: Nach wenigen Minuten kommt die Feststellung, dass man Kunst von Kommerz und Hochkultur von Unterhaltung nicht eindeutig abgrenzen kann* [2. S. 132–133].

Действительно, попытки различения массовой и элитарной культуры лишней раз подчеркивают то обстоятельство, что «культура» представляет собой чрезвычайно широкое поле, на котором не существует ничего, что бы эти понятия не могли в себя вместить. В соответствии с ее задачами и компетенциями журналистская культура представляет собой одновременно сферу теоретического изучения и практического приложения. Пишущие о культуре в своих интенциях показывают, каким универсальным и специализированным должен быть «культурный журналист» (*Kulturjournalist*). Он должен обладать знаниями в сфере политики и культурологии, умением писать критические заметки о высоком или популярном искусстве и при этом еще неплохо разбираться в политических хитросплетениях.

Диапазон пространства культуры требует уточнения термина «культурная журналистика» [3. S. 12–13]. Это необходимо сделать еще и потому, что более точного определения требует то пространство, которое находится между культурными институтами и читателями. В нашем обзоре мы постараемся дать ответ на вопрос, как планируется и на чём строится журналистика культуры.

Без сомнения, культурная журналистика успешна, если она отражает интерес читателя и фокусирует свое внимание на производстве медийных «отпечатков» культурной жизни. Часто эти образцы ставятся под сомнение, а их разнообразие связано с требованием постоянной модификации. Модифицируясь,

медiateксты культуры артикулируют потребность в отражении актуальных ценностей нашей жизни: *Kulturjournalismus – das klingt nach der Allianz von professioneller Praxis und einem modischen Paradigma soziologischer Theorie. Eine konstruktivistische Sicht auf Kulturjournalismus erscheint hingegen als dringend gebotene Option. Kulturjournalismus bildet Kultur nicht einfach nur ab, Kulturjournalismus produziert selbst Kultur: damit ist gemeint, dass Kulturjournalismus nicht einfach nur über Geschehnisse in der Kultur berichtet, sondern mit Interpretationsleistungen zu Kultur beiträgt* [4. S. 281].

Но в немалой степени культурная журналистика и конъюнктурна. К этому её побуждают ситуации, призванные отразить обладание некоей фасцинативной силой, что означает для нее возможность противостояния в сложном медийном мире [5. С. 160–161]. Одновременно она обнаруживает свою характерную устроенность, как в силе рефлексии и компетенций наблюдателя, так и в охвате разнообразных сторон культурной жизни.

Культурная журналистика для ее многочисленных авторов становится ремеслом (*Handwerk*), которому, в принципе, можно научиться. Но в то же время она требует глубокого предметно ориентированного знания, которое необходимо для анализа художественного произведения, культурного события, характеристики личности в контексте культуры. Ш. Людеман пишет, что *Kulturjournalismus ist selbst Kultur, ... er produziert Kultur als „Kontakt, Verhandlung, Austausch zwischen den Disziplinen und medialen Sphären“* [6. S. 82]. ...*Kulturverständnis und Begriff von Kultur müssen im Hinblick auf den Kulturjournalismus dennoch weiter spezifiziert werden* [1. S. 55].

В ряде случаев культурная журналистика может приобретать совершенно иные качества: содержательно и зрительно она более длительная, т. к. в своем прекрасном начале она принимает на себя и просветительские функции. Информация о фестивале в Байройте, разбор концерта в Берлине или Москве содержат одновременную субъективность и инновативность, ограничивающиеся, как правило, оригинальностью журналистского текста: *Die hier versammelten Positionen sind gerade deshalb zu Klassikern des Genres avanciert, weil sie den jeweils dominierenden Kulturbegriff mit paradigmatischen Setzungen erweitern* [1. S. 82–83].

Инновация может заключаться также и в том, что текст критики препарирует, реконструирует художественные произведения, делает их более доступными благодаря особым инструментам восприятия, а также направленности на конкретные целевые группы: *Mit den Bezugsgruppen der Kulturinstitutionen, der Kulturmacher und der Künstler nimmt der Kulturjournalist Kontakt mit drei Dimensionen auf, in deren jeweiligem Modus Kultur verwirklicht wird. ... Kulturmacher prägen die Programmatik von Kultur, Künstler die Qualität ihrer künstlerischen Ausprägung und innovativen Veränderung. Der Bezug des Kulturjournalisten zu diesen Bezugsgruppen kann pragmatisch gesehen werden. Institutionen, Macher und Künstler definieren Themen der journalistischen Berichterstattung, sie stellen auch zentrale Anlaufpunkte, Schauplätze, Diskursarenen und Kontaktpersonen der Kultur* [1. S. 27].

Говоря о т. н. «прагматических измерениях» культурной журналистики, мы рассматриваем конкретные профили культуры и их взаимосвязи. Особую роль здесь играет язык культуры, отражающий критические подходы и обладающий высоким уровнем аналитизма и масштабов качества. Для культурной журналистики необходимы прежде всего содержательные, но при этом не слишком сложные тексты. Редактор Баварского радио Петер Юнгблут (Peter Jungblut) настойчиво выступает за то, чтобы в критике культуры отказаться от мнимой профессиональной терминологии: *Ich bin da immer müde, meine Mitarbeiter anzuhalten, auf vermeintliche Fachbegriffe zu verzichten. Gern mache ich auch ein Quiz und frage, wer eigentlich weiß, was mit einem bestimmten exotischen Ausdruck gemeint war. Oft sind fragende Blicke die einzige Reaktion! D.h. gerade im Kulturjournalismus ist es schick, wissend zu tun und unwissend zu sein. Ein Jammer!* (цит. по: [2. S. 143]).

Зависимость от смысла, темы, фокуса объективно реализуется в идеально-типической модели *актора* культуры, которая возникает в результате взаимодействия четырех важнейших актантов данного процесса – Я-концепта, роли редакции (редакционной политики), сферы деятельности целевых групп и адресата – реципиента медийных предложений: *In dieser Perspektive erscheint der Kulturjournalist als Akteur, der sich in einer komplex geschachtelten Umwelt selbst entwerfen muss... So sind auch Berufskollegen und Kulturmacher Adressaten der Medienangebote, die ein Kulturjournalist*

erstellt, ebenso wie Adressaten selbst zu Kulturmachern avancieren [1. S. 36].

На развитие медиажанров культуры большое влияние оказывали и продолжают оказывать современные, или, как их принято называть, «новые», медиа. Они объединяют в себе гибридные медиальные способы представления информации с ожиданиями читателя. Современные печатные медиа, стремящиеся сохранить уровень и качество медийных предложений, активно дополняются онлайн-приложениями. В качестве примера можно привести немецкоязычный электронный ресурс *Perlentaucher* – ведущий независимый интернет-журнал (см.: www.perlentaucher.de) по вопросам культуры и литературы. Основанный в 2000 г., он публикует на своих страницах раздел *фельетон (Feuilletonrundschau)*, *медиатикеры (Medienticker* – медиатикер (рус.) – электронная платформа в какой-либо из социальных сетей, содержащая материалы о свободе слова, журналистике, альтернативных медиа, независимых радиостанциях, процессах дигитализации – прим. авт.), *обзоры книг (Bücherschau)*. Кроме того, на сайте ресурса можно встретить еженедельные *обзоры журналов (Magazinrundschau)*, многочисленные авторские публикации.

Актуальные рефлексии культуры могут быть рассмотрены как программа, представляющая собой набор абстрактных смыслов и процедур тематизации в виде различных соединений. Прямое наблюдение этих процессов, к сожалению, не всегда возможно, т. к. медийные форматы конкретизируют эту программу весьма специфично, не позволяя проникнуть внутрь, досконально познать ее, изучить, чтобы использовать дальше. Поскольку не бывает культурных форматов без конкретной формы, не бывает конкретизации без смысла: *Dabei folgen die verschiedenen Themen nicht einfach linear aufeinander. Sie weisen Rückkopplungen auf, bilden Gegensatzpaare von Themenentscheidungen, die zu ein und derselben Zeit getroffen werden und sich zueinander antipodisch verhalten* [1. S. 82].

Переход от абстрактного значения жанра к его медиальным реализациям следует воспринимать как особенность общей культуры, которая не должна сводиться к простому дуализму или антагонизму. Любое из возможных противопоставлений следует воспринимать эвристически, превращая дуализм в триализм. Иными словами, любой конструкции культуры необходимо придать ещё одно измерение [1. S. 5]. Только в этом случае имеет смысл вести речь о связи жанровых

(композиционно-речевых) форм с практическими способами представления материала, в которых «культурные комментарии» окажутся в центре обсуждения, критики, анализа, резюмирования, апеллирования и т. д. Параллельно они будут активно документировать действительность, изображать, преувеличивать или принижать то, что в конечном счете изменит её методы и практики. Благодаря такому беспрецедентному вмешательству культурные жанры журналистики способны достичь большего, чем любые другие медийные жанры из одной «большой бочки» (*großes Fass*) информации. Ш. Людеман пишет, что жанры культурной журналистики открывают новые опции для творческих подходов: *Textsorten eröffnen Optionen für Zugänge zu Gegenständen der Kultur. Mit Texten und ihren Bauformen werden Blickwinkel und Reflexionsweisen konstituiert, die Kultur als Thema erschließen und sie zugleich mit jenen Sinndeutungen fortsetzen, die Kulturjournalismus liefert* [1. S. 129].

Отметим также, что с развитием мультимедиа культурная журналистика претерпевает изменения: она жива, как никогда, и, вопреки всем «лебединым песням», культурные отделы только укрепляют свои позиции. Самый беглый взгляд на блоги культуры убедительно свидетельствует о предпочтениях в культуре «своих» аудиторий. Несложно увидеть и сравнить, что быстрый и недолговечный Интернет делает культурную журналистику неотъемлемым и вполне надежным источником информации, важнейшим форумом общественного отражения. Вполне справедливо Ш. Людеман обращает внимание на обязательную при этом селекцию информации: *Die Kommunikationsofferte entsteht als Konstrukt aus mehreren Komponenten und als Ergebnis von Selektionen. Wesentliche Selektionen betreffen Themen, journalistische Formen und mediale Kanäle. Dabei werden die entsprechenden Entscheidungen nicht linear nacheinander getroffen, sondern permanent miteinander gekoppelt. Potenzielle Themen werden im Hinblick auf das angemessene journalistische Format und den geeigneten Medienkanal gesehen – und umgekehrt* [1. S.48–49].

Еще одним важным аспектом культурной журналистики является место и роль профессиональных критиков, пишущих на культурную тематику. В представлении многих, их деятельности можно позавидовать. «Они посещают фестивали, без проблем попадают на премьерные показы и зарабатывают свой хлеб на самых

прекрасных вещах в этой жизни». Но с точки зрения самого критика реальность выглядит по-иному. Культурные критики оказываются весьма чувствительными в отношении поля их деятельности. Они весьма тонко чувствуют истинные величины и показывают читателю жизнь «тёмных овечек», втянутых в какие-либо скандалы в культуре или искусстве: *Kulturjournalisten erstellen mediale Produkte. Diese Produkte sollen hier als Kommunikationsofferten verstanden werden. ... Sie wirkt wie die Kultur selbst als Themenvorrat und als Arsenal von Prozeduren, diese Themen zu bearbeiten und zu reflektieren.*

Но не только это является специфической стороной в деятельности критика. Динамика культурной журналистики предоставляет многочисленные возможности превращения текста из твердого тела в другие состояния, позволяя ему плавно перетекать в новые журналистские формы и форматы [7. С. 149], намечая перспективы читательской рецепции.

Хотелось бы надеяться, что рецензируемая книга Ш. Людемана будет активно востребована всеми теми, кто получает журналистское или лингвистическое образование. Она, без сомнения, может научить новичков журналистики многому, прежде всего адекватному восприятию условий медийного производства в сфере культуры и искусства, поможет лучше понять суть и динамику современных медиаформатов. Она, возможно, также побудит их обратить более пристальное внимание на работу с жанровыми формами, заставит их задуматься над созданием новых. Опытных журналистов она подвигнет на формирование нового, незатертого взгляда на свои производственные домены. Искушенный читатель разделов культуры после прочтения книги наверняка оживит свои ощущения прекрасного, отчего ему, возможно, захочется принять участие в новом переформатировании пространства культурной журналистики. Подобную мотивацию Штефан Людеман вполне успешно обеспечивает оригинальным видением проблематики и современного состояния дел в этой сфере.

Библиографический список

1. Lüddemann S. Kulturjournalismus: Medien, Themen, Praktiken. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2015. 147 S.
2. Heß D. Kulturjournalismus. Ein Handbuch für Ausbildung und

Praxis. 2. aktual. Aufl. Berlin: List Verlag, 1997. 247 S.

3. Hettinger H., Kramp L. Kultur. Basiswissen für die Medienpraxis. Köln: Herbert von Halem Verlag, 2013. Bd.7. 249 S.

4. Krijnen Ch. Bedeutung // Handbuch Kulturphilosophie. R. Konersmann (Hrsg.). Stuttgart: Metzler, 2012. S. 279–287.

5. Пастухов А.Г. Документация, оценка и классификация фасцинативных реакций в медиа // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Сб. науч. тр. Вып. 11. Орёл: ОГИИК: Горизонт, 2013. С. 159–174.

6. Baßler M. Augenblick und Archiv. In: Was vom Tage bleibt. Das Feuilleton und die Zukunft der kritischen Öffentlichkeit in Deutschland /Hrsg. T. Steinfeld. Frankfurt/Main: Fischer, 2004. S. 79–83.

7. Пастухов А.Г. Медиажанры и медиаформаты: к разграничению понятий // Учёные записки Орловского государственного университета. 2015. № 5(68). С. 148–153.

Сведения об авторе

Пастухов Александр Гавриилович
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой иностранных языков
Орловского государственного института культуры
E-mail: alexander.pastukhov@yandex.ru

ХРОНИКА

Юбилейные заседания Нижегородского представительства общества немецкого языка в НГЛУ

В мае – июне 2016 года в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова состоялись заседания Нижегородского представительства Общества немецкого языка (Германия), приуроченные к юбилейным датам выдающихся ученых НГЛУ.

На заседаниях присутствовали преподаватели и студенты нижегородских вузов, а также жители Нижнего Новгорода, интересующиеся вопросами изучения немецкого языка и культуры.

Заседание 3 мая 2016 года было посвящено 93-й годовщине со дня рождения Александры Тимофеевны Кукушкиной и 90-й годовщине со дня рождения Рауиля Рухулбаяновича Каспранского.

С особым вниманием участники прослушали доклад заведующего кафедрой теории и практики английского языка и перевода НГЛУ, доктора филологических наук, профессора Андрея Владимировича Иванова на тему „Deutsch als Wissenschaftssprache: Probleme und Aussichten für Zukunft”. В докладе А.В. Иванова был дан глубокий анализ развития немецкого языка как языка науки, раскрыты механизмы изменения статуса немецкого языка в современном мире.

С воспоминаниями о жизни и деятельности этих выдающихся ученых выступили проректор по воспитательной работе Ж.В. Никонова и декан факультета романо-германских языков С.Н. Саможенов. Они отметили большой вклад А.Т. Кукушкиной и Р.Р. Каспранского в совершенствование преподавания немецкого языка в Горьковском институте иностранных языков (ныне НГЛУ), в становление отечественной науки и укрепление престижа НГЛУ как одного из центров подготовки научных кадров. В заключение был показан фильм, посвященный деятельности А.Т. Кукушкиной, снятый к ее 90-летию.

7 июня 2016 года состоялось десятое заседание Нижегородского представительства Общества немецкого языка, созданного на базе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова в ноябре 2014 года.

Юбилейное заседание Нижегородского представительства было посвящено 90-й годовщине со дня рождения Павла Савельевича Вдовиченко, проректора по учебной работе ГГПИИЯ (ныне НГЛУ) с 1973 по 1986 гг.

С воспоминаниями о жизни и деятельности П.С. Вдовиченко выступили д-р филол. наук, проф. Н.А. Голубева, заведующая кафедрой иностранных языков НижГМА, канд. филол. наук, доц. Е.А. Волкова и ветеран факультета романо-германских языков В.Б. Лебедев. Они отметили большой вклад П.С. Вдовиченко в совершенствование преподавания иностранных языков и укрепление престижа НГЛУ как одного из центров подготовки педагогических кадров для школ и вузов страны.

С докладом на тему „Textkorpus in der Sprachforschung: Anwendungsmöglichkeiten und einige Beispiele” выступила канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка и перевода НГЛУ И.С. Парина, ставшая в 2012 г. лауреатом престижной немецкой премии им. братьев Гримм для молодых ученых.

В докладе И.С. Париной был рассмотрен текстовый корпус немецкого языка *DeReKo* (*Deutsches Referenzkorpus*) Института немецкого языка г. Мангейма (ФРГ), представляющий собой самое большое в мире электронное собрание современных немецкоязычных текстов. Отмечая широкие возможности корпуса для научной и педагогической работы, а также для повышения уровня объективности лингвистического исследования, И.С. Парина высказала очень важную мысль о необходимости использования данных корпуса в двуязычной фразеографии, особенно при анализе фразеологических неологизмов, внутриязыковых синонимов и межязыковых эквивалентов и псевдоэквивалентов. Доклад И.С. Париной вызвал живой интерес аудитории и горячий обмен мнениями.

Юбилейные заседания Нижегородского представительства Общества немецкого языка (Германия) прошли в творческой атмосфере. Участники заседания, в том числе молодые исследователи, отметили, что в их силах сделать все возможное, чтобы изучение немецкого языка в XXI веке становилось все более популярным и доступным.

Н.Е. Бажайкин, Ж.В. Никонова

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 35

Редакторы: А.О. Кузнецова
Д.В. Носикова
А.С. Паршаков

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 30.09.2016

Формат 60х90 1/16

Печ. л. 10,875

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ

Типография НГЛУ
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а